

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Белгородский государственный университет»

Н.А. Беседина

**МОРФОЛОГИЧЕСКИ ПЕРЕДАВАЕМЫЕ
КОНЦЕПТЫ**

Монография

Москва – Тамбов – Белгород 2006

ББК 81.02 + 81.2Англ
Б 53

Печатается по решению редакционно-
издательских советов ТГУ им. Г.Р. Державина
и БелГУ

*Работа выполнена в рамках совместного научного проекта
института языкознания РАН
и Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина «Исследование языка как концептуальной системы»*

Научный редактор:

Н.Н. Болдырев – доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Рецензенты:

Е.С. Кубрякова – доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.Л. Шарандин – доктор филологических наук, профессор
Л.В. Бабина – доктор филологических наук, профессор

Беседина Н.А.

Б 53 Морфологически передаваемые концепты : Монография / Н.А. Беседина; Федеральное агентство по образованию; Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Белгор. гос. ун-т. – М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 214 с.

ISBN 5-9571-0188-5

Монография посвящена изучению роли и места морфологии в объективировании и классификации знаний о мире в такой их разновидности как языковые знания. Объектом исследования являются морфологические категории и формы, которые рассматриваются как средства репрезентации в языке концептуального содержания. В работе устанавливаются когнитивные основания, принципы и механизмы морфологической репрезентации. Продемонстрировано действие выявленных принципов и механизмов на основе изучения концептов, получающих морфологическую репрезентацию в современном английском языке.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям и аспирантам филологических специальностей, занимающимся исследованиями в области когнитивной лингвистики и грамматики языка.

ББК 81.02 + 81.2Англ

© Беседина Н.А., 2006

© Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, 2006

ISBN 5-9571-0188-5

© Белгородский государственный университет, 2006

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. Основные подходы к изучению морфологии в зарубежной лингвистике	10
1.1. Морфология в грамматиках доструктурного периода	10
1.2. Морфология в структурной лингвистике	15
1.3. Морфология в грамматиках постструктурного периода	30
1.4. Морфология в когнитивной лингвистике	35
Глава II. Проблемы морфологии в трудах отечественных лингвистов	39
2.1. Морфологическая проблематика в традиционном освещении ..	40
2.1.1. Проблема определения морфологии	40
2.1.2. Морфология в аспекте ее взаимодействия с другими языковыми уровнями	41
2.1.3. Морфологическая категория в традиционном понимании ...	50
2.1.4. Изучение категориального аспекта морфологии	53
2.2. Морфологическая проблематика в функциональном освещении	61
2.3. Проблемы морфологии в когнитивном освещении	68
Глава III. Процессы концептуализации и категоризации как основа языковой репрезентации концептуального содержания	73
3.1. Теоретические предпосылки лингвистической разработки проблем концептуализации	73
3.2. Сущность концептуализации и ее основные характеристики ...	82
3.3. Концептуальный уровень как универсальная основа системы языка	85
3.3.1. Концептуальная система как отраженный мир	90
3.4. Концептуальное пространство морфологии	101
3.5. Категоризация и ее основные характеристики	109
3.6. Строение морфологических категорий в свете когнитивного подхода	113
Глава IV Морфологическая репрезентация как категориальный способ структурирования концептуального содержания ..	119
4.1. Три уровня концептуализации в морфологии	119
4.2. Механизмы и факторы морфологической репрезентации	122
4.3. Метод исследования	129
4.4. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне выражения предикативных отношений	132

4.4.1. Время как онтологическая категория	132
4.4.2. Особенности концептуализации времени	134
4.4.3. Концептуализация времени в языке и формирование морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ»	138
4.4.4. Морфологическая категория времени как средство репрезентации концептуального содержания	143
4.5. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне выражения субъектно- предикатных отношений	157
4.5.1. Формирование морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)»	157
4.5.2. Морфологическая категория аспекта (вида) как средство репрезентации концептуального содержания	159
4.6. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне семантики лексико- грамматических разрядов слов	163
4.6.1. Количество как онтологическая категория	164
4.6.2. Концептуализация количества и формирование морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО»	166
4.6.3. Морфологическая категория числа существительного как средство репрезентации концептуального содержания	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	188
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	210
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	211

ВВЕДЕНИЕ

Изучение морфологической проблематики имеет давние корни как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Полученные результаты в рассматриваемой области исследования, несомненно, важны с точки зрения структурной и функциональной организации языка. Однако, несмотря на многолетний интерес к морфологии, перед исследователями по-прежнему стоит ряд сложных вопросов общего характера, которые так и не нашли своего окончательного разрешения в традиционной парадигме лингвистического знания. Среди таковых следует выделить вопросы о месте морфологии в языковой системе и ее роли в формировании смысла в процессе речевой деятельности, о природе и строении морфологических категорий и их содержании и др.

Несмотря на то, что отечественными лингвистами уже были предложены некоторые пути решения отмеченных выше проблем (работы В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, Б.А. Ильиша, С.Д. Кацнельсона, Н.А. Кобриной, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Маслова, Н.А. Слюсаревой, Д.А. Штелинга, В.Н. Ярцевой и др.), широкое распространение современных когнитивных теорий языка, по нашему мнению, может послужить дополнительным импульсом к новому рассмотрению данной тематики. С развитием когнитивной теории языка выявляются преимущества антропоцентрического подхода к языковым явлениям, что определяет необходимость интерпретации кардинальных понятий морфологии с указанных позиций и введения, в некоторых случаях, новых понятий.

Современная морфологическая теория представляется неполной без анализа тех когнитивных процессов, которые объясняют внутриязыковую специфику морфологических категорий и форм и раскрывают роль данных единиц в репрезентации концептуального содержания в языке. Необходимость данного исследования вызвана также отсутствием специальных работ теоретического и обобщающего характера, раскрывающих специфику морфологического уровня языка с точки зрения его участия в представлении знаний.

Специфика подхода, принятого в работе, заключается в обращении к проблемам морфологии с принципиально иных пози-

ций, а именно с точки зрения того, как языковые факты отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации в языке. Он позволяет по-иному рассмотреть уже неоднократно обсуждавшуюся в разных аспектах проблему морфологических категорий – в преломлении к процессам морфологической репрезентации, а также исследовать морфологические категории и формы в более широком научном ракурсе, увязывая их с ментальными и познавательными процессами человека.

Постановка вопроса о когнитивности морфологии в данной работе во многом опирается в научной традиции на теории функциональной (А.В. Бондарко, Н.А. Кобрина, Е.С. Кубрякова, Н.А. Слюсарева), семиологической (Ю.С. Степанов), и функционально-семиологической (Н.Н. Болдырев) грамматики. Эти теории создают базу для перехода на качественно новый уровень в исследовании морфологии за счет использования теорий категоризации и концептуализации, возникших и развивающихся в рамках когнитивной науки. Именно названные выше теории и выработанные в них положения и служат методологической базой настоящего исследования.

Разрабатываемая нами модель когнитивной морфологии ориентирована на изучение и описание роли морфологических категорий и форм в объективировании и классификации знаний о мире в такой их разновидности как языковые знания. Этой цели служат базисные понятия, вводимые и используемые в настоящем исследовании. В их число включаются понятия морфологически передаваемого концепта, морфологической репрезентации, уровней концептуализации в морфологии, когнитивных и языковых механизмов морфологической репрезентации.

Под **морфологически передаваемым концептом** понимается выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического.

Морфологическая репрезентация подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм.

Под **уровнями концептуализации в морфологии** понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии.

Когнитивные механизмы морфологической репрезентации основаны на применении общих механизмов когнитивной деятельности человека, приводящих к формированию морфологически передаваемого концепта.

Языковые механизмы морфологической репрезентации включают в себя систему языковых средств, обеспечивающих морфологическую репрезентацию.

Описание процесса морфологической репрезентации сопряжено с проблемой языковой концептуализации. Она, применительно к изучаемой нами области языковой репрезентации, включает следующие вопросы:

1. Как и за счет чего морфология отражает концептуальное содержание?
2. В чем заключается концептуальное основание морфологии?
3. Какова специфика репрезентации знаний о мире морфологическими средствами?

В данной книге предпринимается попытка дать ответы на эти вопросы с позиций того направления, которое нам представляется наиболее адекватным, и к положениям которого мы не раз будем возвращаться в ходе исследования, а именно, с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Объектом исследования в монографии избраны морфологические категории и формы как единицы морфологической репрезентации знаний в языке.

Цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы изучить морфологические формы и категории как средства репрезентации концептуального содержания и на основе полученных результатов обобщить и систематизировать принципы и механизмы представления знаний в языке применительно к морфологическому уровню. Иными словами, показать ту часть концептуального пространства, которая представлена морфологически.

Исследование проблем, имеющих непосредственное отношение к поставленной цели, и входит в **задачи** данной работы, которые могут быть суммированы следующим образом:

1. Ввести и определить понятия морфологической репрезентации и морфологически передаваемого концепта.
2. Выявить когнитивную основу морфологической репрезентации.

3. Определить когнитивные принципы и механизмы морфологической репрезентации, а также ее языковые механизмы.

4. Продемонстрировать действие выявленных факторов, когнитивных принципов и механизмов морфологической репрезентации на основе изучения концептов, получающих репрезентацию при помощи морфологических категорий и форм.

Для решения поставленных проблем требуется теория, основанная на новой методике анализа. В качестве такой теории предлагается **теория морфологической репрезентации**, основные положения которой разрабатываются в настоящем исследовании. В качестве основного метода анализа, находящегося в соответствии с теорией морфологической репрезентации, в работе обосновывается и применяется **концептуально-репрезентативный метод**. Последний понимается как метод исследования соотношения и взаимодействия концептуального пространства и семантического пространства языка. Применительно к изучению процессов морфологической репрезентации речь идет об исследовании соотношения концептуального пространства, представленного морфологически передаваемыми концептами, и семантического пространства, представленного значениями морфологических категорий и форм.

Монография включает в себя четыре главы, а также содержит введение, заключение и необходимые указатели. В первых двух главах анализируются основные подходы к изучению морфологии и интерпретации ряда проблем теории морфологии, важных с точки зрения настоящего исследования, в зарубежной и отечественной лингвистике. Здесь также освещаются ведущие направления в исследовании морфологических категорий и форм, и аргументируется необходимость обязательного выхода на когнитивный уровень при изучении данного языкового явления.

Третья глава посвящена анализу общетеоретических проблем концептуализации и категоризации, позволяющих на качественно новом уровне подойти к изучению объекта исследования. В данной главе исследуются различные трактовки концептуализации и категоризации, выявляются их основные характеристики, детально анализируются закономерности концептуального уровня как универсальной основы системы языка и аргументируется существование концептуального пространства морфологии, основной единицей которого является морфологически передаваемый концепт.

В четвертой главе на материале современного английского языка морфологические категории и формы получают оценку с точки зрения соотношения их с различными уровнями концептуализации в морфологии. Данные языковые единицы рассматриваются с точки зрения их участия в процессах концептуализации и категоризации.

Описание морфологически передаваемых концептов и системное представление морфологической репрезентации знаний в языке является непростой задачей и не предполагает однозначного решения. Поэтому разрабатываемая в рамках настоящей работы теория представляет собой лишь один из множества возможных вариантов рассмотрения проблемы, важность которой сегодня мало у кого вызывает сомнения. Тем не менее, мы надеемся, что данная работа внесет определенный вклад в разработку теоретических и практических вопросов репрезентации знаний в языке в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.



Основные положения концепции, разрабатываемой в этой книге, развивают общетеоретические идеи Тамбовской научной школы по когнитивной лингвистике. Они формировались в творческой обстановке обсуждений и дискуссий на кафедре английской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина, во время проведения Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике.

Автор выражает сердечную благодарность научному редактору монографии – доктору филологических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ Николаю Николаевичу Болдыреву, чьи научные идеи и мудрые советы, способствовали написанию данной работы. Слова глубокой признательности рецензентам – профессору, Заслуженному деятелю науки РФ Е.С. Кубряковой, профессору А.Л. Шарандину и профессору Л.В. Бабиной за высказанные ими предложения и замечания. Искренне благодарю моих коллег по кафедре делового иностранного языка Белгородского госуниверситета за моральную поддержку и помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

На разных этапах зарубежной лингвистики изучению морфологии отводилось различное место. Содержание исследований в данной области полностью зависело от общего уровня развития грамматической и, шире, лингвистической мысли. Количество работ зарубежных лингвистов в данной области достаточно велико, чтобы включить их все в обзор в рамках одной книги. Более того, существуют весьма многочисленные работы, включающие квалифицированные аналитические обзоры исследований по морфологической проблематике (см.: [Тронский 1957; Арутюнова, Кубрякова 1961; Основные ... 1964; Кубрякова 1964; 1974; 1985; 1987; 1991; 1992а; Ветров 1973; Ольховиков 1974; 1985; Кузнецов 1975; Булыгина 1977; Философские ... 1977; Веденина 1980; Оленич 1980; Шубик 1980; Сычев 1986; Перельмутер 1991; Античные ... 1996; Плунгян 1998; Csapo 1991] и др.). Поэтому рассмотрим лишь основные вехи изучения морфологической проблематики с тем, чтобы сформулировать некоторые исходные предпосылки настоящего исследования.

1.1. Морфология в грамматиках доструктурного периода

Первые шаги к разработке морфологической проблематики были сделаны еще древнегреческими философами середины V – первой половины IV в. до н.э. Это были софисты. Они высказали некоторые суждения о грамматическом строе языка, проявив в области морфологии интерес к категориям словоизменения. Фактически, их труды означали начало разработки понятия категорий. Однако основы собственно морфологической теории, хотя термин «морфология» еще не употреблялся, закладываются только в грамматике стоиков (III – I в. до н.э.), в которой развивается учение о частях речи, учение о падеже и временах глагола. По мнению некоторых исследователей, «система стоиков ... образвала тот вариант грамматической дисциплины, которая является предшественником научного языкознания» [Тронский 1957: 299].

Впервые в античной традиции морфология как таковая была выделена в александрийской школе (III в. до н.э.). Александрийские грамматисты не просто выделили морфологию, но и предприняли попытку всесторонне исследовать ее основные вопросы, сосредоточив внимание на разработке формальных аспектов морфологии греческого языка, парадигм и правил склонения и спряжения, на выявлении основных акциденций (категорий) морфологического строя греческого языка. Изложение морфологии у Аполлония Дискола – это «самое большое произведение античности по количеству поставленных вопросов и их освещению» [Оленич 1980: 233].

Морфология в качестве самостоятельной части выделена в трактате видного ученого-энциклопедиста М. Варрона «О латинском языке». Она, в понимании М. Варрона, состоит в изучении того, каким образом слова, отклонившись от вещей, для которых они были установлены, приобрели различия [Античные... 1996: 85]. Разграничивая склоняемые и несклоняемые слова, М. Варрон считал необходимым среди склоняемых слов различать естественное склонение и склонение произвольное, что в современной терминологии соответствует словоизменению и словообразованию. Как считает Р. Робинс, «Варрон был, возможно, первым ученым, разграничившим словоизменение и словообразование исходя из степени регулярности этих процессов» [Robins 1967: 50].

В средние века на развитие грамматической мысли сильное влияние оказало господствующее положение латыни. Это приводило к тому, что «отрицались грамматические правила языков, не совпадавшие с правилами латинского языка ..., а правильность грамматических явлений стала устанавливаться логическими категориями» [Лоя 1968: 24]. В области морфологической проблематики в этот период началось выделение суффиксов, а имена стали делить на имена существительные и имена прилагательные.

В арабской лингвистической традиции были открыты морфологические категории аффиксов и внутренней флексии. В знаменитой грамматике арабского ученого Сибавейхи, наряду с фонетикой и синтаксисом, детально была описана морфология классического арабского языка. Однако граница между морфологией и синтаксисом в арабской традиции проводилась несколько иначе. Морфология ограничивалась корнем и огласовками, а изу-

чение окончаний слов относилось к синтаксису (подр. см. [Алпатов 1998: 42]).

Представители всеобщей или универсальной грамматики XIII – XIV вв. (модисты) не выделяли морфологию в отдельный раздел. Их трактаты включали только два раздела: «Этимологию» (учение о частях речи) и «Синтаксис» (учение о словосочетании и предложении). Но, несмотря на это, многие явления, относящиеся к сфере морфологии, получили у модистов новое осмысление. Прежде всего, они полностью отвлекаются от чисто морфологических признаков, сосредоточивая внимание на смысловых явлениях. Так, они игнорируют формальные различия между типами склонения и спряжения как различия, относящиеся к сфере чисто формальной, звуковой, не соотносящейся со смыслом. По аналогии с глаголом вводят категорию лица для имени. По-своему они трактуют также различия между грамматическими родами. Вместе с тем, как отмечают исследователи научного наследия модистов, «морфология модистов, несмотря на наличие в ней ряда важных инноваций, основана все же в большей мере на учении о частях речи позднеантичных грамматиков» [Перельмутер 1991: 45].

Иные методологические предпосылки использовал грамматический рационализм XVII века. В основу грамматической теории в этот период были положены идеи реалистической философии, предлагавшей новое гносеологическое отношение к языку. Одной из центральных проблем грамматического учения становится соотношение речи, мысли и чувства.

В основе английских грамматик первой половины XVII века (Ч. Батлер, Б. Джонсон) лежала концепция П. Рамуса о том, что формально-морфологический критерий следует признать единственным критерием для определения наличия или отсутствия, а также сущности грамматических категорий в том или ином языке. Соответственно, основным методом анализа грамматических явлений, применявшемся к строю английского языка, стал формально-морфологический. В его основе лежало заимствованное из греко-латинской грамматической традиции понятие формы слова как его морфологической членимости на знаменательную и формальные части. Как следствие, состав частных грамматических категорий определялся только по наличию или отсутствию соответствующих формальных частей. В результате такого изучения строй английского языка оказался в описании крайне беден

частными грамматическими категориями, что, в свою очередь, не позволяло через состав частных грамматических категорий обосновать общие грамматические категории, т.е. части речи (подр. см. [Сычев 1986]).

Возникшее противоречие грамматисты второй половины XVII века пытались разрешить, прибегая к теории лингвистического универсализма. Здесь выделяют два основных направления. Первое из них обосновывалось в трудах Дж. Уоллиса. Последовательное применение им традиционного понимания формы слова позволило описать основные типологические особенности английского языка на уровне морфологии и сформулировать положение об уникальной простоте строя английского языка.

В рамках второго направления, разработанного в трактате Дж. Уилкинса, было развито новое понятие формы слова как его категориальной отнесенности. Или, другими словами, о его изначальной принадлежности к некоторой грамматической категории, понимаемой как «инвариант общего смыслового значения» (см. [Сычев 1986: 16]). Было показано, что категориальная отнесенность того или иного слова определяет все иные его грамматические свойства, включая синтаксические функции. Тем самым, как отмечают исследователи этого периода грамматической мысли, «сформировалось представление о классах слов как гносеологических категориях, единых для всех языков» [там же].

Важным событием этой эпохи стал выход в свет в 1660 г. грамматики Пор-Рояля, в которой было дано теоретическое обоснование связи между грамматикой и логикой. Однако основная часть грамматики Пор-Рояля содержит описание различных частей речи и их особенностей. Общее разделение слов авторы грамматики проводят исходя из того, что «людям были необходимы знаки, чтобы передать все происходящее в их сознании» [Арно, Лансло 1991: 30]. В соответствии с этим, они выделяют две группы слов. Первая группа обозначает «предметы мысли». Сюда включаются: имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия. Слова второй группы – глаголы, союзы и междометия – обозначают форму и способ наших мыслей.

Определенное влияние на грамматическое описание оказали также работы и в области сравнительного языкознания. Так, выяснилось, что в «процессах речи-мысли мысль направляется одновременно на обработку и разработку языка и его звуков, с од-

ной стороны, и на формирование картины мира, на познание внешней по отношению к мышлению-речи действительности – с другой» [Ольховиков 1985: 173]. Для того, чтобы оба эти процесса могли реализоваться и объективно существовать, между ними должна быть некоторая необходимая им обоим связка. Эта связка была представлена в сравнительном языкознании в виде понятия морфемного уровня и понятия составляющих его единиц – морфем. Другими словами, морфемика (морфология), в соответствии с идеями сравнительного языкознания, представляет собой описание внутриязыкового механизма, с помощью которого осуществляется контакт между мыслью о звучащей речи и мыслью о мире. Данное высказывание в определенной степени созвучно с идеями, развиваемыми в настоящем исследовании. Однако, выделив понятие морфемного уровня как центра языковой структуры, сравнительно-историческое языкознание основное внимание сосредоточило преимущественно на сравнительно-историческом описании и типологическом исследовании структурной, функциональной и смысловой стороны морфем.

Как одну из трех сущностей, определяющих язык, рассматривали морфологию младограмматики. При этом в грамматических исследованиях А. Мейе и его последователей прослеживается уклон в морфологизм синтаксиса. Это приводило к наполнению синтаксической терминологии морфологическим значением.

Представители классической описательной грамматики не использовали термин «морфология» и не выделяли ее в качестве самостоятельного уровня. Довольно часто ими используется термин «accidence», в который вкладывалось все то, что традиционно рассматривается в морфологии [Kruisinga 1931, Jespersen 1933, Curme 1966]. Таковыми были вопросы, касающиеся частей речи и их характеристик, категорий, их роли в идиомах и словосочетаниях. Так, в грамматике Дж. Керма в одном из разделов рассматриваются основные части речи, включаемые им в классификацию, и их определения. Раздел «Accidence» посвящен рассмотрению их категорий, а синтаксические особенности выделенных частей речи помещаются в раздел «Синтаксис» [Curme 1966].

Таким образом, в грамматиках доструктурного периода морфология еще не была четко выделена как особый уровень в строе языка, однако, это не мешало рассматривать и изучать некоторые общие морфологические вопросы, как-то: построение

классификации частей речи, выявление категорий (акциденций) частей речи и т.д. Основной акцент при этом делался на общесформальных характеристиках: принципах выделения классов слов, их формальных грамматических показателях и др. Используя современную терминологию можно утверждать, что морфология изначально зарождалась как учение о грамматических классах слов и их категориальных характеристиках.

1.2. Морфология в структурной лингвистике

Становлению морфологии во многом способствовал структуралистский этап в развитии лингвистической науки. Однако следует сразу же уточнить, что в рамках различных школ и направлений (Американский дескриптивизм, Пражская школа, Женевская школа, Глоссематика, Лондонская школа и др.), объединяемых в рамках структурной лингвистики, вопросы изучения морфологического строя языка занимали далеко не равноценное место.

Дескриптивная лингвистика, исходя из необходимости создания лингвистической теории на основе имманентно присущих языку качеств, свойств и отношений, сосредоточила свое внимание на морфемном анализе. Л. Блумфилд и его последователи связывали формальное описание языка с необходимостью отказа от ментализма, признающего существование духа, сознания, мыслей, понятий и др. По мнению Л. Блумфилда, феномены ментального плана – это вообще псевдонаучные фикции [Bloomfield 1936: 89]. Внутреннюю структуру языка они представляли как складывающуюся из взаимодействия трех компонентов: плана выражения (фонология, морфология, фономорфология), плана содержания и словаря. В непосредственной лингвистической практике дескриптивисты исследовали лишь фонологию и морфологию. Это приводило к тому, что названные лингвистические дисциплины покрывали собой многие из традиционных разделов языкознания. Внутри морфологии выделялись более мелкие подразделы, связанные с изучением частных подсистем языка: морфофонемика (морфофонология), изучающая фонемы и их чередования с точки зрения идентификации морфем, а также морфемика и морфотактика, занимающиеся изуче-

нием инвентаря морфем и способов их организации в более сложные последовательности. Фактически, на одном уровне исследования объединяются морфология и синтаксис. При этом в качестве базисной единицы грамматического уровня выделяется морфема. Именно на основе этого понятия и строится анализ грамматической системы языка. Представители американского дескриптивизма так и не пришли к необходимости вычленения лексем как элементарных единиц, принципиально отличных от морфем, и фактически игнорировали такую единицу языка, как слово.

Таким образом, в классической дескриптивной модели, созданной американскими структуралистами, был отражен подход к языку как к дескриптивной знаковой системе, подлежащей описанию на грамматическом уровне в терминах морфем и их аранжировки. В соответствии с этим грамматическая модель включает два компонента: морфемнику, описывающую грамматические единицы языка, и тактику, изучающую нормы их сочетаемости.

Особенности грамматической концепции дескриптивистов обусловлены идеей об изоморфности фонологического и грамматического уровней анализа. В связи с этим грамматические идеи зачастую дублируют фонологические исследования, а принципы фонологического анализа переносятся на морфологический уровень. В основном все представители дескриптивной лингвистики сосредоточивают свое внимание на создании методов выделения морфологических единиц и критериев их классификации. В конечном итоге это приводило к установлению одно-однозначного соответствия между морфемами и грамматическими категориями и, как следствие, морфемный анализ полностью покрывал описание грамматических категорий и делал последнее излишним. Фактически, описание грамматической категории в дескриптивной лингвистике заменялось описанием морфем. В результате абсолютизации морфемного анализа синтаксис поглощается морфологией, растворяется в ней, и возникает морфолого-синтаксический синкретизм, основанный на игнорировании диалектики части и целого. Минимальные самостоятельные единицы языка, каковыми являются слова, отождествлялись и подменялись минимальными несамостоятельными единицами – морфемами. Следствием этого явилось неразличение смысловых и значимых единиц в структуре языка. К первым Г.В. Колшанский от-

носит слова, а ко вторым – морфемы [Колшанский 1964: 264]. В.З. Панфилов отмечает, что морфема лишена номинативной функции и не соотносится с какой-либо формой мышления [Панфилов 1971: 8].

Таким образом, понимание речи как последовательности морфемных сегментов, а морфем как «сырья», служащего для построения высказывания, искажает подлинную картину процесса коммуникации и приводит к игнорированию норм реального функционирования языка. Абсолютизация роли морфем в лингвистическом описании была подвергнута в дальнейшем серьезной критике со стороны отечественных лингвистов и специалистов в области философии языка.

Несколько особняком в общем ряду работ дескриптивистов стоят исследования в области грамматики Ч. Фриза и Г. Глисона. Ч. Фризом представлена нетипичная для дескриптивной лингвистики синтаксическая теория, сквозь призму которой он рассматривает и некоторые морфологические проблемы. Его теория в целом ориентирована на традиционную модель описания. В качестве основной единицы синтаксического анализа он использует слово, а также сохраняет многие традиционные синтаксические категории, действительно существующие в сознании носителей языка. При этом, он применяет исследовательские методы, разработанные в дескриптивной лингвистике. Например, проблему выделения частей речи он решает при помощи субституции в заданных позициях.

Г. Глисон включает в грамматику и морфологию, и синтаксис. Морфология, по его мнению, «представляет собой описание более тесно спаянных соединений морфем, т.е. того, что, грубо говоря, обычно называется «словами». Синтаксис же представляется ему как «описание более крупных соединений, включающих в качестве основных единиц соединения, охарактеризованные при определении морфологии языка» [Глисон 1959: 99]. Соответственно морфология объединяет 2 основных раздела грамматики: анализ парадигм частей речи, связанный в основном с рассмотрением суффиксов и их алломорф, а также анализ образования основ и слов без словоизменяющих аффиксов. Морфема рассматривается Г. Глисоном как основная единица системы выражения, которая вступает в связь с системой содержания языка и

коренным образом отличается от фонемы, не имеющей связи с содержанием.

В целом, в исследованиях Г. Глисона уделяется достаточно серьезное внимание вопросам морфологического строя английского языка. Наряду с такими традиционными для дескриптивной лингвистики проблемами, как проблемы морфемы, установление тождества морфем, классификация алломорф по морфемам, в поле его зрения находятся также некоторые общие вопросы морфологии: проблемы частей речи, типы и категории словоизменения. Рассматривая категории словоизменения, Г. Глисон приходит к выводу, что «языки существенно различаются как тем, какие категории выражены в них словоизменением, так и тем, какие морфологические средства используются для их выражения» [Глисон 1959: 204]. К таким категориям он относит род, число, лицо.

Структуралистами было положено начало дискуссии о месте и роли морфологии в системе языка. В последующем этот вопрос оставался одним из ключевых вопросов в рамках различных научных парадигм. Представителями тех или иных школ и направлений морфология признавалась равноправной частью грамматики наряду с синтаксисом, относилась к лексикону, рассматривалась как часть синтаксического компонента или «растворялась» частично в лексиконе, частично в синтаксисе.

Определенная зависимость морфологии от синтаксиса была сформулирована еще Ф. де Соссюром. «С лингвистической точки зрения, - писал Ф. де Соссюр, - у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины» [Соссюр 1998: 131]. Более того, Ф. де Соссюру принадлежит мысль о взаимопроникновении морфологии, синтаксиса и лексикологии, что объясняется «по существу тождественным характером всех синхронических фактов, и, следовательно, - заключает Ф. де Соссюр, - между ними (морфологией, синтаксисом, лексикологией – Н.Б.) не может быть никаких заранее начертанных граней» [там же: с.132].

Сходство с Ф. де Соссюром в понимании общего объема грамматики обнаруживается в концепции, предложенной представителями Пражского лингвистического кружка. В большинстве своем они исходили из широкого понимания грамматики и отрицали ее традиционное деление на морфологию

и синтаксис. Морфология, по мнению пражцев, представляет собой теорию системы форм слов и их групп и, не существуя в виде самостоятельной дисциплины в одном ряду с «теорией номинации» и с «синтаксической теорией», выделяемыми пражцами как два направления исследования, перекрещивается как с той, так и с другой [Пражский ... 1967: 73-74]. Данная точка зрения находит наиболее четкое обоснование в работах В. Матезиуса. В его трактовке морфология «занимается группировкой выразительных средств системы, основанных на их формальной близости, имеет отношение к обеим областям, поскольку члены одной и той же морфологической системы могут быть функционально включены как в оноματοлогию, так и в синтаксис» [Пражский ... 1967: 229]. Это свидетельствует о том, что у В. Матезиуса морфология «выпадает» из грамматической системы. С точки зрения В. Матезиуса, наиболее важным оказывается изучение оноματοлогических свойств языка. В связи с этим он предлагает изучать разряды и различия, относящиеся к морфологии, под углом зрения вторичных классификаций, что позволит установить наличие совершенно иного значения у морфологических фактов.

Неоднозначность отношений между морфологией и синтаксисом отмечается и В. Скаличкой. Обсуждая проблему их соотношения и анализируя сложившиеся к тому времени концепции по этому вопросу (В. Брэндалль, В. Матезиус, Г. Гугенейм, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), В. Скаличка выделяет несколько параметров, определяющих различия между морфологией и синтаксисом. Основным, на его взгляд, является различие оноματοлогической и синтаксической функции. При этом он исходит из более широкого, нежели у В. Матезиуса, понимания оноματοлогической функции, которая «кладет начало и морфологическим элементам, следовательно, также морфологии» [Скаличка 1978: 72]. Именно различие оноματοлогической и синтаксической функций является, по мнению В. Скалички, основанием для создания различия между морфологией и синтаксисом.

Второй параметр, по которому у В. Скалички различаются морфология и синтаксис, состоит в том, что слова строятся из морфем, а предложения – из слов. В слове, как раз, и проявляется различие между морфологией и синтаксисом. В рамках слова проявляются основные части морфологии (склонение, спряжение, изменение по степеням и т.д.). Синтаксис же, наоборот, проявляется в соединении слов [там же: с. 74-75].

Третий параметр, определяющий различие между морфологией и синтаксисом, «представляет собой скрещение функции ономотологической с функцией синтаксической» [там же: с. 75]. Это скрещение состоит в том, что синтаксис для выражения комбинации своих элементов имеет ономотологические средства (суффиксы, формальные слова), морфология же их не имеет. Однако эти ономотологические свойства синтаксиса являются морфематическими и, следовательно, с необходимостью являются составной частью морфологии. Таким образом, в определенной мере находит подтверждение концепция о том, что отношение между морфологией и синтаксисом является отношением между формой и функцией.

Четвертым параметром, дифференцирующим морфологию и синтаксис, является то, что в морфологии комбинационные отношения не дифференцированы, в синтаксисе же они дифференцированы. Все эти четыре параметра, как считает В. Скаличка, взаимно дополняют друг друга.

Выделяя параметры разграничения морфологии и синтаксиса, В. Скаличка, тем не менее, считает, что морфология и синтаксис не отделены друг от друга герметически, и что некоторые черты синтаксиса проникают в морфологию и наоборот [Языкознание ... 1978]. Это приводит к тому, что синтаксический и морфологический компоненты с точки зрения их включения в функциональную структуру языка оказываются тесно связанными между собой структурами выражения. Иными словами, прагматики считают возможным говорить о сложном компоненте морфосинтаксиса, представляющем собой структуру знаковых отношений тройного рода: синтаксического, морфологического, комплексного.

О. Лешка, возвращаясь несколько позже к анализу отношений между морфологией и синтаксисом, обращает внимание на то, что при рассмотрении этого вопроса недостаточно самого общего определения морфологии и синтаксиса, ибо в таком случае можно сказать только то, что план морфологический является предпосылкой реализации плана синтаксического. По его мнению, следует исходить из того, каков характер морфологии и синтаксиса в каждом конкретном случае и что в плане синтаксическом мотивировано характером морфологии [Лешка 1978: 80].

В отличие от своих коллег по Пражскому лингвистическому кружку Б. Трнка рассматривал морфологию как специальную часть грамматики и пытался построить теорию структурной морфологии, которая, по его собственному признанию, находилась в «зачаточной стадии». В языке он выделял два аспекта: морфологический и семасиологический, считая их автономными в том смысле, что «изменения в значении формы не находятся в прямой зависимости от его внешнего выражения» [Трнка 1967: 266].

В качестве предмета морфологии он рассматривает только установление основных значений форм и конструкций, представленных в языке, и констатацию их формальных связей в данной лингвистической системе независимо от их дополнительных значений [там же: с. 267], считая при этом, что «... к морфологии надо подходить как с точки зрения предложения, так и с точки зрения слова» [там же: с. 271].

Морфологическая функция в языке выражается посредством формальных способов, получивших у Б. Трнка название «морфологических показателей». При этом он попытался создать систему морфологических показателей, включив в нее фонологические, синтетические, аналитические показатели и сложные слова. Морфологические показатели, в свою очередь, группируются им в два класса в зависимости от того, выражают ли они реляционные или семасиологические модификации одного и того же корня (wait, waits, waited, waiting, waiter, waiters, waiter`s) или же обозначают те же отношения или семасиологические модификации различных слов (kings, wives, men и т.д.).

Ключевыми вопросами в морфологической теории пражцев, наряду с вопросом о месте морфологии в системе языка, были: поиск минимальной единицы, составляющей основу грамматической системы, и в связи с этим рассмотрение природы понятия «морфема» (В. Скаличка), а также проблема установления значений морфологических категорий (Р. Якобсон). Последний вопрос имеет определенную значимость для развиваемой в исследовании теории. Поэтому представляется необходимым проанализировать предложенную Р. Якобсоном трактовку подробнее.

В определенном смысле Р. Якобсоном была предпринята попытка положить конец разногласиям при установлении значений морфологических категорий. Для этого им обосновывается принцип неравноправности морфологических категорий, предла-

гается теория морфологических корреляций и выдвигается понятие общего значения грамматических категорий.

Как считает Р. Якобсон, в основу анализа грамматической системы должно быть положено понятие морфологической корреляции, которое выделяется им по аналогии с открытым Н.С. Трубецким в фонологии принципом неравноправности членов фонологической коррелятивной оппозиции и применяется к противопоставлениям морфологических категорий, образующих элементарные морфологические системы.

Причина неопределенности и отсутствия единства в вопросе, касающемся значений отдельных морфологических категорий того или иного языка, по мнению Р. Якобсона, заключается в том, что исследователи исходят из ошибочной предпосылки равноправности указанных противопоставленных категорий, как если бы каждая из них имела свое собственное позитивное значение. В действительности, утверждает Р. Якобсон, общие значения коррелятивных грамматических категорий всегда соотносятся между собой таким образом, что в то время, как первая выражает определенный позитивный признак, другая оставляет его невыраженным [Якобсон 1998а].

Выявление данной особенности морфологической корреляции должно, по мнению Р. Якобсона, положить конец разногласиям при установлении значения морфологических категорий. Р. Якобсон выдвигает также понятие общего значения грамматических категорий, которое, однако, не получило у него окончательного четкого определения. В его работе, посвященной структуре русской глагольной системы, отмечается лишь, что общее значение не тождественно статистически преобладающему значению или частной функции, выступающей в определенном употреблении и обусловленной конкретной ситуацией [Якобсон 1998б].

Понятие «общего значения», включающего в себя несколько частных значений, не было принято лингвистами. Критически к нему отнеслись, например, Е. Курилович [1955], К. Эбелинг [Ebeling 1955]. От термина «общее значение» отмежевался и Б. Трнка [1967], хотя, наряду с более частными терминами «основное оппозиционное значение», «морфологическое значение», он употребляет термины «классифицирующее» значение и «целостное» значение. При этом он не опирается на совокупность

частных значений, приобретаемых той или иной формой в предложении, а ищет его в позиции минимально зависимой (подр. см. [Докулил 1978]).

Необходимо отметить, что идеи, предложенные Р. Якобсоном, сыграли определенную роль в развитии грамматической мысли. Теория морфологических корреляций, по мнению Т.В. Булыгиной, «явилась важным научным открытием и «открыла новую эру» в исследовании значений грамматических категорий» [Булыгина 1964: 106]. В частности, в ее рамках была доказана необходимость отказаться от бессмысленной регистрации «частных значений» той или иной грамматической формы и объяснено существование внутри одной категории взаимоисключающих значений.

В целом, воззрения пражцев в области морфологии характеризуются неоднородностью и не образуют законченную концепцию. Однако высказанные ими идеи представляли собой определенный шаг в понимании грамматики как таковой и стали основой для дальнейших исследований в данной области.

Самостоятельным и оригинальным ответвлением пражской школы считают школу французского функционализма во главе с А. Мартине. Морфология, в ее традиционном понимании, занимает незначительное место в грамматике А. Мартине. Об этом свидетельствует довольно редкое употребление термина «морфология», а также отсутствие систематически проводимого различия между морфологией и синтаксисом. Морфология трактуется французскими функционалистами нетрадиционно. В ее задачу входит изучение всех формальных вариантов означаемого. Под морфологией А. Мартине понимал изучение синхронических вариаций формы значащих единиц, или, другими словами, составление списков «алломорфов каждой морфемы с указаниями относительно их дистрибуции» [Мартине 1965: 461]. В связи с этим А. Мартине считает оправданным использование для обозначения морфологии английского названия «акциденция» («accidence»), «поскольку ее можно представлять себе как перечисление тех превратностей (accidents), которым подвержен формальный обмен значащих единиц» [там же]. При этом он подчеркивал, что описываемые в таком понимании морфологией «акциденты» представляют собой лишь весьма периферийные аспекты подлинной структуры языка.

Французские функционалисты предложили иную трактовку понятия «морфема». Вычленив из традиционного понимания этого термина смысловую сторону они, фактически, отказались от его использования, заменив его термином «монема». Последний, по их мнению, в гораздо большей степени отражает функциональные свойства языка и оказывается весьма полезным в конкретном лингвистическом анализе. Монемы понимаются представителями данного направления как минимальные значимые единицы первого членения, имеющие свое означаемое и означающее. Именно монема становится у них объектом грамматического анализа. Поэтому в их грамматике отсутствует раздел «морфология», он заменен разделом «Инвентарь монем», а формальные особенности слов (например, формы множественного числа, женского рода и т.д.) рассматриваются в описании класса монем как способы варьирования означающего параллельно с семантическим варьированием означаемого. Однако вопрос о выделении класса монем, как считает Л.Г. Веденина, является наиболее уязвимым, так как «исследователи нарушают правило единого основания и образуют классы из единиц с различной референтной соотнесенностью» [Веденина 1985: 14].

В таксономии, представленной французскими функционалистами, классы монем: 1) совпадают с частями речи, 2) эквивалентны видам, традиционно выделяемым внутри частей речи, 3) не совпадают с частями речи (класс «множественное число», класс ядерных глагольных монем, класс монем – показателей наклонения и т.д.) [там же]. Как видно, под понятие «монема» попадают и классы слов, и их категории, а также их функции. В «Функциональной грамматике» под редакцией А. Мартине представлено детальное описание особенностей различных типов монем. Авторами отмечается наличие прерывистых монем и амальгамированных, т.е. сросшихся в единое целое. Именно они, а также формальные варианты одной монемы становятся предметом изучения в морфологии. Отношения между монемами представлено в виде синтаксических схем, которые дают возможность разграничить то, что играет смысловоразличительную роль, и то, что не релевантно в смысловом отношении, т.е. имеет отношение к морфологии (подр. анализ см. [Функциональное... 1980: 41 и сл.]).

А. Мартине не считал лингвистически релевантным понятием слово, ссылаясь на то, что: а) слово выделимо не во всех

языках; б) фонетические границы французского слова не определены с достаточной ясностью. Французские функционалисты представляли слово как сумму монем. В дальнейшем, в конце 70-х годов, они пытались преодолеть эту непоследовательность. Например, Ф.М. Жакомо считал, что табу, наложенное на термин «слово», вносит большие затруднения в деятельность функционалистов и предлагал ввести этот термин наряду с терминами «монема» и «синтема» [цит. по: Веденина 1980: 28].

В более поздней работе А. Мартине «Общий синтаксис» термин «слово» допускается в лингвистическое описание для удобства изложения и понимается как «графическая репрезентация комплекса монем» [Martinet 1985]. Однако, несмотря на то, что в книге отдельная глава посвящена морфологии, А. Мартине по-прежнему выступает против рассмотрения морфологии как раздела науки о языке, существующего параллельно и независимо от синтаксиса. Он считает, что морфология должна быть составной частью монематики, что лингвистическое описание нуждается в морфологическом описании классов монем (включая подробное описание каждого класса), морфологии синтематики (несамостоятельных монем) и морфологии синтаксиса (различные формы, используемые для выражения грамматической функции) [там же]. Итак, в теории монем, предложенной А. Мартине, морфология и синтаксис взаимно переплетаются, границы между ними оказываются стертыми.

Напротив, в грамматической теории М. Мамудяна – ученика и последователя А. Мартине – отчетливо выделяется морфология наряду с синтаксисом и семантикой. Предмет морфологии понимается им широко. Кроме способов формирования означающего, морфология, по утверждению М. Мамудяна, «изучает также все изменения единиц означаемого и условия, в которых реализуются эти изменения ...» [Мамудян 1985: 96]. Иначе говоря, морфология определяется как дисциплина, изучающая означаемое языкового знака (или последовательности языковых знаков).

Такое определение позволяет автору наметить границы области морфологического анализа. По мнению М. Мамудяна, «... с одной стороны, в анализ не входит рассмотрение означаемого; с другой – из анализа исключено изучение звуковой материи языка. Таким образом, морфологический анализ сообщает нам, что происходит с означающим в различных условиях употребле-

ния языкового знака: изменяется ли означаемое или остается неизменным, а если изменяется, то какова природа и каковы условия этого изменения» [там же]. Иначе говоря, по мнению М. Мамудяна, при морфологическом анализе исследователь имеет дело с варьированием означаемого при стабильном означаемом.

Автор обращает внимание на сложность морфологической структуры языка, которая объясняется им влиянием таких факторов, как вариативный и прерывистый характер означаемого, амальгамирование означаемых, нулевое означаемое, синкретизм [там же: с. 98]. В грамматической теории М. Мамудяна последовательную разработку находят: типология морфологических явлений, морфологические характеристики последовательности монем, проблемы обусловленности морфологических явлений.

Морфология, как замечает М. Мамудян, оперирует не только отдельными монемами, но и более крупными единицами, которые он называет сегментами. Кроме того, морфология выявляет закономерности в расположении компонентов синтагм, а также описывает допущения в порядке следования компонентов. Как одну из характерных особенностей М. Мамудян отмечает вариативность морфологических явлений, определяемую внутренними (свойства языковой структуры) и внешними (воздействие ситуации, обстоятельства социогеографического характера) факторами. Под влиянием внутренних факторов возникают варианты комбинаторные (= контекстуальные) и свободные (= факультативные) [там же: с. 100-101].

Не получила окончательного оформления применительно к морфологии и теория глоссематического анализа. Глоссематики считали, что необходимо изучать язык как самодовлеющую структуру на основе описания зависимостей, существующих между элементами языка и образующих структуру данного языка. По их мнению, при таком (структурном) подходе снимается различие между всеми единицами языка и традиционным делением на фонетику, морфологию и синтаксис. Последнее они считали неудовлетворительным во многих отношениях и, в том числе, перекрывающим одни понятия другими. Вместо традиционного деления в глоссематике вводится членение на 4 пласта или слоя, исходя из двух дихотомий: содержание – выражение; субстанция – форма. Изучение морфологических и синтаксических зависимостей входит в компетенцию науки о содержании. Она, не буду-

чи семантикой, остается в концепции глоссематиков на уровне морфологии и синтаксиса и в целом мало чем отличается от формальных исследований дескриптивистов в области грамматики. Не получила завершенного вида и «теория морфем», связанная с попытками провести морфологический анализ на глоссематических принципах.

В отличие от своих коллег по копенгагенскому лингвистическому кружку, В. Брэндаль настаивает на необходимости отделения морфологии от синтаксиса и упрекает их за то, что в представленной ими системе описания синтаксис «тонет» в морфологии. Согласно В. Брэндалю, синтаксис и морфология независимы друг от друга, так как связаны с самостоятельными единицами, такими как предложение и слово. Морфологию он определяет как теорию слова. В соответствии с этим предметом морфологии являются слова и их формы. Независимость морфологии от синтаксиса проявляется также в том, что специфика слова не влечет за собой какой-то единственной и необходимой синтаксической функции. В свою очередь, синтаксис не зависит от морфологии, так как одна и та же функция члена предложения может выполняться разными частями речи [Brøndal 1943].

В. Брэндаль противопоставляет морфологию и синтаксис по следующим пунктам:

1. Морфологическая система – постоянна и неизменна, одинакова для всех участников коммуникации и в этом смысле составляет норму. Синтаксис же, напротив, не имеет нормативного или обязательного характера.

2. Морфологическая система вследствие своего нормативного характера сверхиндивидуальна. Поэтому все, что говорится и пишется на том или ином языке, может быть понято только в том случае, если оно находится в пределах определенных и совершенно точных морфологических границ. «Синтаксический ритм», как утверждает В. Брэндаль, индивидуален в том смысле, что индивид свободен выбирать конструкции и оформлять члены предложения. Свобода выбора ограничивается не существом соответствующего языка, а исключительно общими логическими возможностями соединения понятий.

3. Морфологическая система по своей природе идеальна или потенциальна. Она не требует, чтобы формы одного и того же слова обязательно имели общий внешний характер. «Синтаксиче-

ский ритм», по мнению В. Брэндаля, имеет реальный актуальный характер. Именно в нем действует и реализуется язык, который без него остался бы абстрактной, мертвой схемой. Слово получает жизнь только в предложении, только входя в синтаксический ритм морфологические элементы (слово и значение) становятся психическими сущностями.

4. Другое отличие морфологической системы состоит в том, что ее элементы являются обратимыми. Синтаксические единства или комплексы, напротив, необратимы [там же].

Как видно из приведенных аргументов, разграничение морфологии и синтаксиса у В. Брэндаля основано на противопоставлении языка и речи, т.е. системы форм – их функционированию. Сам же язык, вслед за Ф. де Соссюром, понимается В. Брэндалем как явление чисто психическое. Система форм предстает как система, существующая помимо речи и лишь «реализующаяся» или «актуализующаяся» в ней.

В работах представителей женеvской школы также не было создано специальной морфологической концепции. В них встречаются лишь отдельные замечания, связанные с морфологией. Так, С. Карцевский, рассматривая язык как семиологическую систему, выделяет среди четырех семиологических планов в качестве самостоятельного и морфологический план. Морфология, в его понимании, «есть система приемов, употребляемых одним данным языком для того, чтобы выявить на фонической линии спроектированные на нее связи» [Карцевский 2000: 52].

Другой представитель этой школы Ш. Балли исходил из чрезвычайно широкого понимания грамматики. Будучи учеником Ф. де Соссюра, он не разделял грамматику на морфологию и синтаксис, изучая, тем не менее, в основном синтаксическую проблематику. Как отмечает Л. Теньер, «заслуга Ш. Балли состоит в том, что он отстаивал права внутренней формы языка перед натиском морфологии» [Теньер 1988: 46]. В дальнейшем, тенденция к превалированию синтаксиса и освобождению синтаксиса от «засилия морфологических наслоений» проявилась в работах убежденных сторонников автономии синтаксиса Ф. Брюно, А. Жюре. Такое положение связано прежде всего с тем, что основу научной деятельности женеvской школы составляла общезыковедческая проблематика.

Из нецелесообразности выделять две части грамматики (морфологию и синтаксис) исходили и представители Лондонской школы (Дж. Ферс, В. Аллен, Р. Робинс, В. Хаас, М. Халлидей и др.) при разработке грамматического уровня как основного и центрального в общей теории языка, создаваемой ими. Они считали, что выделение морфологических классов релевантно только в том случае, если слова, входящие в этот класс, выполняют сходные синтаксические функции [Robins 1959: 94]. М. Халлидей предлагал использовать «для морфологических группировок» наименование «парадигма» [Halliday 1961: 262].

Лондонцы вели полемику с американскими дескриптивистами по поводу роли морфемы. Они считали, что американцы неоправданно приписывают морфеме признаки, присущие единицам более высокого уровня и утверждали, что невозможно установить отношения, которые складываются в тексте между языковыми единицами через констатацию линейной последовательности морфем и правил их аранжировки. Поэтому центральными единицами описания, по мнению лондонцев, являются в грамматике не только морфема, но и слово, группа слов, предложение и т.д. Само грамматическое описание, по их мнению, должно строиться не только на понятиях различных компонентов системы, но и на понятиях о типах отношений, существенных для функционирования этих компонентов [Halliday 1961].

Таким образом, в центре внимания у лондонцев оказываются не элементарные единицы описания, а речевые отрезки, которыми оперирует говорящий. В основу описания они кладут не компонентный, а функциональный анализ, конечной целью которого на грамматическом уровне исследования признается создание функциональной (категориальной) грамматики. Сама же грамматика определяется представителями Лондонской школы как научная дисциплина, имеющая дело с самыми общими категориями. Последние трактуются как замкнутая система, число членов которой ограничено, и введение новых членов в которую меняет всю систему и значение всех остальных членов [там же: с. 246-247].

Все сказанное позволяет заключить, что, несмотря на то, что морфология в том или ином виде была представлена во всех направлениях структурной лингвистики, фактически не было создано всеобъемлющей морфологической теории, основанной на единых принципах анализа и описания.

1.3. Морфология в грамматиках постструктурного периода

В дальнейшем, с развитием трансформационной и генеративной грамматики, сосредоточившей своё внимание на синтаксических исследованиях, интерес к вопросам морфологии в зарубежной лингвистике заметно снизился. Среди причин, обусловивших заметное охлаждение к морфологической проблематике, Т.В. Булыгина и Е.С. Кубрякова выделяют, с одной стороны, «синдром» появления новой парадигмы, которому обычно сопутствует стремление возможно более резко противопоставить себя своим предшественникам. С другой стороны, господствовавшее на ранних этапах трансформационной грамматики убеждение о том, что все, что можно сделать в области морфологии, уже сделано в рамках дескриптивной лингвистики и в пересмотре не нуждается. Сам факт решительного поворота лингвистики к «глубинному синтаксису», а затем к семантике, естественным образом сопровождался определенной дискредитацией морфологии как наиболее поверхностного уровня.

В снижении роли морфологии определенную роль в тот период времени сыграло также развитие интереса к языковым универсалиям, которые, как вначале предполагалось, не могли быть обнаружены на таком уровне, как морфология [Булыгина 1977; Кубрякова 1987]. Кроме того, как отмечает Ст. Андерсон, на ранних этапах развития генеративной грамматики считали, что принципы, управляющие созданием морфологических структур, могут быть исчерпывающе описаны, с одной стороны, в фонологии, а с другой – в синтаксисе [Anderson 1982: 571]. В результате, морфология оказалась растворенной в других уровнях языка.

Однако по мере развития трансформационной грамматики постепенно стало преодолеваться пренебрежение морфологической проблематикой, так как трансформационные правила, применявшиеся в синтаксисе, оказались непригодными для объяснения механизма образования морфологических структур. Уже в конце 60-х годов XX века М. Бирвиш в одной из своих работ говорит о необходимости выделения специального морфологического компонента языка [Bierwisch 1967]. В это время происходит зарождение генеративной морфологии.

Генеративная морфология, исходя из значимости процессуального подхода к явлениям языка, строится как динамическая, связанная с описанием процесса синтеза слова и его отдельных частей. В ее рамках развивались две параллельные тенденции, связанные с выделением минимальной единицы морфологии, участвующей в образовании комплексных единиц, и с нахождением такой единицы в морфологии, которая бы наиболее адекватно отразила цели происходящих процессов. В конечном итоге это привело к спору об основной единице морфологии. Основное внимание сосредоточивалось на понятиях морфемы и слова, слова и основы. Именно в рамках генеративной морфологии постепенно зародилась тенденция рассматривать слово, а не морфему как основную единицу морфологического уровня. Если морфологическая концепция М. Халле еще строится на том, что базовой единицей морфологического уровня является морфема [Halle 1973], то в исследованиях М. Аронова уже заметен переход от морфемы к другим операционным единицам. Он положил в основу своей теории идею о том, что все операции по порождению слов происходят применительно к словам [Aronoff 1976]. В последующем взгляд на слово как на центральную единицу морфологии все прочнее завоевывал свои позиции в генеративной морфологии (см., например, [Selkirk 1982]).

«Переход» к слову в рамках генеративной морфологии повлек за собой обращение к таким единицам традиционной морфологии, как основа и аффикс. Именно понятие аффикса подверглось существенному пересмотру в генеративной морфологии. К этому понятию представители генеративной морфологии обращаются в поисках объединяющего начала для всей морфологии. Аффикс представляется как такой формальный элемент в процессе порождения новых единиц, наличие которого маркирует этот процесс именно как морфологический.

В работах представителей генеративной морфологии была предпринята попытка выдвинуть ряд новых концепций морфологии, пересмотреть некоторые ее единицы и создать целостное учение о синтаксисе слова. Однако взгляды генеративистов не представляли собой единой законченной концепции. Первой работой, теоретически обобщившей проблемы генеративной морфологии, стала монография С. Скализе, вышедшая в 1986 году и проанализировавшая развитие морфологии и ее теоретического

аппарата в предшествовавший 15 летний период. В ней морфология отождествляется с учением о морфологических структурах производных и сложных слов, т.е. со словообразованием. Свое внимание С. Скализе сосредоточивает на традиционных для того периода понятиях морфологических процессов и морфологических правил и выявлении единиц, на которые эти правила распространяются.

В рамках генеративной морфологии не было достигнуто единодушия в трактовке места морфологии в строе языка. В основном для работ этого направления характерно неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил, а также смешение их функций. Так, М. Халле, интерпретируя грамматику как формальное отражение знаний говорящего, говорит о необходимости выделения специального морфологического компонента. Морфология же рассматривалась им как определенная стадия, связанная с комбинаторикой морфем для достижения эффекта правильно оформленного слова [Halle 1973]. Однако это практически приводило к отождествлению морфологии со словообразованием, что нашло дальнейшее отражение в теориях М. Аронова [Aronoff 1976] и С. Скализе [Scalise 1986]. Выделение морфологии как самостоятельного компонента в грамматическом строе, по мнению С. Скализе, возможно лишь только в том случае, если будет доказано, что деривационные процессы, приводящие к возникновению комплексных морфологических структур, протекают не как синтаксические. В основном, генеративисты объявляли морфологию своеобразной частью синтаксиса, где действуют синтаксические правила (трансформации), но только в пределах слова. Во многих версиях порождающих грамматик деривационная морфология рассматривалась как составной компонент синтаксического уровня, подчиняющийся действию правил, аналогичных синтаксическим. В целом, по мнению представителей генеративной морфологии, она должна растворяться частично в синтаксисе, частично в лексиконе.

В дальнейшем, генеративная морфология развивалась в основном как деривационная, словообразовательная, а потому сосредоточивала внимание на морфологических аспектах строения слова и естественным образом проявляла зависимость от дескриптивных взглядов. В работах М. Халле и М. Аронова предпринималась попытка соединить новые идеи порождающей грамматики с

достижениями дескриптивной морфологии. Именно эта линия исследований подготовила появление нового направления в изучении морфологии, связанного с изучением структуры слова.

Временное пренебрежение морфологией способствовало, в свою очередь, расширению подходов к ней и изменению изучаемой проблематики. Период «постгенеративизма» (80-е годы XX столетия) характеризуется переходом от игнорирования морфологии к более активному исследованию ее проблем. Это нашло свое отражение не только в появлении авторских морфологических концепций, сформулированных, прежде всего в трудах Ф. Планка [Plank 1981], Э. Селкирк [Selkirk 1982], Р. Бирда [Beard 1981], Дж. Байби [Bybee 1985], С. Скализе [Scalise 1986], Ст. Андерсона [Anderson 1982, 1985, 1988], но и в проведении целого ряда международных конференций и встреч по морфологии в Веспреме (Венгрия) 1986 г., в Кремсе (Австрия) - в 1988 году. Сфера исследования в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональной проблематики. Для ученых в этот период характерно стремление разобраться в функциональных началах морфологии, а для этого вскрыть ее движущие силы. Все это предполагало обращение к динамическим аспектам языковой системы и определение роли морфологии в переходе от глубинных структур к поверхностным.

В концепции автономной морфологии Р. Бирда морфология рассматривается как компонент грамматики, отвечающий за маркирование грамматических функций лексем, роль которого отлична от синтаксического и лексического компонентов [Beard 1981].

Изменились задачи морфологии. Дж. Байби считает задачей морфологов описание процессов морфологической деривации, а задачей морфологии – нахождение тех принципов, которые обуславливают определенное соотношение формы и содержания. Дж. Байби разрушает многие положения структурализма и стремится найти когнитивно-психологические объяснения для наблюдаемых в разных языках общих свойств морфологических систем. В частности, ею обосновывается мотивированность морфологических явлений и тот факт, что форма не является независимой от значения. Дж. Байби развивает ряд оригинальных идей о противопоставлении флективных и деривационных категорий, а

также о том, что «грамматические категории выстраиваются в определенном порядке и ранжируются по смыслу» [Вубее 1985]. Меньются также представления о том, какие понятия и термины рассматривать в качестве исходных и в каких единицах фиксировать результаты исследований. Подверглись пересмотру основные понятия дескриптивного анализа и в первую очередь центральное понятие структурной морфологии - морфема. Само понятие уже не является базовым, а выступает как нечто заранее известное и данное. На первый план выдвигаются понятия морфологического процесса и морфологического правила. Особое внимание уделяется участкам морфологии, связанным с действием деривационных процессов, приводящих к созданию новых морфологических структур. Это объясняется особым вниманием к понятию деривации в генеративных исследованиях и к единицам, синтезируемым (порождаемым) в ходе того или иного деривационного процесса. Морфема же участвует в процессе деривации как нечто данное в готовом виде, т.е. не является синтезируемой единицей, а единицей, используемой для создания новой единицы – слова. Именно в этот период отмечается перенос центра тяжести на слово. Это имело, по мнению Е.С. Кубряковой, ряд важных последствий, связанных, прежде всего, с выяснением того, из чего складывается само предложение и оказывается ли слово (или морфема) его составной частью и переключением внимания морфологов на единицы, структурированные из более мелких единиц [Кубрякова 1991: 157-158]. Переключение на слово, тем не менее, не означало, что в зарубежной лингвистике выработались единые взгляды на суть морфологии, а также цели и задачи исследований в данной области. В лингвистической литературе принято выделять две основные точки зрения. Сторонники широкого понимания морфологии считают необходимым выяснить место морфологического компонента в генеративной модели описания языка, для чего установить диапазон действия морфологических явлений и их связи с соседними уровнями или модулями. Это приводит к тому, что они занимаются изучением включения морфологических структур в синтаксические единицы, выведением правил использования тех или иных морфологических структур в предложениях разного типа и выведением ограничений, связанных с использованием тех или иных морфологических структур в составе синтаксического целого.

При узком понимании морфологии главная задача морфологических исследований состоит в проведении анализа-синтеза и восприятия морфологических структур, в изучении внешнего облика слова и его внутренней организации. Сторонники такого подхода в основном занимаются проблемами внутренней организации морфологических структур, функциональной классификацией морфем и особенностями участия морфем различного типа в строении слова. Таким образом, центр исследования переносится с морфемы на слово и предметом изучения становятся не столько морфемы, сколько организация морфологических структур.

Перенесение центра тяжести на слово привело к интенсивному развитию морфотактики и парадигматики. Изменилась и постановка теоретических проблем морфологии. В качестве основных рассматриваются, например, проблемы изоморфизма в строении слова и предложения, возможность транспонировать закономерности синтаксиса в эту область, взаимодействие морфологии и синтаксиса, выявление основных морфологических процессов, действующих на уровне слова, установление специфики этих процессов, в том числе, выяснение их автономности или зависимости (детерминированности) синтаксисом и семантикой. При такой постановке проблем, несомненно, изменилось и представление о морфеме. Стали изучать, как ведут себя морфемы в составе слова и сравнивать их с поведением слов внутри предложения.

Таким образом, в рамках постгенеративизма наблюдаются отдельные признаки деятельностного подхода к морфологии и грамматике в целом, что явилось результатом ориентации лингвистических исследований на изучение языка в действии, в реальном его использовании говорящим, в осуществлении речевой деятельности. Дальнейшее развитие деятельностный подход получает в когнитивной лингвистике.

1.4. Морфология в когнитивной лингвистике

Развитие когнитивно-ориентированных исследований, прежде всего в американской лингвистике, вновь исключило непосредственно морфологию из поля зрения, поставив ее как бы на второй план. Такое положение дел представляется во многом естественным, так как вытекает из общих установок когнитивного подхода к языку, на которых основываются многочисленные направления исследований, представленные в работах различных авторов. Однако это не означает пренебрежения морфологической проблематикой в том смысле, в котором это было характерно, например, для ранних этапов генеративной грамматики.

Когнитивная лингвистика, как известно, стирает грань между областями, обособленными в интерпретации традиционной лингвистики (лексикой, морфологией, синтаксисом и семантикой), тем самым, выявляя наиболее общие принципы человеческого мышления, которые имплицированы в языковых формах. По образному замечанию О.К. Ирисхановой, «любая единица языка рассматривается здесь как некий «пусковой механизм» для глубинных когнитивных процессов, которые определяют пути и способы конструирования языкового значения» [Ирисханова 2000: 62].

Основополагающая идея, на которой строятся и когнитивная грамматика, и когнитивная семантика – это идея когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений. Соответственно, основная масса исследований, выполненных с позиций когнитивного подхода в зарубежной лингвистике, сосредоточена преимущественно на изучении когнитивных основ семантики языковых выражений, прежде всего, лексического уровня.

Общая платформа, на которой основывается вся когнитивная лингвистика, включает положения о том, что:

- язык не обладает самодостаточностью и не может быть описан без учета когнитивных процессов;
- грамматика не может рассматриваться в качестве отдельной формальной системы, или уровня представления, так как лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум знаковых структур.

Это предполагает неразделимость грамматики и значения. Автономность грамматики отрицается в когнитивной грамматике Р. Ленекера. В его теории она представляется как способ структурирования и символизации (языкового представления) концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей. Образно-схематические модели рассматриваются как способность по-разному структурировать (форматировать) и интерпретировать содержание одной и той же когнитивной области. В соответствии с этой функцией, язык включает семантические структуры, фонологические структуры и символические связи между ними. Р. Ленекером особо подчеркивается тот факт, что ничего другого языку не требуется [Langacker 1999; 2000]. Как следствие, в теории когнитивной грамматики Р. Ленекера отсутствует специальное рассмотрение того, что традиционно включается в морфологию (словообразовательные и словоизменительные категории). Некоторые морфологические категории исследуются в связи с рассмотрением определенных когнитивных механизмов. Например, категории времени и аспекта анализируются в связи с рассмотрением роли такого механизма как *viewing* [Langacker 2000: 218-229].

На сходных представлениях строится и концептуальная семантика Л. Талми. В разработанной им теории утверждается наличие в языке двух подсистем: грамматической и лексической, — обладающих комплементарными семантическими функциями. Грамматика определяет структуру когнитивной репрезентации, а лексика — ее содержание. Автором ставится цель определить семантические и когнитивные свойства и функции структурного языкового компонента (грамматики) как единого целого. В качестве фундаментального свойства грамматической подсистемы Л. Талми выделяют семантическая и количественная ограниченность, а в качестве основной функции — структурирование мысли [Талми 1999: 94-95]. Грамматика, в широком смысле, является фактором, определяющим концептуальную структуру в языке как одной из когнитивных систем.

Таким образом, грамматический уровень рассматривается в когнитивной лингвистике недифференцированно, что естественным образом не позволяет акцентировать внимание на роли морфологического компонента языка в представлении концептуального содержания. Рассматривая идею о языковом континууме как

одну из фундаментальных и методологически важных для настоящего исследования, мы все же считаем необходимым акцентировать, с одной стороны, взаимодействие образующих континуум компонентов, а с другой – роль каждого из них в этом континууме. Анализ работ выполненных с позиций когнитивного подхода показывает, что наименее исследованной остается пока морфологическая составляющая. Это позволяет поставить вопрос о необходимости особого рассмотрения места морфологии в языковом континууме.

Предпосылки такой постановки вопроса создаются, в первую очередь, благодаря результатам исследований в области морфологии, проведенных отечественными лингвистами на материале различных языков. Их анализу и посвящена вторая глава работы.



Глава II

**ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЛИНГВИСТОВ**

Сущность исследований в области морфологии, проводимых отечественными лингвистами, занимающимися созданием моделей грамматического описания языков, составляет деятельностный подход.

Основной исследовательский интерес в отечественной лингвистике был сосредоточен на обсуждении предмета и задач морфологии и ее основных единиц, места морфологии в модели языка, методологических основ морфологического анализа, проблем морфологического значения, поиске и обнаружении корреляций между значением и формой морфологических единиц, а также на изучении морфологических категорий и межкатегориальных связей (работы В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Л.С. Бархударова, М.Я. Блоха, Т.В. Булыгиной, В.В. Бурлаковой, Е.М. Вольф, Г.Н. Воронцовой, В.Г. Гака, М.М. Гухман, Г.А. Золотовой, Б.А. Ильиша, С.Д. Кацнельсона, Н.А. Кобриной, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Маслова, Е.А. Реферовской, О.Н. Селиверстовой, Н.А. Слюсаревой, А.И. Смирницкого, М.И. Стеблина-Каменского, В.Н. Ярцевой и др.). Однако в наиболее полном и завершенном виде поворот к исследованию языка в действии, в реальном его использовании говорящим, в осуществлении речевой деятельности был осуществлен в отечественной функциональной школе, представленной в работах А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, Е.С. Кубряковой, Н.А. Кобриной, И.Г. Милославского, Н.А. Слюсаревой и др.

Достигнутые результаты в этой области исследования, на наш взгляд, достаточно весомы и значимы для дальнейшего изучения морфологии и осмысления ее роли в языковом континууме с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Поэтому представляется необходимым более подробно проанализировать достижения именно отечественных лингвистов.

2.1. Морфологическая проблематика в традиционном освещении

2.1.1. Проблема определения морфологии

Объем понятия «морфология» по-разному трактуется в различных концепциях. Все разнообразие существующих определений возможно свести к двум трактовкам: узкой и широкой. Традиционно морфология определялась как учение о «строении слова и его морфемном составе» [Воронцова 1960], как учение о формах слова, как «совокупность закономерностей, определяющих способы изменения слов» [Жигадло и др. 1956: 7], как учение о форме слова в одном определенном аспекте, грамматическом [Кубрякова 1974]. Иными словами, в традиционном понимании морфология – это грамматическое учение о слове, изучающее «совокупность формальных свойств слова, связанных с передачей данным словом всех нелексических значений, т.е. всех «служебных» значений, взятых в абстракции от индивидуального значения слова» [там же: 18]. Это предполагает анализ форм одного и того же слова и изучение отношений между ними, т.е. парадигматических связей.

По мере расширения представлений о морфологии в нее стали включать все, что связано со структурной организацией слова, т.е. с межморфемными отношениями, синтагматикой слова. Иначе говоря, при расширенном понимании морфология рассматривается как «наука о формах». Под формой в таком случае понимаются любые, а не только внутрисловные средства выражения, рассматриваемые в их формальном аспекте. Ряд авторов (В.М. Жирмунский, С.Д. Кацнельсон, Н.А. Кобрина, М.И. Стеблин-Каменский и др.) считают возможным в этом случае говорить о «нефлективной» («аналитической», «внешней», «синтаксической») морфологии, включая в состав морфологии аналитические формы в английском языке, комплексы глаголов с неотделяемыми приставками в немецком языке.

С.Д. Кацнельсон при определении морфологии исходит из того, что вся грамматика, а не только синтаксис является учением о сочетании слов в предложении. Это позволяет ему определять морфологию как учение о формальных средствах языка, с помощью которых по синтаксическим правилам составляются предложения

и цепочки предложений в контексте [Кацнельсон 2001: 157]. Таким образом, морфология перестает быть исключительно учением о формах слова, ориентированным в основном на флективные формы. Флективная морфология в таком случае выступает в качестве одного из идиодialeктных вариантов морфологии вообще. Как заключает С.Д. Кацнельсон, морфология – это то, что помимо знаменательных слов заключено в памяти языка как готовые средства реализации синтаксических типов связей. Это совокупность данных в языке типовых средств оформления синтаксического содержания (ср. мысль Э. Сепира о роли морфологии как средства, необходимого для того, чтобы выражение синтаксических отношений не вызывало неясности [Сепир 1993]). Таким образом, морфология – это типовое в плане выражения тех или иных синтаксических функций и категорий [Кацнельсон 2001: 157-158].

2.1.2. Морфология в аспекте ее взаимодействия с другими языковыми уровнями

Как уже отмечалось в главе I, на протяжении всей истории развития грамматической мысли вопрос о роли и месте морфологии в системе языка оставался ключевым для различных научных парадигм в зарубежном языкознании. На сложный характер отношений морфологии с другими языковыми уровнями обращают внимание в рамках традиционной грамматики и отечественные лингвисты. При этом, как правило, выделяется две линии взаимодействия: с лексикой и с синтаксисом, что и определяет, в конечном итоге, ту или иную трактовку морфологии, предлагаемую различными авторами. Проанализируем подробнее идеи, представленные в работах отечественных лингвистов.

На разделении морфологии на лексическую и грамматическую строится грамматическая концепция А.И. Смирницкого. Это позволяет автору рассматривать слово одновременно как необходимую единицу языка и в области словарного состава, и в области грамматического строя. Слово, по мнению А.И. Смирницкого, «представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны» [Смирницкий 1998: 21]. Для грамматики, отмечает далее А.И. Смирницкий, характерным является отвлечение от какой-либо конкретности слова, и в сфере грамматического строя оно выступает наподобие величины алгебраической.

Из общетеоретического положения «о тесной связи между лексикой и грамматикой» исходит в трактовке морфологии и Г.Н. Воронцова. Она обращает особое внимание на то, что при изучении «грамматико-морфологической» системы, особенно английского языка, отвлечение от лексической стороны было бы не только неправильным, но по существу и невозможным [Воронцова 1960: 93]. Данное положение сохраняет свою актуальность, на наш взгляд, и при когнитивном анализе морфологии и может рассматриваться в качестве одного из исходных положений для теории морфологической репрезентации. Соответственно, в понимании Г.Н. Воронцовой, морфология как учение о строении слова, о его морфемном составе, объединяет лексикологический и грамматический аспекты. В грамматическом аспекте морфология, по мнению

Г.Н. Воронцовой, изучает значения форм слов, грамматические категории в наиболее допустимом для системы данного языка отвлечении от семасиологии [Воронцова 1960: 93]. В рамках грамматической морфологии как учения о грамматическом строении лексемы Г.Н. Воронцова предлагает рассматривать и «сложные» морфологические формы, тем самым, принимая широкое толкование морфологии.

Сложные формы связи между лексическими и грамматическими явлениями, по мнению В.Н. Ярцевой, создаются за счет многоярусности средств выражения по отношению к плану содержания. «Во многих случаях, – заключает В.Н. Ярцева, – область лексики и область грамматики как бы взаимообуславливают друг друга» [Ярцева 1968: 15]. Взаимообусловленность лексики и грамматики предполагает, по мнению автора, строгое различие области морфологии и области синтаксиса.

Отношение лексики и морфологии строится, как считает В.Н. Ярцева, на основе «подчиненности лексики морфологическим категориям, представленным в данном языке, со стремлением этих категорий действовать с максимальным охватом лексического материала, но вместе с тем и с ограничениями, определяемыми этим лексическим материалом» [там же: 43].

Иными словами, подчиненность лексики морфологии сказывается в том, что все лексемы включаются в определенные морфологические разряды, с присущими им показа-

телями. Морфология «охватывает» лексику, размещая ее по установленным парадигматическим разрядам (подр. см. [Ярцева 1968]). Морфологическая парадигма, в свою очередь, помогает сохранению единства лексического значения.

Морфология, как уже отмечалось, взаимодействует не только с лексикой, но и с синтаксисом. На этот аспект также обращают внимание многие лингвисты. В.В. Виноградов, например, возражает против жесткого разделения на морфологию и синтаксис, считая, что границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Данную точку зрения он мотивирует тем, что, во-первых, грамматика всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями и, во-вторых, в грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство [Виноградов 1972:10;

30-31]. В.В. Виноградов рассматривает морфологические формы как отстоявшиеся синтаксические формы. «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике», – заключает В.В. Виноградов. «История морфологических элементов и категорий, – пишет он, – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происхо-

дят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов 1972: 31].

Развивая данное положение в рамках теории лексической грамматики, А.Л. Шарандин уточняет, что «в морфологии не все отстаивается из того, что есть в синтаксисе». Есть категории, которые в максимальной степени синтаксичны (вероятно, считает автор, род глагола в русском языке, залог – в английском языке – Н.Б.), а есть категории, морфологические формы которых не до конца сместились из синтаксиса в морфологию. Например, категория лица глагола в русском языке. Таким образом, подчеркивается градуальный характер смещения синтаксиса в сторону морфологии [Моделирование ... 2000].

Идея взаимодействия морфологии и синтаксиса находит обоснование и в теоретической концепции С.Д. Кацнельсона, который не склонен рассматривать грамматический строй как жестко противопоставленную систему морфологии и синтаксиса и выделяет в нем три составляющих, тем самым, имплицитно идею градуального перехода морфологии в синтаксис. Наряду с морфологией в традиционном понимании (С.Д. Кацнельсон называет ее синтетической морфологией) и синтаксисом, С.Д. Кацнельсон выделяет как особую промежуточную область синтаксическую морфологию [Кацнельсон 1948].

Синтаксическая морфология, по определению автора, охватывает как те специфические разделы, которые вырастают на базе сведения флективных форм к формам словосо-

четания (учение о согласовании, управлении, примыкании), так и детальное обследование всех частных областей морфологии, непосредственно связанных с формой словосочетания (разряды служебных слов, учение о порядке слов, о роли интонации в грамматике данного языка и т.д.).

В синтаксической морфологии формы словосочетания даны непосредственно и прямо. В отличие от синтаксической морфологии, флективная морфология «нуждается в особой предварительной работе по сведению формы слова к форме словосочетания» [там же: 124].

Особое внимание на то, что «грамматическая природа всякого слова проявляется только в предложении или словосочетании» обращает М.И. Стеблин-Каменский [1957: 18]. Данная мысль получила развитие у П.В. Кузнецова. Он считает, что невозможно говорить о значениях форм слов «чисто в морфологическом плане, не обращаясь к синтаксису», так как «любые значения, свойственные формам слова, ... могут быть выведены лишь на основании исследования словосочетания, в которое входит соответствующая форма» [Кузнецов 1961: 15].

Точки зрения о невозможности резкого разграничения морфологии и синтаксиса придерживается и А.В. Бондарко. Он объясняет такое положение тем, что «употребление грамматических категорий – это проявление и модификация ее морфологического значения в предложении, в контексте, в связи и в соотношении со значением других категорий и с речевой ситуацией» [Бондарко 1962: 214]. Иными словами, в употреблении грамматической категории есть и морфология, и синтаксис, представленные в этом случае не изолированно, а в единстве и взаимосвязи. Такое взаимодействие А.В. Бондарко обозначает как «морфологический синтаксис» [там же].

Предметом «морфологического синтаксиса», в понимании А.В. Бондарко, является изучение употребления грамматических категорий и, следовательно, функционирования морфологических противопоставлений, которые модифици-

руются в контексте, превращаясь в противопоставление синтаксическое. Понятия и единицы «синтаксической морфологии» не совпадают с единицами и понятиями синтаксиса предложения, но могут соприкасаться с ними. А.В. Бондарко особо подчеркивает, что для функционирования той или иной грамматической категории существенны, релевантны не все синтаксические отношения, а лишь те из них, которые влияют на употребление данной категории. При этом релевантными могут оказаться и те отношения, которые не существенны для синтаксиса предложения [там же: 214-215]. Как видно, идея «морфологического синтаксиса» основана на динамическом представлении языка в целом и морфологической системы, в частности. Это позволяет рассматривать морфологические категории не как застывшие сущности, а в их динамике, в употреблении, которое не может быть изолированным от других уровней языка.

Несогласие с А.В. Бондарко в общем понимании границ морфологии и синтаксиса и их объектов высказывает И.Б. Хлебникова. По ее мнению, основная проблема в определении границ между морфологией и синтаксисом заключается в двусторонности слова, которое одновременно является основным объектом и центральной единицей морфологии, и конечной составляющей синтаксического уровня. Решить данную проблему она предлагает через анализ сущности парадигматических и синтагматических отношений на этих двух уровнях языка. В связи с этим она считает необходимым различать

«синтагматическую морфологию», подразумевающую анализ синтагматических отношений форм слов, и «парадигматическую морфологию», изучающую классы и парадигмы слов в системе.

Парадигматическая и синтагматическая морфология тесно переплетены, взаимозависимы и дополняют друг друга.

Их объектом является слово в его парадигматических (системных) и синтагматических (линейных) связях. Взаимозависимость выделенных И.Б. Хлебниковой разделов морфологии состоит, по ее мнению, в том, что «умозаключения о структурном значении форм и их связях в системе делаются на основе предварительного анализа типичных окружений, и одновременно общие выводы об инварианте и вариантах тех или иных значений, раскрываемых в процессе синтагматического анализа, достигаются с учетом тех парадигматических отношений в системе, которые падают на каждую форму» [Хлебникова 1965: 127]. Иными словами, морфология синтагматическая поставляет морфологии парадигматической факты, необходимые для построения общих схем форм и отношений в системе языка.

Из сказанного выше следует, что И.Б. Хлебникова рассматривает морфологию и синтаксис как две стороны функционирования слова, между которыми не существует непреодолимых границ. Это и определяет, в конечном итоге, взаимосвязь морфологии и синтаксиса. Вместе с тем, точки соприкосновения, естественные для языковых элементов с

многосторонними связями, по мнению И.Б. Хлебниковой, не дают права смешивать морфологию и синтаксис, и их основные функциональные единицы. Сущность разграничения морфологии и синтаксиса и их объектов, как считает И.Б. Хлебникова, состоит в том, что «морфология – это парадигматика и синтагматика знаков, образующих слово, а синтаксис – это синтагматика и парадигматика сочетаний слов, связанных определенными отношениями, от синтагмы до предложения и целого высказывания, в которых конечным составляющим является слово в определенной форме и позиции. Морфология – установление валентности слов; синтаксис – реализация этой валентности в сочетаниях в зависимости от выражаемых отношений» [Хлебникова 1965: 131].

Разнообразие взглядов на взаимодействие морфологии с другими языковыми уровнями дало основание для рождения идеи о том, что «морфология служит синтаксису». Именно из этого положения исходит Б.А. Серебренников в трактовке проблемы взаимоотношения морфологии и синтаксиса, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке [Серебренников 1988: 88]. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств [там же].

Б.А. Серебренников, вслед за авторами Русской грамматики

80, приходит к выводу, что «морфологические формы, их значения в определенный момент существования языка взаимодействуют с синтаксическими конструкциями, с правилами их построения не как сфера подчиненная со сферой подчиняющей, а как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей» [Русская ... 1980: 5].

Идея о «службе» морфологии синтаксису уточняется в рамках теории морфологических категорий, разработанной А.В. Бондарко. «Морфология ... далеко не всегда и не во всем своем объеме служит синтаксису», – замечает А.В. Бондарко, так как «не все морфологические различия существенны с синтаксической точки зрения» [Бондарко 1976: 18]. Свою мысль он иллюстрирует примером с категорией времени. Как считает автор, изменение глагола по временам не отражается на синтаксической структуре простого предложения. В тоже время категория времени особым образом включена в выражение определенного временного отношения между разными частями некоторых типов сложного предложения. Например: *Когда вы говорили, я думал о другом.* В этом случае категория времени, как считает А.В. Бондарко, включена в выражение временного отношения не самим по себе категориальным значением (прошедшего времени), а однородностью времени в разных частях сложного предложения, что позволяет выражать одновременность действий.

Таким образом, А.В. Бондарко уточняет, что морфология служит синтаксису «лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [Бондарко 1976: 19]. Одновременно с этим, А.В. Бондарко специально подчеркивает, что морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как каждая морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой [Бондарко 1976: 19]. Он выделяет два типа отношений морфологических категорий к структуре предложения.

При первом типе отношений морфологическая категория становится таким элементом синтаксической структуры, который определяет ее тип: при замене одного компонента категории другим меняется тип синтаксической структуры (или она вообще разрушается). Второй тип отношений предполагает, что тип синтаксической структуры не зависит от того, каким из своих компонентов представлена морфологическая категория. Однако в обоих типах словоформы, представляющие компоненты морфологических категорий, функционируют в составе конкретного предложения, в синтаксической среде.

Вместе с тем, А.В. Бондарко не отрицает в целом господствующего положения синтаксиса по отношению к морфологии, так как это вытекает из соотношения более высокого уровня предложения и более низкого уровня слова. Он также

не исключает возможности другой иерархической перспективы, когда морфологические, синтаксические, лексические и словообразовательные средства и различные их комбинации служат для реализации определенных семантических функций в речи. С этой точки зрения, структура предложения перестает быть абсолютно «командной» величиной и вместе с морфологическими структурами служит передаче смысла в тексте. Именно такое понимание способствовало развитию функциональной морфологии.

В несколько ином плане, с позиции синтеза современных лингвистических концепций, рассматривает проблему В.Б. Касевич. В качестве основополагающего он выдвигает тезис о том, что «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.» [Касевич 1988: 18]. Для объяснения закономерностей взаимообусловленности семантики, синтаксиса и морфологии он прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский [1979].

Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и синтаксически ориентированные. Семантически ориентированные фреймы, в его понимании, представляют собой морфемные или лексемные структуры, призванные непосредственно передавать такие элементы семантического представления высказывания, как число, время и т.п. Здесь морфология непосредственно обслуживает грамматическую семантику, выступает средством выражения абстрактных

значений, характеризующих ту или иную ситуацию. Синтаксически ориентированные фреймы в составе морфологического компонента представляют собой морфемные или лексемные структуры, предназначенные для указания на возможную функцию лексемы в составе синтаксических конструкций. Использование таких структур присуще языкам в разной степени, в то время как семантически ориентированные фреймы представлены в морфологическом компоненте любого языка [Касевич 1988: 26].

В теории семиологической грамматики, разработанной Ю.С. Степановым, проблема связей морфологии и синтаксиса получает более глубокое осмысление и формулируется в виде положения о том, что морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса». При этом в качестве принципиально важных принимаются положения о том, что: определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории; морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом [Степанов 2002: 296-297]. Иными слова-

ми, морфологические категории оказываются взаимообусловленными взаимоотношениями семантики и синтаксиса.

Понимание морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса получило применение и дальнейшее уточнение в теории функциональной категоризации Н.Н. Болдырева. В соответствии с ее основными установками, морфология определяется как техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом [Болдырев 1995а]. Рассматриваемое положение принимается в качестве основополагающего и методологически важного в настоящем исследовании, которое направлено, в том числе, на то, чтобы с позиций когнитивного подхода раскрыть роль морфологии как языковой техники.

Анализ представленных точек зрения на проблему взаимодействия морфологии, лексики и синтаксиса позволяет заключить, что попытки провести строгие границы между языковыми уровнями (прежде всего, морфологией и синтаксисом) фактически оказались неосуществимыми, так как постоянно исследователи наталкивались на те или иные факты межуровневого взаимодействия, свидетельствующие, скорее, о нежесткой внутриязыковой организации. Наглядно это подтверждается результатами функционально и когнитивно-ориентированных исследований. В частности, о континуальности языковой системы в целом говорит

В.М. Павлов [Павлов 1998], о лексико-грамматическом и морфо-синтаксическом континууме – В.А. Виноградов [Виноградов 1990] и В.А. Плунгян [Плунгян 1998: 3], о континуальной градации перехода от лексической сферы к грамматической – В.Б. Кашкин [Кашкин 2001] (ср. сходные идеи на этот счет у В.М. Жирмунского, Э. Косериу, Е.В. Падучевой и др.).

Изучение данного вопроса связано, в первую очередь, с выяснением сущности морфологических категорий, так как с

позиций когнитивного подхода к морфологии именно морфологическая категория становится основным объектом анализа. Это потребует, в определенной степени, переосмысления самого понятия морфологической категории. Поэтому, прежде чем приступить к анализу морфологических категорий с когнитивной точки зрения, рассмотрим основные их особенности и аспекты изучения в традиционной лингвистике.

2.1.3. Морфологическая категория в традиционном понимании

Понимание морфологической категории в отечественной традиционной лингвистике не было однозначным. Сегодня можно говорить о существовании, как минимум, двух основных подходов к определению морфологической категории, создающих «узкое» и «широкое» ее понимание. При узком понимании грамматической категории и морфологической, в частности, грамматическая и флективная формы употребляются как более или менее равнозначные понятия. В соответствии с этим, морфологическая категория определяется в связи с формой отдельного слова, т.е. в непосредственной зависимости от флективной техники оформления.

К недостаткам узкого понимания морфологической категории и морфологии в целом можно отнести следующие моменты: смешение и отождествление понятий флективной формы и грамматической формы вообще, отождествление флективной морфологии с учением о частях речи.

После того, как была отвергнута теория исключительности флексии, изменилось и понятие как грамматической, так и морфологической категории. Широкое понимание грамматической категории в отечественной лингвистике опирается на научную традицию, уходящую корнями в работы А.М. Пешковского,

А.А. Потевни, Л.В. Щербы. Расширенное понимание собственно морфологической категории принадлежит А.М. Пешковскому. Считая необходимым «расширить» понятие формальной категории (=морфологической категории), он рассматривал морфологическую категорию как единство грам-

матического значения и формы его обнаружения. При этом особую роль автор отводил грамматическому значению. По мнению А.М. Пешковского, все дело в значении морфологической категории, а не в формах его обнаружения. Он, в частности, писал: «Чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, тем более многообразными и тем более многочисленными способами обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели выразить данное значение, и на обязанности исследователя-языковеда лежит не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти все факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны» [Пешковский 2001: 74]. Развивая данное положение можно было бы утверждать, что чем важнее для языка какое-либо значение, тем вероятнее возможность его репрезентации с помощью морфологических средств, с одной стороны, а с другой – что морфологическая представленность какого-либо значения свидетельствует о важности последнего для того или иного языка.

Таким образом, при расширенном понимании морфологической категории понятие грамматической формы не совпадает с понятием формы отдельного слова. Расширенное толкование морфологической категории строится, по А.М. Пешковскому, с учетом всех возможностей обозначения грамматических значений. Не только форма слова, но и форма словосочетания, и служебное слово, и интонация могут выступать как носители определенной морфологической категории.

Понимание грамматической формы как всякого звукового обнаружения грамматического значения приводит к расширенному пониманию морфологии в целом как учения о всех – флективных и нефлективных – грамматических фор-

мах. Важность такого понимания морфологии особо подчеркивал С.Д. Кацнельсон, поскольку «нет ни одного языка, формальный строй которого не строился бы на комбинированном использовании разных приемов грамматического оформления» [Кацнельсон 1948: 118]. Данное положение рассматривается в качестве одного из существенных положений, формирующих концептуальную базу предлагаемого исследования. Оно позволяет признать, наряду с флективной техникой оформления, аналитическую технику оформления морфологических категорий в языках соответствующего строя.

Несколько иной ракурс расширенного понимания грамматической категории обнаруживается в работах А.А. Потебни и Л.В. Щербы. А.А. Потебня использовал понятие «грамматическая категория» применительно к таким явлениям, как существительное, глагол, число, время, совершенность/несовершенство, одушевленность/неодушевленность, 1-е, 3-е лицо, творительный падеж и т.д. [Потебня 1958: 38-45; 82]. Л.В. Щерба подразумевал под грамматической категорией «те группы однообразия в языке, под которые подводятся единичные явления...» [Щерба 1957: 12; 63-84].

Как видно из приведенных определений, расширенное понимание грамматической категории охватывает достаточно широкий круг различных языковых явлений и в некоторой степени приводит к размыванию границ самого понятия.

По мнению

А.В. Бондарко, это затрудняет определение совокупности тех

черт, которые бы в целом отличали грамматические категории от иных объектов в грамматической системе языка. Принимая расширенное понимание морфологической категории в настоящем исследовании, мы, тем не менее, считаем необходимым его уточнить. В связи с этим, вслед за А.В. Бондарко, считаем более оправданным разграничивать, с одной стороны, морфологические категории и лексико-грамматические классы слов, т.е. части речи, а с другой – морфологические категории и подклассы частей речи, т.е. их лексико-грамматические разряды. Сам А.В. Бондарко отдает предпочтение такому истолкованию грамматической категории, которое отграничивает область этих категорий системами собственно грамматических единиц [Бондарко 1976]. Он считает целесообразным рассматривать понятие «грамматическая категория» как родовое по отношению к таким понятиям, как морфологическая категория и синтаксическая категория. Аналогичное толкование грамматической категории характерно для работ

Н.С. Поспелова [1955: 74-91], А.И. Смирницкого [1957: 44], В.М. Никитевича [1963: 11-17], О.С. Ахмановой [1966: 88-92], А.А. Зализняка [1967: 27] и др.

2.1.4. Изучение категориального аспекта морфологии

Один из аспектов изучения морфологических категорий связан с многочисленными попытками построения различных их классификаций. В зависимости от оснований классификаций, а также их целей и методов возможно выделить следующие типы классификаций морфологических категорий, разработанных оте-

чественными лингвистами: эмпирическую, морфолого-семантическую, семантико-прагматическую, комплексную, включающую в себя содержательно-функциональную, структурно-синтаксическую и собственно морфологическую классификации. Кроме того, известны классификации, основанные на типах абстракции в грамматике и единстве языка и мышления.

Наиболее простой представляется эмпирическая классификация, основанная на традиционной частеречной классификации, предполагающая, что грамматические категории задаются списком или перечнем. Примером такой классификации может служить разработанная Н.В. Перцовым классификация категорий английского глагола (см. [Перцов 1976]). Среди глагольных категорий он выделяет семантически наполненные и синтаксически обусловленные грамматические категории. Первые несут смысловую нагрузку, т.е. имеют непосредственные прообразы в семантическом представлении высказывания. К ним автор относит глагольные категории залога, таксиса, вида, наклонения, времени (настоящего, прошедшего), а также дополнительно выделяет категории следования и статуса.

Синтаксически обусловленные категории (лица, числа, а также репрезентации причастной, герундиальной, инфинитивной и личной) связаны с синтаксической сочетаемостью языковых единиц и не имеют прообразов в семантическом представлении высказывания.

В морфолого-семантической классификации в качестве основания выделения грамматических категорий служит тот или иной «морфемный порядок экспонента категории», определяемый методом порядкового анализа. Данный тип классификации представлен в работах А.П. Володина и В.С. Храковского (см.: [Володин, Храковский 1975; 1977]). Проведение классификации по данному основанию позволило авторам прийти к выводам, отличным от традиционных трактовок грамматических категорий. В частности, категории лица-числа и времени-наклонения, в соответствии с данной классификацией, составляют две единые категории, а императив вообще выводится за рамки категории времени-наклонения [Володин, Храковский 1977: 52-53].

Семантико-прагматическая классификация грамматических категорий учитывает характеристики речевой ситуации и коммуникативных намерений говорящего. Данная классификация раз-

работана Р.О. Якобсоном и И.А. Мельчуком [Якобсон 1972; Мельчук 1998].

Семантико-прагматической классификации во многом близка классификация Б.М. Гаспарова (см.: [Гаспаров 1977; 1979]). Морфологические категории он делит на дескриптивные и реляционные. Дескриптивные описывают фактическое содержание сообщения, характеризуют сообщаемое событие как таковое. В их число входят глагольные категории: вид, возвратный, взаимный и средний залог, а также именные категории: род, число, падеж. Именно дескриптивные категории являются центральными для парадигмы имени.

Реляционные категории осуществляют отнесение содержания сообщения к действительности. Они занимают основное место в глагольной парадигме. К ним относятся категории времени, наклонения, лица, а также противопоставление актива и пассива. В именной сфере к реляционным относятся категории определенности/неопределенности, степени сравнения. Объективным показателем различия между этими двумя типами Б.М. Гаспаров считает тяготение дескриптивных категорий к словообразованию. В то время как различные дескриптивные формы легко обособляются в отдельные лексемы, различные реляционные формы сохраняют чисто грамматическую соотнесенность.

Комплексный подход к классификации морфологических категорий предлагается в теории морфологических категорий А.В. Бондарко [Бондарко 1976]. Исходя из того, что морфологические категории представляют собой многопризнаковые величины, он ставит вопрос о необходимости системы классификаций морфологических категорий с учетом множественности и разноплановости признаков членения. Различные частные таксономии морфологических категорий он объединяет в три группы классификаций: содержательно-функциональные, структурно-синтаксические, собственно морфологические.

Собственно морфологические классификации основываются на признаке коррелятивности форм в пределах одного и того же слова и на характере отношений между словоформами. Коррелятивность предполагает, что члены морфологической категории репрезентируются формами одного и того же слова. В соответствии с этими критериями, выделяются морфологические категории: последовательно коррелятивные (наклонение, время, лицо,

число, род глагола, падеж существительных и других частей речи, род, число прилагательных), непоследовательно коррелятивные (вид, залог глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий), некоррелятивные (род имен существительных).

Структурно-синтаксические классификации проводятся по признакам структурно-синтаксической и синтагматической значимости. Под структурно-синтаксической значимостью А.В. Бондарко понимает «участие членов морфологической категории в построении структуры предложения» [Бондарко 1975: 63]. Это участие проявляется в том, что морфологическая категория, репрезентированная одним из ее членов (не любым, а только данным), становится необходимым элементом и условием существования определенной синтаксической конструкции.

По признаку структурно-синтаксической значимости А.В. Бондарко выделяет три типа категорий: с постоянной синтаксической значимостью (залог), с переменной синтаксической значимостью (падеж существительных, вид, время наклонение, число и лицо глагола степени сравнения прилагательных и наречий) и не обладающие синтаксической значимостью, в том смысле, что разные члены таких категорий не связаны с разными конструкциями (род и число существительных, род, число, падеж прилагательных).

Под синтагматической значимостью имеется в виду «признак связи содержания данной словоформы с содержанием другой словоформы» [Бондарко 1975: 69]. По этому признаку выделяются синтагматически сильные (род, число, падеж разных частей речи) и синтагматически слабые категории (наклонение, время, вид глагола). Синтагматически сильные категории делятся на две подгруппы: синтагматически обуславливающие (род, число, отчасти падеж существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, залог глагола) и синтагматически обусловленные (род, число, падеж прилагательных, лицо, число и род глагола, отчасти падеж существительных). В предложенной классификации морфологических категорий значительную роль играет принцип градуальной оппозиции. Морфологические категории противопоставляются не на основе отношения наличия/отсутствия синтагматической значимости, а по степени этой значимости. Именно градуальный принцип позволяет учитывать

при классификации тот факт, что морфологические категории всегда характеризуются той или иной степенью синтагматической значимости.

Как следует из проанализированной классификации, различие между морфологическими категориями заключается в характере синтагматического выявления, в степени последовательности, что подразумевает наличие или отсутствие «постоянного и обязательного элемента связи содержания данной словоформы с содержанием другой словоформы, постоянного и обязательного синтагматического выражения этой связи» [Бондарко 1975: 75]. Проводя разграничение категорий по принципу синтагматической значимости, А.В. Бондарко особо подчеркивает отсутствие резких граней между двумя выделенными типами категорий. В частности, категории степеней сравнения и времени, по его мнению, скорее, могут быть охарактеризованы как категории промежуточного статуса.

Для целей настоящего исследования особую значимость представляет содержательно-функциональная классификация. В ее рамках А.В. Бондарко выделяет категории с семантической и со структурной доминантой [Бондарко 1975]. Категории с семантической доминантой представлены двумя группами: категориями преимущественно отражательного типа и категориями преимущественно интерпретационного типа. К категориям первой группы А.В. Бондарко относит в русском языке наклонение, время, лицо глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий. В содержании этих категорий преобладает отражение связей и отношений объективной действительности.

Вторая группа включает категории, в которых преобладают элементы языковой семантической интерпретации отношений, которые являются или могут быть одними и теми же в объективной действительности. В русском языке это характерно для глагольной категории залога. Категорию падежа в рамках рассматриваемой классификации А.В. Бондарко относит к первой группе, отмечая при этом, что она может проявлять и свойство категорий второго типа (например, соотношение падежей в активной и пассивной конструкциях). В другой категории, категории вида, сильно выражены как отражательные семантические элементы (длительность, повторяемость), так и интерпретационные

(целостность действия как доминирующий различительный признак в системе видов). Сказанное также позволяет говорить об отсутствии жестких границ между выделяемыми типами.

Содержательно-функциональная классификация, предложенная А.В. Бондарко, предполагает также разделение морфологических категорий по их участию в передаче отношения содержания высказывания к действительности, устанавливаемого с позиции говорящего. Соответственно, выделяются: 1) категории, участвующие в передаче этого отношения (наклонение, время, лицо, и, вероятно, вид) и 2) категории, не участвующие в передаче данного отношения (все остальные категории).

Ю.С. Степанов предлагает классификацию грамматических категорий в соответствии с тремя типами абстракции, характеризующими грамматику: номинации, предикации и локации [Степанов 1975]. В их рамках возникают три различных типа грамматических категорий. Номинация, по определению Ю.С. Степанова, представляет собой абстракцию предметов, признаков, действий и основана на сравнении внешнего мира с человеком и является, таким образом, классифицирующей абстракцией. Типичным проявлением этого типа абстракции является деление на именные и глагольные классы.

Локация, будучи абстракцией отношений человека к месту и времени речи, указывает на те или иные отношения к говорящему как центральному ориентиру и соответствует онтологическим категориям времени, пространства, количества. В языке локация представлена в категориях времени, лица, числа и падежа. Предикация представляет собой абстракцию связей между предметами (а также между признаками и действиями). Предикация – есть утверждение вневременной связи признаков. Языковой формой ее проявления являются структурные схемы предложения.

В целом, осмысление Ю.С. Степановым грамматических значений в трех функциональных планах позволяет соотнести их с онтологическими категориями и увидеть в грамматических значениях собственно языковое выражение и интерпретацию онтологических категорий. Собственно морфологические категории в предложенной классификации основываются на локации. Но, как видно из представленной классификации, в нее попадают не все категории, традиционно считающиеся морфологическими.

В классификации морфологических категорий, предложенной Э.Я. Мороховской, учитывается существование диалектического единства языка и мышления [Мороховская 1984]. По мнению автора, природа грамматических категорий может быть понята только в том случае, если она рассматривается в корреляции с концептуальными категориями. Другим важным фактором, определяющим природу грамматической категории, выступает ее соотнесенность с экстралингвистическими реалиями. Таким образом, Э.Я. Мороховская в объяснении природы морфологических категорий исходит из существования триады: объективная реальность – концептуальная реальность – языковая реальность.

Такое понимание позволяет Э.Я. Мороховской сформулировать несколько отличное от традиционного понимание категории. Категорию она рассматривает как двустороннюю сущность, имеющую план выражения и план содержания. Соответственно грамматическая категория представляет собой синтез грамматических значений и грамматических формантов, выражающих эти значения. Содержание грамматической категории представлено комплексом категориальных значений. Количество категориальных значений, образующих содержание категории, различается в языках и детерминируется набором грамматических средств, которые используются для маркирования категориальных значений. Относительно содержания грамматической категории Э.Я. Мороховская делает два очень важных вывода о том, что: 1) грамматическая категория своим категориальным содержанием обращена к соответствующей концептуальной категории, с которой она соотносится; 2) количество категориальных значений, образующих план содержания категории, показывает, какие аспекты соответствующей концептуальной категории выражены грамматически.

Таким образом, языковая категория рассматривается как языковая репрезентация соответствующего концептуального содержания. Следовательно, термин «языковая категория» означает, что некоторое концептуальное содержание находит свою языковую экспликацию. Данные выводы представляются методологически важными в исследовании морфологической репрезентации в настоящей работе, создающими предпосылки для дальнейшего изучения морфологических категорий с когнитивной точки зрения.

Категории языка и их концептуальные соответствия разнообразны. Этот факт оказывает влияние на соотношение языковых репрезентаций и их концептуальных коррелятов. Все это имеет своим следствием тот факт, что корреляция наблюдается не столько между самими языковыми и концептуальными категориями, сколько между их отдельными аспектами. В этом утверждении Э.Я. Мороховской выражена важная для исследования различных способов репрезентации концептуального содержания мысль о том, что содержание концептуальных и грамматических категорий не совпадает. Поясняя данное положение, Э.Я. Мороховская отмечает, что если фундаментальные концептуальные категории тем или иным образом представлены в языке, то их конкретные аспекты могут быть, а могут и не быть представлены в конкретном языке [Мороховская 1984].

Исходя из соотношения грамматических категорий с явлениями реального мира и с концептуальными категориями, Э.Я. Мороховская выделяет 2 группы морфологических категорий: референциальные и сигнификационные.

К референциальным она относит категории, которые тем или иным способом соотносятся с категориями объектов реального мира. При этом она особо подчеркивает, что такое соотношение не является прямым. Оно опосредовано взаимосвязью языковых и концептуальных категорий. В число референциальных у Э.Я. Мороховской включаются категории времени, аспекта (вида) и числа, так как они соотносятся с вполне определенными категориями объектов реального мира.

Среди референциальных категорий в особую группу выделяются те, у которых в качестве объективного референта выступают объективные отношения. Последние отражаются в нашем сознании с помощью реляционных концептуальных категорий. Их языковые репрезентации также имеют реляционный (относительный) характер. Соответственно, категории этого типа получают в таксономии Э.Я. Мороховской название реляционных референциальных категорий. К ним она относит категории падежа и залога.

В отличие от референциальных категорий, сигнификационные категории не имеют референта в реальной действительности

и соотносятся только с концептуальными сущностями, обнаруживая с последними разные типы отношений. Сигнификационные морфологические категории либо соотносятся с концептуальными категориями и репрезентируют их в языке, либо сигнализируют о выполнении определенных ментальных операций.

В первом случае речь идет о репрезентационной категории склонения, во втором – о классификационных категориях рода и степеней сравнения. Категория степеней сравнения определяется Э.Я. Мороховской как классификационная на том основании, что восприятие и понимание степени качества представляют собой результаты когнитивной операции сравнения. Классификационные категории отличаются от репрезентационных тем, что они демонстрируют способность человека постигать свойства объектов внеязыковой действительности через классификацию объектов и феноменов.

Деление на реляционные и сигнификационные категории носит, как замечает Э.Я. Мороховская, в определенной степени условный характер. Анализ таксономии морфологических категорий, разработанной Э.Я. Мороховской, позволяет заключить, что речь идет о принципиально ином представлении системы морфологических категорий, основанном на учете взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. Данный подход создает дополнительные предпосылки для дальнейшего изучения природы и сущности морфологических категорий с учетом их репрезентационного потенциала. Такое исследование возможно с позиций когнитивного подхода и представлено в данной работе (см. гл. IV).

2.2. Морфологическая проблематика в функциональном освещении

В рамках отечественной функциональной школы сложилось два основных направления в исследовании морфологии. Первое направление ориентируется на функции готовых единиц. Оно объединяет две области исследования. Первая область разрабатывается в ряде фундаментальных работ А.В. Бондарко и И.Г. Милославского (см.: [Бондарко 1971, 2001а, 2002; Милославский 1981]). В них акцент делается на изучении морфологических категорий и их функционировании в грамматических системах изучаемых языков. Вторая область исследования представлена в теории функциональной морфологии Н.А. Слюсаревой (см.: [Слюсарева 1983, 1985, 1986]). В ней морфологические категории анализируются с точки зрения их участия в выражении основных функций языка. Второе направление в функциональном изучении морфологии нацелено на изучение роли морфологических процессов и единиц в речевой деятельности (см. [Кубрякова 1987]). Результаты, достигнутые в функциональном исследовании морфологии, на наш взгляд, достаточно весомы и значимы для дальнейшего изучения морфологии и осмысления ее роли в языковом континууме с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Поэтому представляется необходимым проанализировать основные положения и результаты, полученные исследователями в рамках выделенных направлений, подробнее.

Разработанная А.В. Бондарко модель функциональной грамматики концептуально основывается на понятиях семантической категории, функционально-семантического поля и категориальной ситуации. Она представляет собой системно-функциональную грамматику с четко выраженной категориальной доминантой, в чем проявляется преемственность по отношению к грамматической традиции.

Функционально-семантические категории (в более поздних работах называемые семантическими категориями) трактуются как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. В качестве критерия выделения таких категорий принимается частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов. Таким образом, функционально-семантическая категория «представляет собой систе-

му разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выражения определенных семантических функций [Бондарко 1971: 8]. В силу этого, функционально-семантическая категория по своей структуре представляет собой поле.

Функционально-семантическая категория порождается элементами разных уровней языка и в этом смысле она не относится к какому-либо одному языковому уровню или аспекту. Несмотря на это, в качестве исходного пункта для выделения функционально-семантической категории в данном языке и соответственно грамматического центра той или иной функционально-семантической категории рассматривается морфологическая категория. В анализируемой теории особо подчеркивается, что функционально-семантические и морфологические категории «относятся не к разным «мирам» – универсально-логическому и лингвистическому, а к одному и тому же языковому миру» [Бондарко 1971: 10].

Функционально-семантическое поле рассматривается как «языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций» [Бондарко 2001a: 6]. Оно предстает как системно-языковое понятие, которое характеризуется определенными связями с категориями мышления и – через них – с отношениями внеязыкового мира. Центральное место в структуре функционально-семантического поля занимает морфологическая категория. Ключевая роль морфологической категории обуславливается следующими ее свойствами.

В морфологической категории содержание, которое свойственно данной функционально-семантической категории, находит наиболее «специализированное» выражение. Морфологическая категория представляет собой высоко организованную замкнутую систему, содержащую целый комплекс дифференциальных семантических признаков. Она характеризуется свойством обязательности в языках флективно-синтетического типа. Последнее свойство предопределяет регулярность употребления морфологических категорий. Таким образом, морфологическая категория рассматривается А.В. Бондарко как исходный пункт для выделения функционально-семантической категории в данном языке.

Как видно из представленного анализа, рассматриваемая модель функциональной грамматики направлена на описание и

осмысление семантических категорий в их языковом выражении. Основным принципом, из которого исходит данная версия функциональной грамматики, является принцип единства грамматики – «единства ее структурных и функциональных аспектов, ее системно-языковых и речевых элементов» [там же: с. 7]. Важную роль при этом играют системно-речевые аспекты. Это отражается в том, что категориальные ситуации (модальные, аспектуальные, качественные, количественные и т.д.) базируются на определенных семантических категориях и тем самым имеют системно-языковую основу и реализуются в различных вариантах в конкретных высказываниях и тем самым получают «выход в речь».

Во внимание также принимается интенциональность грамматических значений, или, другими словами, та или иная степень их связи с намерениями говорящего (см.: [Бондарко 1994; 1996: 59-74]). Таким образом, функциональная грамматика А.В. Бондарко – это грамматика в широком смысле, так как в ней важную роль играет анализ взаимодействия собственно грамматической системы с ее средой. Именно на этом взаимодействии и основано функционирование языковых единиц. Функционально-семантические поля и категориальные ситуации выступают в качестве парадигматических единств, охватывающих как ту или иную грамматическую форму или категорию, так и ее среду.

Основные положения теории, разработанной А.В. Бондарко, применительно к русскому языку, были экстраполированы на материал английского языка группой исследователей из Ростова-на-Дону под руководством профессора Ю.Н. Власовой. Ими были изучены различные типы функционально-семантических полей, в том числе, поля, в которых в качестве центра выступают морфологические категории английского языка (подр. см. [Функционально-семантические ...1998]).

В другой области исследования, представленной в работах Н.А. Слюсаревой, предпринимается попытка рассмотреть морфологические категории с точки зрения выражения через них основных функций языка – коммуникативной и когнитивной. Функциональная морфология, по мнению Н.А. Слюсаревой, «занимается изучением функционирования формальных средств языка в зависимости от выражаемого ими содержания ... и выступает как вторичная область языковых характеристик по отношению к многоаспектному синтаксису» [Слюсарева 1986: 22-23].

В разработанной Н.А. Слюсаревой на материале английского языка концепции функциональной морфологии проводится анализ морфолого-семантических категорий с позиций многоаспектного синтаксиса. Всего их выделяется четыре: актуальный, аналоговый, логико-ориентированный и структурный.

Актуальный и аналоговый аспекты синтаксиса выражают в целях коммуникации непосредственное отражение действительности в сознании говорящего. Актуальный аспект опирается на категории, передающие отношение говорящего, зависящие от выбора говорящим средств из системы языка (модальность, залог, детерминация, персональность). Аналоговый аспект соотносится с категориями, воплощающими действительность самой ситуации общения. Такие категории не зависят от выбора говорящего, а навязываются ему языковой системой (локативность, темпоральность, аспектуальность, притяжательность, квантитативность). Данные категории представляют первую ступень отражения действительности, т.е. являются, по мнению Н.А. Слюсаревой, денотативными категориями.

Логико-ориентированный аспект синтаксиса опирается на категории второй ступени отражения действительности, т.е. на сигнификативные категории (предметность, качественность, компаративность, генерализация) и оказывается менее морфологизированным. Категории, служащие развертыванию сообщения в данном языке, составляют структурный аспект синтаксиса.

Таким образом, функциональный характер морфологических категорий обнаруживается через синтаксис, и именно благодаря синтаксису морфологические категории оказываются «материальной опорой базовых функций языка» [Слюсарева 1986: 22]. Анализ морфологических явлений с позиций многоаспектного представления синтаксиса обусловлен аналитическим строем английского языка, в котором, в отличие от русского языка, грамматические категории не представлены развитой системой базисных форм.

Морфология в наибольшей степени абстрактна, так как в грамматических формах выражены, прежде всего, абстрактные категории такие, как: время, пространство, количество, качество. Это дает основание Н.А. Слюсаревой рассматривать морфологи-

ческие категории как «отражение объективной действительности, опосредованное и формами отражения, и системными характеристиками языка. В известной мере можно сказать, что, будучи специфическим обобщением действительности, морфологические категории можно считать также и законами действительности, поскольку они предписывают использование элементов (единиц) языка в соответствии с его системой» [Слюсарева 1986: 20].

Применительно к морфологическим категориям Н.А. Слюсаревой выделяются такие их свойства, как:

- взаимосвязь между собой и взаимообусловленность друг другом;
- неоднозначность соответствия морфологических категорий разным аспектам синтаксиса и ориентация морфологических категорий на разные сферы.

Представленная трактовка морфологических категорий позволила Н.А. Слюсаревой в рамках функционального анализа высказать идею о когнитивности морфологии. Как отмечает автор, «морфология когнитивна, хотя на первый взгляд выступает в виде техники для синтаксиса» [там же: 24].

Когнитивность понимается автором как свойство феноменов грамматики (морфологии, словоизменения) представлять в отвлеченном и обобщенном виде некоторые познанные человеком явления и свойства как окружающего мира, так и внутреннего мира человека [Слюсарева 1985: 58]. Например, количество выступает в формах грамматического числа, время – в соответствующих глагольных формах. Как следствие, парадигмы словоизменения выступают как средство реализации обобщенного грамматического значения, т.е. грамматической категории. Именно подход со стороны содержания, по мнению Н.А. Слюсаревой, позволяет вскрыть когнитивный характер морфологических категорий. Но, как особо подчеркивает автор, все морфологические категории не в равной степени соотносимы с разными аспектами синтаксиса. Поэтому когнитивность различных морфологических категорий проявляется по-разному, в зависимости от того, с каким из аспектов синтаксиса они соотносятся. В наибольшей степени это касается морфологических категорий, соотносящихся с логическим и аналоговым аспектами синтаксиса.

Н.А. Слюсарева объясняет такое положение тем, что категории логического аспекта «выражают опорные пункты мысли и ее движение, а также фиксируют отраженные сознанием, познанные универсальные свойства и категории окружающего мира» [Слюсарева 1983: 39]. К ним относятся категории предметности, качества, компаративности, отношения предметов и генерализации, а также категории субъекта и предиката. Категории, образующие категориальную область, воплощенную в аналоговом синтаксисе, опираются на «отражение в сознании реального мира, существующего вне и независимо от человека и в виде концептов внутреннего мира», и представляют концептуальную картину мира [там же]. В эту область входят категории локативности, темпоральности, аспектуальности, притяжательности, квантитативности.

Наименее когнитивными оказываются категории структурного аспекта, служащего развертыванию сообщения на данном языке. В число таких категорий автор включает группировки слов по членам предложения и частям речи, зависимые категории, например, числа глаголов и некоторых местоимений, а также служебные слова и слова-заместители. На основании проведенного анализа Н.А. Слюсарева заключает, что когнитивность морфологии – это «опосредованная через синтаксис ориентация на сферу мышления» [Слюсарева 1985: 58].

Второе направление в функциональном исследовании морфологии, логически продолжающее исследования в области морфологических структур, представленные в работах В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, Э.А. Макаева, А.А. Реформатского, В.Н. Ярцевой, обосновывается Е.С. Кубряковой (см.: [Кубрякова 1987; также Кубрякова, Панкрац 1983]). Оно связано с выяснением конкретной роли морфологических процессов и морфологических единиц в осуществлении речевой деятельности.

В соответствии с установками данного направления, особое внимание уделяется порождению речи, исследованию морфологических единиц *in nascendi*, наблюдению за мотивами появления и структурой возникающих единиц. Существенной проблемой морфологии в связи с этим становится вопрос о том, как формируется и воспринимается слово как обязательная часть порож-

даемого в речи предложения и какие лексические, грамматические, а также словообразовательные значения оно может выразить. Базовой единицей морфологии при таком подходе считается морфологическая структура слова, созданная в результате того или иного морфологического процесса, и организованная в соответствии с определенными правилами.

Таким образом, речь в данном случае идет об «исследовании морфологических структур слова во всех аспектах их внутренней и внешней организации ... и, что очень важно, во всех тех проекциях, в которых эти морфологические структуры и их части, и создающие их процессы отражены в голове человека, в виде определенной системы языковых знаний» [Кубрякова 1987: 62]. Логическое продолжение идеи этого направления получают в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Представленный анализ исследований, выполненных в русле различных научных направлений, позволяет в целом прийти к следующему заключению. Традиционные методы описания языка в большей степени были ориентированы на внешние, морфологические формы и в большинстве случаев не учитывали существования категориально-понятийного уровня в целом и универсально-понятийный аспект языковых категорий, в частности. В традиционной грамматике основной акцент делался на том, как устроена языковая система. Соответственно анализ и описание языковых фактов проводился преимущественно в направлении от формы к значению.

Функциональная грамматика отдает приоритет изучению того, как языковая система функционирует и предполагает сочетание двух направлений анализа: от формы к значению и от значения к форме. Причем доминирующую роль играет второе направление анализа. Как объясняет А.В. Бондарко, «это связано со стремлением отразить в грамматическом описании позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» [Бондарко 2001а: 6].

В определенном смысле методика анализа от значения к форме служит базой для разработки направления анализа от кон-

цептуального содержания к языковым репрезентациям и от языковых репрезентаций (языковых смыслов) к концептуальному содержанию. Именно на этих двух направлениях анализа и может основываться разрабатываемая теория морфологической репрезентации и когнитивный подход к морфологии в целом.

Кроме того, проведенный анализ исследований в области морфологии, выполненных в рамках структурного и функционального подхода, наглядно демонстрирует, как происходил постепенный переход от «анатомического» изучения языковых структур к анализу их функциональных особенностей и взаимодействия как внутри системы, так и с экстралингвистическими факторами. Такое рассмотрение подготовило достаточную базу для постановки новых вопросов и положило начало новому взгляду на место морфологии в языке. Он связан, прежде всего, с когнитивным подходом к языковым явлениям в целом. Речь в таком случае может идти как о реинтерпретации уже полученных данных, так и о новой (когнитивной) трактовке морфологических категорий и форм языка и самой морфологии в целом.

2.3. Проблемы морфологии в когнитивном освещении

Основные идеи, разрабатываемые применительно к морфологии в когнитивно-дискурсивной парадигме, логически продолжают линию функционально-ориентированных исследований в области морфологии, представленную в работах Е. С. Кубряковой (подр. см. 2.2). Прежде всего, в ряде работ самой Е.С. Кубряковой, опубликованных в последние годы, сформулированы основные направления изучения когнитивных аспектов морфологии (см., например, [Кубрякова 2000а]). Е.С. Кубрякова уточняет высказанную Н.А. Слюсаревой мысль о том, что морфология когнитивна, хотя на первый взгляд, выступает в виде техники для синтаксиса, особо подчеркивая тот факт, что даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т.е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов [Кубрякова 2000а: 25].

По мнению Е.С. Кубряковой, функции морфологии гораздо шире. Они обнаруживаются не на уровне морфем, а на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов [там же]. В этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и распределением по категориям определенных структур знания о мире. Такая связь с процессами категоризации и субкатегоризации, а также связь последних со средствами их формального выражения позволяет выявить, как и в каких формах морфология объективирует и классифицирует знание о мире. Сказанное дает основание Е.С. Кубряковой говорить о когнитивных аспектах морфологии в различных проявлениях.

Когнитивная функция морфологических явлений, по заключению автора, определяется «их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной и интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию [Кубрякова 2000а: 25-26]. Подчеркивая особую важность изучения когнитивных аспектов морфологии, Е.С. Кубрякова заключает, что такое изучение позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говорящего (грамматическое – значит обязательное), а также какие элементы человеческого опыта уже получили отражение и классификацию в данной языковой картине мира» [там же]. С решением этих задач, в определенной степени, сопряжено и настоящее исследование¹.

Когнитивный подход к исследованию морфологии позволяет по-иному подойти к уже неоднократно обсуждавшейся в разных аспектах проблеме морфологических категорий. А именно, рассмотреть морфологические категории и формы в более широком научном ракурсе, увязывая их с ментальными и познавательными процессами человека, а также в преломлении к процессам морфологической репрезентации. Исследование морфологических категорий с учетом установок когнитивно-дискурсивной па-

¹ Отметим, что в ряде работ отечественных авторов уже были предприняты попытки предложить методику анализа грамматических категорий с позиций современного когнитивного подхода (см., например, [Кравченко 1990, 1995, 1998; Васильев 1999; Болдырев 2000]).

радикалы позволяет лучше понять их специфику и, стало быть, расширить границы познания языка как средства знакового (или символического) кодирования и манипулирования концептуальными структурами человека.

Когнитивный подход рассматривает язык динамически: как систему знаков и как деятельность, в основе которой лежит система знаний о мире в широком смысле. Такое понимание языка предполагает интерпретацию морфологических категорий не как статических языковых единиц, содержащих ту или иную информацию, а, прежде всего, через призму их когнитивных и дискурсивных характеристик.

В рамках когнитивного подхода признается, что язык не просто основывается на системе знаний о мире (концептуальной системе), но и, что не менее важно, выступает как средство концептуализации и категоризации как собственно языковых объектов, так и неязыковых объектов, т.е. как когнитивный механизм, непосредственно участвующий в создании концептуальной системы. В связи с этим, по мнению Н.Н. Болдырева, основной проблемой, которую ставит перед собой когнитивный подход, является «вопрос о соотношении когнитивных единиц и структур с языковыми структурами, о том, какая часть концептуального содержания и каким образом фиксируется языковыми значениями» [Болдырев 2000: 16]. Применительно к изучению морфологии этот ключевой вопрос когнитивной лингвистики может быть сформулирован как вопрос о том, какие когнитивные структуры соотносятся с морфологическими категориями и формами, и какая часть концептуального содержания и каким образом репрезентируется в них.

Применение когнитивного подхода к исследованию морфологии позволяет вывести анализ морфологических категорий и форм на новый объяснительный уровень. Это предполагает использование специальных приемов, процедур и методик анализа, которые позволяют объяснить многие проблемы, с которыми столкнулись лингвисты, применявшие традиционные методы анализа и не нашедшие адекватного решения в рамках традиционных парадигм знания.

Изучение морфологии с когнитивной точки зрения с необходимостью предполагает выяснение того, как морфология за-

действована в мыслительной деятельности человека, в обработке получаемой по различным каналам информации, ее хранении и использовании и как она взаимодействует с другими компонентами языковой системы при выполнении этих функций. Исследовать роль морфологии в перечисленных процессах – значит, на наш взгляд, прежде всего, выявить когнитивные основания морфологических категорий, специфику последних с учетом человеческого восприятия и особенностей образования концептуальной системы человека.

Одну из первых классификаций языковых категорий с позиций когнитивного подхода предлагает Е.С. Кубрякова [1998; 2004]. Она классифицирует языковые категории с точки зрения тех структур знания, выражению которых они служат. Соответственно, выделяется два типа категорий. Первый тип – отражательно-ориентированные категории. Они предназначены для категоризации мира неязыкового (бытийного), или же внеязыкового (экстралингвистического). К данному типу категорий относятся части речи и такие их категории, как род, число, время и т.п.

Второй тип – вербально-ориентированные категории, структурирующие свойства самого языка и его системы. В данном случае речь идет о союзах, дискурсивных частицах, а также о таких гносеологических единицах, как фонемы, морфемы, уровни и т.д. Они отражают представления о формах существования, функционирования и системной организации языка [Кубрякова 2004: 314]. Различаются эти категории, по мнению автора, тем, что «в их основу ложатся разные идеи или же разные концепты [там же: 316].

Данная мысль, относящаяся к языковым категориям в широком смысле, имеет непосредственную теоретическую важность для настоящего исследования. На наш взгляд, применительно к морфологическим категориям она может быть развита далее. Различие между морфологическими категориями определяется не только различиями лежащих в их основе концептов, но и, шире, существованием различных уровней концептуализации в морфологии.

Выделению и анализу уровней концептуализации в морфологии и соотносящихся с ними морфологических категорий посвящена основная часть монографии. Однако, прежде чем выде-

лить уровни концептуализации в морфологии и распределить весь репертуар морфологических категорий по их ориентации на тот или иной из выделенных уровней, рассмотрим более подробно общетеоретические аспекты концептуализации и категоризации как основных процессов, определяющих закономерности языковой репрезентации концептуального содержания. Этому посвящена следующая глава монографии.



Глава III

**ПРОЦЕССЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
И КАТЕГОРИЗАЦИИ КАК ОСНОВА
ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ****3.1. Теоретические предпосылки лингвистической
разработки проблем концептуализации**

Начало лингвистической разработки проблем концептуализации в широком смысле связано с постановкой вопроса о взаимоотношении языка и мышления и о роли мыслительной деятельности в создании и функционировании языка. В трактовке этих проблем можно выделить несколько направлений.

Одно из направлений берет свое начало у античных философов и развивается затем авторами рациональной грамматики Пор-Рояля, которые исходили из общей логической основы языков. В рациональной грамматике предпринимались попытки обоснования связи между грамматикой и логикой. Язык рассматривался как выражение мышления, а категории языка – как выражение категорий мысли, что в конечном итоге приводило к отождествлению грамматических и логических категорий [Арно 1991].

Французские грамматисты XIII-XIV веков (модисты) рассматривали проблему несколько шире и стремились раскрыть отношение языка не только к сознанию, но и к миру реальной действительности. Они признавали «естественную связь грамматического строя с нашим сознанием и объективной реальностью» и считали язык способом словесного выражения мысли (подр. анализ см.: [Ольховиков 1985; Перельмутер 1991]). Конечные же причины языкового строя, по их мнению, коренятся не в самом языке, а за его пределами в мире реальной действительности. Бозций Дасийский в логике этого определяет цель грамматики как формирование концептов реальности и их выражение с помощью языка, т.е. грамматика необходима человеку, чтобы знать, как выразить концепт средствами связной речи [цит. по: Ольховиков 1985: 114].

В ином русле трактуется эта проблема В. Фон Гумбольдтом. Отождествляя язык и мышление, он утверждает первичность

языка, который в его концепции «есть орган, образующий мысль», т.е. выступает предпосылкой человеческого мышления [Гумбольдт 2000: 75]. Развитие и обоснование эта идея получила в теории лингвистической относительности Б. Уорфа, в соответствии с которой, восприятие мира детерминируется структурой родного языка, который формирует картину мира и мышление, а не просто выражает их [Whorf 1956].

Точки зрения о вербальности мышления, т.е. о невозможности существования его вне языка придерживался и Э. Бенвенист. Одно из свойств применения языка, по мнению Э. Бенвениста, заключается в том, что «мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [Бенвенист 1998: 104]. При этом проблему взаимоотношения мышления и языка Э. Бенвенист предлагает решать исходя из «категорий, играющих посредствующую роль между языком и мышлением. Они предстают не в одном и том же виде в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка» [там же: с.106]. Тем самым он имплицировал идею понятийных категорий, называя их мыслительными. Э. Бенвенист одновременно противопоставил языковые и мыслительные категории по ряду признаков. В частности, категории мышления более свободны в плане уточнения их репертуара, в то время как категории языка «будучи принадлежностью системы, ... не могут быть изменены по произволу говорящего» [там же]. Мыслительные категории универсальны, в то время как языковые категории всегда являются категориями отдельного языка.

Против «наивного взгляда» на соотношение языка и мышления выступал Э. Сепир. Определяя мышление как «наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью», Э. Сепир утверждает, что язык «не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль» [Сепир 1993: 36], а как «некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли» [там же: с. 41], он движется «исключительно в мыслительной или познавательной сфере» [там же: с. 54]. Тем самым, с одной стороны, им была поддержана мысль о понятийной основе языковых форм, а с другой стороны, сформулированы некоторые

предпосылки формирования альтернативной точки зрения на рассматриваемую проблему.

Мысль о том, что область языка и область мышления не всегда совпадают, одним из первых эксплицитно высказал отечественный лингвист А.А. Потебня. Разграничив языковое и «внеязычное» содержание он фактически поставил вопрос о характере соотношения языкового и мыслительного содержания и создал базу для пересмотра тезиса о неразрывной связи языка и мышления и фактически для постановки вопроса о концептуальной стороне языка [Потебня 1958].

Идея вычленения собственно языкового содержания и его соотношения с содержанием мыслительным («внеязычным») оказалась одной из фундаментальных идей, в развитии которой наблюдается преемственность в истории отечественной грамматической мысли конца XIX начала XX века (подробно см. [Бондарко 2002]). У А.А. Потебни, как уже отмечалось, - это разграничение «содержания языка» и «внеязычного значения», «внеязычного содержания», у В.П. Сланского – «грамматическая и логическая мысль» [Сланский 1886], у И.А. Бодуэна де Куртенэ – «языковое мышление», «языковое знание» и «психическое содержание», «внеязыковые, семасиологические представления» [Бодуэн де Куртенэ 1963, т. II: 79; 185; 281 и др.], у А.М. Пешковского – языковые и «общелогические значения» [Пешковский 2001], у Л.В. Щербы – «синтаксическое значение форм слов» и «семантическая сторона» [Щерба 1974].

При общности фундаментальной идеи соотношение языкового и мыслительного содержания представляется отмеченными выше авторами по-разному. Тем самым выявляются разные аспекты этого соотношения. Если А.А. Потебня рассматривает языковое содержание как способ представления содержания мыслительного [Потебня 1958:47], то согласно воззрениям И.А. Бодуэна де Куртенэ, внеязыковые представления отражаются в языковом мышлении, языковом знании [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Если, по мнению А.М. Пешковского, логические категории «просвечивают более или менее завуалировано во всех гораздо более многочисленных и сложных категориях языка» [Пешковский 2001: 21], то у В.П. Сланского – мысль грамматическая выступает средством для передачи мысли логической [Сланский 1886:107]. Иными словами, между языковым и мыслительным содержанием усматривается 2 типа отношений: мыслительное содержание на-

ходит отражение в языке, а язык представляет его с помощью различных средств.

Наряду с установлением различных аспектов соотношения языкового и мыслительного содержания, существенным оказывается вопрос о способах выявления мыслительного содержания. В самом общем виде этот вопрос был обозначен в трудах А.А. Потебни и Л.В. Щербы.

А.А. Потебня предлагал выявлять мыслительное содержание путем сопоставления выражений, имеющих нечто общее в своем содержании, и отвлечения от содержательных различий [Потебня 1958]. Л.В. Щерба считал возможным делать это через сравнение с иными формами выражения мысли (находящейся «в плену у форм языка») в каком-либо другом языке [Щерба 1958: 27]. Иначе говоря, уже в рамках традиционного языкознания признавалось, что анализ мыслительного (концептуального) содержания не возможен без языка, так как не существует другого способа доступа к сознанию, что сегодня является общепризнанным.

Признание концептуальной основы языка практически прослеживается и в сформулированных Ф. де Соссюром дихотомиях. Наличие дихотомий свидетельствует о том, что в языке отражаются основные законы человеческого мышления и что в нем присутствуют психические сущности (концепты – в терминологии когнитивной лингвистики).

Упоминания о концептуальной стороне языка находим и в работах представителей Пражского лингвистического кружка. В частности, В. Скаличка предлагал учитывать концептуальную сторону при определении морфемы [Скаличка 1967: 137]. Он считал, что концептуальная сторона языка поддается расчленению на ряд единиц; одна морфема выражает одну или несколько таких единиц (имея в виду омосемичные морфемы типа *der Bauer* – «крестьянин», *das Bauer* – «клетка для птиц»).

Важным этапом в развитии взглядов на проблему соотношения языкового и мыслительного содержания стала разработка концепции понятийных категорий в зарубежном и отечественном языкознании. Первоначально теория понятийных категорий связана с именами О. Есперсена и И.И. Мещанинова.

О. Есперсен под понятийными категориями понимал внеязыковые категории, «не зависящие от более или менее случайных фактов существующих» языков, существующие наряду с

синтаксическими категориями, или за этими категориями. Они являются универсальными и применимы ко всем языкам. Однако сразу же О. Есперсен делает оговорку, что они «редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом» [Есперсен 2002: 58]. Призывая к разграничению двух областей (языковой – «мира грамматики» и внеязыковой – «реального мира и мира универсальной логики») и провозглашая внеязыковой характер понятийных категорий, О. Есперсен, однако, при установлении понятийных категорий опирается на грамматические категории и другие языковые средства. Иными словами, в концепции О. Есперсена отражена связь мыслительных и языковых оснований понятийных категорий.

Идея двойственной природы понятийных категорий находит отражение и обоснование в концепции, предложенной И.И. Мещаниновым. Она основана на глобальной идее отражения общих категорий мышления в строе языка и базируется на следующих основных положениях (см.: [Мещанинов 1945; 1967]):

1. Трактовка понятийных категорий одновременно как категорий сознания и категорий языка.
2. Связующая роль понятийных категорий в отношениях между мышлением и языком.
3. Тесная связь между понятийной категорией и ее грамматическим выявлением в данном языке.
4. Вторичность, производность формального выделения языковых категорий от их выделения в сознании.

Определение понятийных категорий у И.И. Мещанинова основано на принципе системности в их языковом выражении, тем самым ученым настойчиво подчеркивается языковая природа этих категорий. В соответствии с этим, в качестве обязательного признака понятийной категории, являющегося одновременно и критерием ее выделения, И.И. Мещанинов рассматривал признак системности в языковой передаче того или иного понятия. В случае отсутствия этого признака возможно, по мнению И.И. Мещанинова, говорить лишь только о понятии, существующем в сознании и передаваемом языковыми средствами. По этому поводу он писал: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикою отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нем опре-

деленную систему. В последнем случае выступает понятийная категория» [Мещанинов 1945: 15]. Таким образом, концепция И.И. Мещанинова строится на разграничении понятий и понятийных категорий. Последние рассматриваются как бы в «языковой проекции» и понимаются как особый тип понятий. Тем самым подчеркивается мыслительно-языковая сущность понятийных категорий.

Двойственность понятийных категорий позволила И.И. Мещанинову в более поздних работах уточнить некоторые положения своей теории и разграничить, в частности, логико-грамматические и логические категории и выделить в последних собственно понятийный логический аспект. Автором подчеркивается самостоятельность значения логических категорий, которые «устанавливают связь языка с мышлением, передавая логическое содержание образуемым в языке грамматическим построениям» [Мещанинов 1967:9] и связь логического содержания с грамматическим выражением в логико-грамматических категориях [там же: с.12]. Именно с этими категориями и соотносятся выделенные ранее И.И. Мещаниновым понятийные категории.

Таким образом, подход И.И. Мещанинова к определению и выделению понятийных категорий позволяет в определенной степени уточнить и понятие категоризации. С точки зрения этого подхода, категориально то, что выступает в языковом строе, получая в нем определенное построение.

Признавая существование понятийной основы языка, Б.А. Серебренников демонстрирует несколько иное представление о понятийных категориях. Он особо подчеркивает наличие понятийных категорий в человеческом сознании, тем самым, обращая внимание на их внеязыковую природу. Понятийные категории, по мнению Б.А. Серебренникова, представляют собой результат человеческого опыта [Серебренников 1988: 212].

Идея понятийной основы языка представлена в концепции Б.А. Серебренникова как «лингвокреативное мышление». Утверждая, что человеческое мышление полиморфно и представляет собой комплекс его различных типов, которые не исключают, а взаимодополняют друг друга, Б.А. Серебренников в качестве особого типа выделяет лингвокреативное мышление. «Оно, с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, а с другой самым тесным образом связано с наличными ресурса-

ми языка» [Серебренников 1988: 198]. Иными словами, лингвокреативное мышление имеет двоякую направленность. Одна из особенностей лингвокреативного мышления состоит в том, что оно заново членит окружающий мир. Это, например, происходит при образовании новых слов. Первое же членение мира, по утверждению Б.А. Серебренникова, осуществляется еще до возникновения языка [там же: с.203]. Идея лингвокреативного мышления в определенной степени соотносится с идеей «спроецированного мира» Р. Джекендоффа [Jackendoff 1984; 1996 и др.].

Некоторые аспекты осмысления проблемы «соотношения идеальной и языковой сущности» представлены в работах Н.А. Кобриной (см., например, [Кобрина 1989, 2000, 2001, 2005]). По ее мнению, понятийные категории являются базой для существования системы языка и владения ею и лежат в основе речемыслительной деятельности, а это значит, что «в процессе порождения выбор семантических единиц и синтаксической организации вторичны, - они появляются как следствие после формирования понятийных категорий» [Кобрина 1989: 42].

Признавая первичность и основообразующую роль понятийных категорий, Н.А. Кобрина формулирует ряд вопросов, которые необходимо выяснить в соотношении понятийных и языковых категорий. В число таких вопросов она включает вопросы: о степени соответствия понятийных категорий количественно и номенклатурно языковым категориям и формам, о соответствии понятийной основы сущностным уровневым и аспектным разновидностям языковых данностей; о наличии на понятийном уровне иерархичности и системности понятийных категорий, подобных иерархичности и системности в языке [Кобрина 1989: 43].

Н.А. Кобриной предложена таксономия понятийных категорий, в которой она выделяет 3 основных типа. Первый тип представляют такие категории, которые совпадают с понятиями в философии и отражают реальность в виде форм и предметов мысли. Эти смысловые сущности получают отражение в семантике языковых единиц, что приводит к размытости границ между семантикой и понятийным смыслом у этого типа категорий.

Важным положением в предлагаемой Н.А. Кобриной трактовке понятийных категорий данного типа является утверждение о неоднозначности соотношения языковых форм и понятийных категорий и его функциональной значимости при определении

типа языка. В языках разных типов это соотношение имеет различный характер. Например, в синтетических языках оно строится по типу: одно понятие – одна или несколько форм. В языках изолирующего типа (в том числе и в английском) оно приобретает иной характер: несколько понятий – одна языковая форма, что имеет своим следствием наличие полистатутности в языках этого типа [там же].

Категории второго типа – это понятийные категории-параметры, к числу которых Н.А. Кобриной относятся категории, лежащие в основе морфологических категорий (вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж). У них чаще всего отсутствует однозначная соотносимость с формой.

Третий тип образуют так называемые релятивные, или операционные понятийные категории, которые лежат в основе схем организации понятий и реализуются с помощью семантических сущностей языка. Кроме того, Н.А.Кобрина считает возможным говорить еще об одном типе – понятийных категориях-конструктах, которые возникают на сентенциональном и фразовом уровне, являются составными элементами (и признаками) структуры и реализуются на языковом уровне как члены предложения.

Как видно из представленной классификации, все выделенные понятийные категории ориентированы на разные аспекты и уровни языка и, по мнению Н.А. Кобриной, образуют иерархическую систему. Системность понятийных категорий позволяет автору говорить о понятийной основе или понятийном аппарате, который, по предположению Н.А. Кобриной, «должен быть очень динамичной, лабильной и креативной системой» [там же: с.46]. Именно системность понятийной основы позволяет сформироваться и существовать системе языка. Однако в отличие от языковой системности, она «вряд ли имеет жесткое уровневое строение, а также аспектное деление» [там же], хотя достаточно устойчива.

Отмеченные свойства имеют своим следствием тот факт, что понятийные категории, являясь «естественной функцией мозга в процессе отражения действительности в нашем сознании» [там же] могут быть как максимально обобщающими, так и более дифференцированными (дискретными) или дробными. Дискретность, как считает Н.А. Кобрина, «может принимать форму дискретности отдельных понятийных смыслов при сохранении общего смысла. В этом случае понятийная категория представляет

ряд индивидуальных частных понятий или континуумный их комплекс» [там же: с.46].

Еще одной серьезной закономерностью, выделяемой Н.А. Кобриной, является необязательность эксплицитного и ригористического языкового выражения для всех понятийных категорий, так как, наряду с выделенными выше категориями, «существуют скрытые или полускрытые категории, или очень частные понятийные категории, факультативно выявляющиеся и возникающие только в совокупности с другими понятийными категориями» [там же: с.48]. Таким образом, на основе проведенного анализа, Н.А. Кобрина приходит к выводу, что понятийные категории шире языковых, в том числе, шире категорий собственно грамматических и строевых [там же].

Анализ различных подходов к разработке идеи понятийных категорий позволяет сделать вывод о том, что понятийные языковые категории имеют неоднозначную трактовку. Причину этого Н.Н. Болдырев видит в подмене онтологической сущности языка как функционирующей системы гносеологической интерпретацией вне связи с речью [Болдырев 1994б: 40-41].

Истолкование различных аспектов проблемы соотношения мыслительного и языкового в проанализированных концепциях, как видно, также достаточно неоднородно и лишено единообразия. Каждая из рассмотренных теорий отражает в большей мере лингвистическое мировоззрение ее автора и особенности принимаемых ими подходов. Тем не менее, акцентируем внимание на идеях, которые близки и созвучны подходу к морфологии, развиваемому в настоящем исследовании – подходу когнитивному. К таковым, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие:

1. Разграничение мыслительного и языкового содержания, а шире – мыслительного (понятийного, концептуального) и языкового уровней.
2. Рассмотрение языкового содержания и системы языка в целом как способа репрезентации мыслительного содержания.
3. Выявление мыслительного содержания посредством языка.
4. Различия между языками в представлении мыслительного содержания.

Проблема соотношения языка и мышления получила интерпретацию в несколько ином свете в связи с развитием когнитивной лингвистики. В рамках когнитивного подхода язык и мыш-

ление рассматриваются как производные предметно-практической познавательной деятельности человека. Такая интерпретация позволила изменить представление о том, как человек категоризует и концептуализирует окружающий его мир и вплотную подойти к созданию теории концептуализации. И хотя на сегодняшний день пока отсутствует такая теория в целостном и завершенном виде, практически ни один из авторов, работающих в русле когнитивной парадигмы, не обходит вниманием эти вопросы. В частности, в ряде исследований последнего десятилетия концептуализация рассматривается в контексте проблем словообразования [Полюжин 1993; Позднякова 1999], вторичных явлений в языке и речи [Бабина 2003], синтаксической репрезентации [Фурс 2004], отглагольной номинализации [Ирисханова 2004], диалектной вариативности [Куликов 2005]. Поэтому закономерным этапом нашего исследования становится анализ особенностей процесса концептуализации.

3.2. Сущность концептуализации и ее основные характеристики

Концептуализация представляет собой один из фундаментальных процессов в характеристике когнитивной деятельности. Она тесным образом связана с основными когнитивными способностями человека, а также переплетена с разными компонентами познавательной деятельности – памятью, воображением, вниманием и т.п. Вследствие этого концептуализация является предметом изучения не только в лингвистике, но и в психолингвистике, когнитивной психологии и других науках. Для получения всестороннего представления об этом ключевом процессе когнитивной деятельности обратимся к трактовке его в смежных науках, так как их представители по-разному подходят к его определению.

В понимании Р.М. Фрумкиной, операция концептуализации предстает как «процесс поиска смысла», которая формируется «в контексте социальной жизни, ибо создание смыслов определяется культурой» [Фрумкина 2001: 63]. Несколько иной ракурс определения обнаруживается в рамках модели продуцирования речи, предложенной В. Левелтом. В ней концептуализация рассматривается как «суммарный итог ментальных процессов, обеспечи-

вающих продуцирование речи» [Levelt 1993]. Эти процессы включают в себя намерение, отбор и упорядочение информации. В качестве продукта концептуализации здесь выступает довербальное сообщение. Не сложно заметить, что проанализированные психолингвистические трактовки основаны на выделении частных аспектов процесса концептуализации, в них отсутствует представление о концептуализации как о глобальном, основополагающем процессе, обеспечивающем единство восприятия, категоризации и репрезентации, т.е. познавательную деятельность человека в целом.

В этом плане более полным представляется определение, данное А.А. Залевской. В ее понимании, концептуализация – это преломление в голове человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними [Залевская 1998: 5]. Данное определение создает предпосылки для разработки собственно лингвистического понимания этого процесса.

Процесс концептуализации рассматривается лингвистами как способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке [Апресян 1995:39], как способ членения мира, характерный для того или иного языка [Урысон 1998: 3], или как способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании [Рахилина 2000].

Наиболее полное и всестороннее определение концептуализации с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы предлагает Е.С. Кубрякова. Процесс концептуализации, в ее понимании, связан с преломлением в голове человека не только сущностей внешнего мира, он «охватывает также осмысление и собственно внутреннего мира человека, а также, что не менее важно, своеобразное «освоение» любых выражаемых возможных миров» [Кубрякова 2002: 14]. Он «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» [Кубрякова 2001:190], и «направлен в общем виде на выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» [Кубрякова 2004:319].

В более широком смысле концептуализация, по мнению Н.Н. Болдырева, – это один из основных мыслительных процессов, с помощью которых мы познаем окружающий мир и внут-

ренный мир человека; это процесс, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире, и результаты этого процесса в той или иной мере отражаются в языке [Болдырев 2000; 2004].

Итак, концептуализация представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, он связан с осмыслением сущностей внешнего мира, внутреннего мира человека, а также любых возможных миров и мира языка. С другой стороны, он приводит к формированию концептов о тех или иных осмысленных явлениях и сущностях, то есть структур знания. Таким образом, вполне логично рассматривать концептуализацию динамически: как процесс и как результат когнитивной переработки информации человеком. Р. Ленекер говорит об ингерентно динамической природе концептуализации [Langacker 1990], а Ж. Верньо подчеркивает главную роль действия в процессах концептуализации, которая, по его мнению, происходит из действия и языка [Верньо 1995]. Более того, как замечает Е.М. Позднякова, концептуализация мира человеком осуществляется в ходе деятельности, ибо «именно в процессе деятельности (в ее широком понимании) происходит и функционирование перцептуальной системы, и развитие когнитивных способностей, и формирование структур знаний» [Позднякова 2000: 24]. Иными словами, в качестве основного свойства концептуализации может быть выделена динамичность. Именно на динамическом понимании концептуализации основывается и разрабатываемая в настоящем исследовании концепция морфологической репрезентации.

Другим существенным свойством концептуализации является ее онтологическая природа. «Онтологическая природа объекта, – как отмечает И.Г. Рузин, – задает возможность многих способов концептуализации, которые определенным образом кодифицируются в языке» [Рузин 1996:49]. Он обращает особое внимание на то, что онтология задает **не необходимость** (выделено нами – Н.Б.) концептуализации, но лишь набор возможностей. Как следствие концептуализация имеет нежесткий и «во многих случаях непоследовательный характер: из ряда возможностей реализуется в каком-то случае (в какой-то области, на каком-то уровне) одна, в каком-то другая» [там же: 49]. Положение об онтологической природе концептуализации также представляется весьма значимым для данного исследования и позволяет

предположить, что в морфологии реализуется часть возможностей и способов концептуализации, вербализующихся в морфологических категориях и формах.

Возможности и способы морфологической концептуализации определяются онтологией самого языка, так как морфология выступает в качестве средства концептуализации закономерностей языковой репрезентации и отражает, во взаимодействии с синтаксисом, внутреннюю сущность и законы функционирования языка.

Иными словами, концептуализация – это один из основных процессов познавательной деятельности человека (наряду с категоризацией), заключающийся в осмыслении потока информации, поступающего к человеку по различным каналам (в том числе и через язык), и его дальнейшем членении. Он приводит к порождению новых смыслов, а также к образованию концептов как содержательных оперативных единиц знания (концептуальных структур) и всей концептуальной системы человека. Рассмотрим подробнее особенности и роль концептуального уровня в формировании и функционировании системы языка.

3.3. Концептуальный уровень как универсальная основа системы языка

Выделение концептуального уровня сегодня практически ни у кого не вызывает возражений. Оно основывается на принадлежащей Р. Джекендоффу идее о существовании единого уровня представления знаний, на котором совмещаются языковая, сенсорная и моторная информация [Jackendoff 1984]. Данное положение является исходным для теорий, связанных с изучением концептуальных структур в рамках когнитивной парадигмы (концептуальная семантика Р. Джекендоффа, теория идеализированных моделей Дж.Лакоффа, теория ментальных пространств Ж. Фоконье, концептуальная грамматика Л.Талми, когнитивная грамматика Р. Ленекера и др.), хотя каждая из них представляет свое видение проблемы.

Дискуссионным при этом остается статус концептуального уровня. В настоящее время четко определилось два основных подхода. Первый из них берет свое начало в лингвистической

теории У. Чейфа и в процедурной семантике Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда и разрабатывается в американской версии когнитивной лингвистики (работы Р. Джекендоффа, Р. Ленекера и др.). Согласно этому подходу, концептуальный уровень отождествляется с семантическим, и результатом концептуализации считается значение языковых выражений. Сам процесс концептуализации Р.Ленекер интерпретирует достаточно широко, как: устоявшиеся концепты, новые, впервые создаваемые концепты, чувственный, моторный и эмоциональный опыт, знание природного, социального и лингвистического контекстов, специально разработанная система знаний и т.д. [Langacker 1990: 2]. Семантические структуры, в понимании Р.Ленекера, – это концептуальные структуры, вызываемые в сознании языковыми формами, а значение равно концептуализации [Langacker 1990]. В логике этого подхода, концепт понимается Р. Джекендоффом как ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения [Jackendoff 1996: 26].

Согласно второму подходу, на котором основывается отечественная версия когнитивной лингвистики, разрабатываемая в многочисленных работах Е.С. Кубряковой [1997; 2004 и др.], Н.Н. Болдырева [2000; 2004 и др.] и их учеников [Афанасьева 1992; Жаботинская 1992; Беляевская 1994, 2000; Позднякова 1999; Бабина 2003, Фурс 2004 и др.], концептуальный уровень рассматривается как отличный от семантического.

Противопоставление и выделение концептуального уровня берет свое начало, как уже отмечалось выше, в работах отечественных лингвистов К.С. Аксакова, А.А. Потебни, В.П. Сланского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского и др., в которых в общем виде была высказана идея разграничения языкового и мыслительного содержания. В дальнейшем, она получила разработку, в частности, в теории двойного кодирования А. Пейвио [Paivio 1971; 1986], в гипотезе двойной репрезентации Ст. Косслина [Kosslyn 1973], в трудах М. Бирвиша о концептуальном уровне в сознании человека, отличном от собственно семантического [Bierwisch 1983], и работах Р.И. Павилениса, связанных с противопоставлением концептуальных систем (как важнейших основ мыслительной деятельности) языковым [Павиленис 1983].

Согласно А. Пейвио, в сознании присутствуют, с одной стороны, образы и прочие образо-подобные сущности (картинки, изображения, схемы, диаграммы и т.д.), а, с другой – языкоподобные величины (энграммы языковых единиц и форм) [Paivio 1971; 1986]. Иными словами, имеются отдельные репрезентации для вербальной и сенсорной информации. Сам автор отдает приоритет образному кодированию. В этом плане его концепция сближается с теми подходами, авторы которых признают важность сенсорного опыта и образного восприятия (отражения) мира для становления языка (см. работы Ч. Филлмора, У. Чейфа, Дж. Лакоффа и др.).

М. Бирвиш, настаивая на необходимости четкого разграничения чисто языкового уровня значения и неязыкового уровня концептуальной репрезентации, исходит из того, что индивид может иметь разные виды знаний, не обязательно связанные с семантической системой языка, и что некоторые высказывания допускают интерпретации, не являющиеся частью чисто языкового знания. Таким образом, концептуальный уровень рассматривается М. Бирвишем как уровень интерпретации значения языковой единицы. Как следствие этого, вариативность значений объясняется эффектами концептуальной интерпретации [Bierwisch 1983].

Аналогичной точки зрения придерживается Р.И. Павиленис, рассматривающий понимание языкового выражения как его интерпретацию в определенной концептуальной системе [Павиленис 1983:116]. Сходные идеи высказываются и в современной когнитивной психологии. Дж. Андерсон, например, также выделяет два основных типа репрезентаций знаний: репрезентации, основанные на восприятии, и репрезентации, основанные на значении. В качестве фундаментальной характеристики репрезентаций, основанных на значении (языковых репрезентаций – Н.Б.), Дж. Андерсон выделяет присутствие в них некоторой существенной абстракции, отличной от переживаний, которые первоначально вызвали знание [Андерсон 2002].

Нетождественность сферы семантики и сферы концептов подчеркивается и А.В. Бондарко. Одновременно он отмечает неразрывный характер связи между ними. Отношение семантических категорий к понятийным (концептивным) определяется автором как соотношение вариантов и инвариантов [Бондарко 1973: 12-13; 1974: 59].

Теория двойного кодирования мира признается и развивается Е.С. Кубряковой. Она считает необходимым различать и дифференцировать языковые репрезентации, т.е. языковые формы, репрезентирующие какую-либо категорию или класс единиц, и структуры сознания, ментальные репрезентации этих форм [Кубрякова 1997: 36]. По ее мнению, эти два типа сущностей отличаются по субстрату (отражение визуального мира в противовес отражению мира языкового) и по их знаковой, или символической сущности [Кубрякова 2004: 347]. Образные репрезентации субъективны и не носят конвенционального характера. Даже когда для них существует реальный референт, в сознании людей они могут иметь разные репрезентации. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «репрезентация объекта сознанию должна сохранить черты подобия, и в этом смысле она соответствует «миру как он есть», однако, из-за ограниченности такого подобия она оказывается одновременно единицей, обработанной нашим сознанием и, конечно, разные репрезентации могут различаться существенно по степени их подобия оригиналу» [Кубрякова 1997: 65].

В отличие от образных репрезентаций вербальные репрезентации входят в систему разделенных знаний, т.е. имеют конвенциональный характер. В актах коммуникации непрерывно происходит не всегда четко осознаваемая проверка на то, думаем ли мы, говоря об одном и том же, и если нет, то в чем же именно состоят наши расхождения или отличия. В случае необходимости говорящие всегда могут уточнить общие представления о предмете речи. Такое знание конвенциональных значений языковых знаков и языковых форм имеет огромное значение для процесса общения. Если бы не язык, субъективность восприятия мешала бы говорить об объективно данных сущностях и референтах (подр. см. [Кубрякова 2004]).

Таким образом, речь идет о разграничении неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что обеспечивает существование концептуальной картины мира и языковой картины мира.

Как видно из приведенных высказываний, дифференциация концептуального и семантического уровней не означает их абсолютного противопоставления, а предполагает одновременно и их тесное взаимодействие. Оно проявляется, в частности, в том, что семантика имеет два направления связей – в сторону концепту-

альной системы и в сторону языковой системы и, таким образом, оказывается некоторым «мостиком» или «интерфейсом», связующим языковую систему с концептуальной (см. [Taylor 1995]). Положение о взаимодействии концептуального и семантического уровней также принимается в качестве одного из исходных положений для разработки теории морфологической репрезентации.

Концептуальный уровень имеет внутреннюю организацию. Он представляет собой определенным образом структурированную систему концептов, концептуальных классов и категорий. Представление о концептуальном уровне как особом уровне категориальных значений, а не только системе концептов и концептуальных классов наиболее обстоятельно разрабатывается Н.Н. Болдыревым в рамках функционально-семиологического подхода (подробнее см.: [Болдырев 1994а; 1994б; 1995б]). Данная идея рассматривается нами в качестве одного из отправных пунктов в разработке теории морфологической репрезентации. Ее методологическая важность определяется тем, что, во-первых, язык в целом и слово, в частности, выполняют обобщающую функцию; во-вторых, именно категориальные смыслы, а не просто отдельные концепты ложатся в основу грамматических (в том числе, и морфологических) категорий. В связи с этим проанализируем аргументацию Н.Н. Болдырева подробнее.

С точки зрения функционально-семиологического подхода, концептуальный уровень рассматривается как уровень категориальных значений, потому что он не просто совмещает различные типы информации, но и определяет и структурную организацию языка, и его функционирование как системы. Н.Н. Болдырев, в частности, уточняет, что концептуальный уровень, будучи уровнем категориальных значений и смыслов, «обеспечивает систематизацию, выбор и комбинаторику языковых знаков с целью выражения определенных мыслей, а также их интерпретацию при понимании текстов» [Моделирование...2000: 8]. Иными словами, концептуальный уровень служит особым понятийным субстратом в языке и регулярно проявляется в процессе языкового функционирования, выступая в качестве его системообразующего фактора. На основании всего сказанного Н.Н.Болдырев делает вывод о законообоснованности концептуального уровня и о том, что за ним стоит закономерность сущностного характера.

Концептуальный уровень (уровень категориальных значений) служит, как считает Н.Н.Болдырев, универсальной основой всей грамматической системы языка (ср. «уровень обобщенных языковых значений» у М.М. Гухман [1985: 7] и идею «универсальной грамматики» у Р.Джекендоффа [1999]) и «устанавливает необходимые связи между внеязыковыми понятиями и способами их вербализации, между языковыми и логическими категориями, соединяя тем самым логические и речемыслительные процессы» [Болдырев 1994: 46]. Сказанное определяет двойственную сущность категориальных значений, которые входят в качестве категориального компонента в значение лексем, а также получают формальное выражение (в том числе и морфологическое) и образуют грамматические категории. Для целей настоящего исследования наиболее существенной оказывается способность концептуальных категорий быть основой формирования грамматических категорий.

Опираясь на эту фундаментальную характеристику категориальных значений, Н.Н. Болдырев выделяет 3 типа грамматических категорий. К первому типу относятся категории-классы, или словоклассифицирующие категории (грамматические классы слов). Они «отражают непосредственную связь языкового знака с той или иной понятийной (концептуальной-Н.Б.) категорией». Уточняется же эта связь посредством категорий других типов. К ним Н.Н. Болдырев относит: категории-признаки, или словоизменительные категории (грамматические классы форм – категории второго типа) и синтаксические категории, или релятивные (категории синтаксических позиций) – третий тип. Объективный характер категориальных значений второго типа, по мнению Н.Н. Болдырева, следует из их регулярного морфологического выражения [Болдырев 1994б: 42-43]. Таким образом, в представленной классификации существенная роль отводится категориям второго типа, представляющим собой морфологические категории, которые выполняют функцию определенных маркеров в реализации других типов категорий. Именно категории второго типа и являются объектом настоящего исследования.

Итак, все сказанное позволяет заключить, что концептуальный уровень представляет собой определенным образом структурированную концептуальную систему. Остановимся подробнее на рассмотрении ее особенностей.

3.3.1. Концептуальная система как отраженный мир

Одна из первых современных теорий концептуальной системы принадлежит Р.И. Павиленису. При разработке своей концепции он опирается на гипотезу о смысле как о составной части концептуальной системы. Представленная ученым концепция основывается на следующих принципиально важных положениях [Павиленис 1983].

Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания.

Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система. Таким образом, в понимании Р.И. Павилениса, концептуальная система, конструируемая человеком, представляет собой систему информации о мире, отражающую познавательный опыт индивида.

В соответствии с исходными положениями, Р.И. Павиленис выделяет в образовании концептуальной системы несколько этапов. В качестве первого самостоятельного этапа он рассматривает довербальный этап, на котором происходит построение концептуальной системы еще до усвоения языка. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию. По мнению Р.И. Павилениса, предположение о довербальном этапе диктуется и логическими соображениями. Его игнорирование имеет своим следствием некоторые теоретически и эмпирически необоснованные и методологически порочные положения как-то:

- приписывание формам языка функции порождения мысли и самой данности языка;
- отождествление мыслительных и языковых структур;
- поиск соответствия между структурами языка и реальности;
- попытка выведения структур реальности из структур языка [Павиленис 1983: 108].

Кроме того, Р.И.Павиленис высказывает предположение о том, что образование концептуальной системы предполагает в качестве изначально данных некоторые первичные концепты как необходимые условия построения концептуальной системы, которые в дальнейшем служат в качестве анализаторов и интерпретаторов при усвоении новых концептов.

Усвоение и построение определенной информации о языке как одном из объектов познания возможно только на базе информации, уже содержащейся в концептуальной системе и, таким образом, оказывается вторичным. Дальнейшее усвоение информации о языке означает усвоение его грамматики как средства оперирования выражениями языка. Последнее означает манипулирование содержащейся в концептуальной системе информацией, что приводит к построению в ее рамках такой информации, которая неконструируема без языка и которая дает возможность выйти за пределы непосредственного опыта.

Фундаментальным принципом, на котором строится концептуальная система, является принцип интерпретации. Согласно этому принципу, концептуальная система конструируется непрерывно, а введение концептов требует последовательности: содержащиеся в системе концепты являются основой для введения в систему новых концептов [Павиленис 1983: 105-106]. Иными словами, любая новая информация, согласно концепции Р.И.Павилениса, становится частью концептуальной системы только в том случае, если соблюдается последовательность ее образования в данной концептуальной системе.

Таким образом, важнейшим свойством концептуальной системы оказывается непрерывность, которая обеспечивает дальнейшее построение и расширение концептуальной системы, заключающееся в образовании новых смысловых структур на основе содержащихся в системе концептов. Существенную роль в этом процессе Р.И. Павиленис отводит языку.

Им выделяется две стороны процесса. Во-первых, естественный язык выступает в «качестве кода для концептов системы» [там же: с.112] и тем самым «символически фиксирует определенные концепты концептуальной системы мира» [там же: с.114]. Это, в свою очередь, приводит к построению «определенного концепта о самом языке..., содержащего знание о физических и грамматических его характеристиках [там же: с.112]. Иными сло-

вами, такой концепт предстает как определенная физическая и лингвистическая сущность. Одновременно Р.И. Павиленис обращает внимание на отсутствие взаимоднозначного соотношения между континуумом концептуальной системы и множеством вербальных выражений [там же: с.115]. Он особо отмечает, что «одним и тем же словесным выражением могут указываться разные концепты одной и той же концептуальной системы, что отражает неоднозначность языковых выражений» [там же]. В качестве примеров он приводит выражения типа: бегут люди, лошади, часы, бегут мысли, бежит ручей.

Во-вторых, на основе усвоения и по мере построения концепта о грамматическом строе языка, последний дает возможность, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами системы. Это означает, что создается возможность строить в концептуальной системе новые концептуальные структуры, которые «континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотнесены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [там же: с.114]. Таким образом, возникает особый тип концептов, построенных с помощью языка и относящихся, по мнению Р.И. Павилениса, скорее, к возможному, чем к актуальному опыту индивида [там же]. Иными словами, связь языковой и концептуальной систем проявляется не только в том, что язык отражает результаты процесса концептуализации, он также играет существенную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире (т.е. в процессе концептуализации) и в создании концептуальной системы.

Такая двойная роль языка в создании концептуальной системы приводит к тому, что, по образному выражению Р.И. Павилениса, язык оказывается «вплетен» в концептуальную систему и служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концептуальных систем.

В целом, концептуальная система в понимании Р.И. Павилениса, включает следующие виды концептуальных структур:

1. Концептуальные структуры, возникающие еще на довербальном этапе в результате знакомства с объектами окружающего мира, доступными непосредственному восприятию;

2. Некоторые «первичные концепты», являющиеся необходимым условием построения концептуальной системы и служа-

щие в дальнейшем в качестве анализаторов и интерпретаторов при усвоении новых концептов;

3. Концептуальные структуры, построенные посредством языка. Они представляют собой информацию, которую невозможно без языка ввести в концептуальную систему [Павиленис 1983].

Как видно из представленной концепции, языковые выражения неразрывно связаны с концептуальной системой и образующими ее концептами. В логике этого понимание языкового выражения рассматривается Р.И. Павиленисом как его интерпретация в определенной концептуальной системе [Павиленис 1983: 116]. Он особо подчеркивает, что «естественный язык сам по себе вообще ничего не выражает, если не предполагается определенная его интерпретация [там же: с. 115]. Согласно Р.И. Павиленису, выражение считается осмысленным для определенной системы, если и только если соотносимая с выражением концептуальная структура интерпретируется на множестве ее концептов. Содержание интерпретации, или ее качество, обуславливает содержание интерпретирующих их концептов, как части определенной концептуальной системы. С этой точки зрения, Р.И. Павиленис считает вполне естественными качественные различия в интерпретации одних и тех же языковых выражений [там же: с. 207]. В частности, он пишет: «Языковое выражение может получить в концептуальной системе более одной интерпретации, т.е. может интерпретироваться разными концептуальными структурами, различным образом связанными одна с другой, но содержащимися в одной и той же концептуальной системе» [там же: с. 208].

Таким образом, концептуальная система может не только дать ряд интерпретаций языкового выражения, но и выбрать адекватную, соответствующую интуиции носителя языка интерпретацию, тем самым в определенной мере разрешая неоднозначность выражения.

Детальное рассмотрение концепции Р.И. Павилениса потребовалось нам для того, чтобы определить ряд исходных положений, существенных для изучения морфологии в аспекте концептуализации мира. К таковым, на наш взгляд, могут быть отнесены:

1. Положение о существовании в концептуальной системе концептуальных структур, имеющих различное происхождение, в том числе и языковое.

2. Положение о двойной роли языка в создании концептуальной системы.

3. Положение о неразрывной связи языковых единиц с концептуальной системой и образующими ее концептами.

4. Положение о множественности интерпретаций языковых выражений.

Из перечисленных положений вытекает еще одно достаточно важное положение о двусторонней связи концептуального содержания с языком. Она проявляется, с одной стороны, в том, что анализ концептуального содержания невозможен без языка, так как общепризнанно, что не существует другого способа доступа к сознанию. Практически, это частично было осознано еще в рамках структурного направления. Так, З. Харрис считал язык одним из основных источников наших знаний о культуре (или о «мире значений») данного народа и о различиях или членениях, которые там существуют [Harris 1951: 188]. Позднее эта идея была развита и обоснована в логико-философской концепции языка Р.И. Павлениса, который особо отмечал, что «мы не располагаем другим, кроме языка, средством объяснения нашего познания и понимания мира» [Павленис 1983: 113] и стала основополагающей для исследований, выполняемых в рамках когнитивного подхода.

С другой стороны, как утверждается в когнитивной лингвистике, без анализа концептуального содержания невозможно объяснить использование языковых форм. Последние (морфологические, синтаксические и т.д.), а также значения слов связаны с представлением человека о мире, то есть с его концептуальной системой. Как заметил Н.Н. Болдырев, только обращаясь к концептам разного уровня, к разным форматам знания, способам организации этих знаний, мы можем до конца понять и объяснить использование языка, с одной стороны, а с другой стороны, понять и те мыслительные процессы, которые за ними стоят, то каким образом работает язык [Болдырев 2000].

Исследуя отображение в языке окружающей человека действительности и преломление в нем неких внеязыковых категорий, И.Г. Рузин приходит к выводу, что «природа языковой единицы определяется очень сложной и подвижной совокупностью факторов» [Рузин 1996: 39]. Среди них автор особо выделяет

концептуальные факторы, которые обусловлены закономерностями отображения объективного мира сознанием человека.

Дальнейшее развитие теория концептуальных систем, начало которой было положено в концепции Р.И. Павилениса, получила в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, работающих в рамках когнитивного подхода. В качестве исходного положения в ряде когнитивно-ориентированных теорий принимается положение о том, что в языке нельзя все свести к тому, что он отражает чувственный опыт человека. Познание предполагает выход за пределы наблюдаемого, проникновение в суть вещей, а не «отражение» мира «как он есть». Е.С. Кубрякова считает, что достаточно трудно дать определение концептуальной системе, ибо «она представляет собой некие смыслы, которыми оперирует и манипулирует человек в процессах речемыслительной деятельности как некими отдельными идеальными сущностями (концептами)» [Кубрякова 2004: 380]. Одновременно она обращает внимание на многообразие и разнообразие концептуальной системы, ее богатство по сравнению с семантической системой языка. В концептуальную систему Е.С. Кубрякова включает «концепты, относящиеся к мнениям и знаниям, установкам и оценкам, к пониманию целей познания и способов его получения, а также к желательности, необходимости или же возможности получения определенных сведений о мире и т.п.» [там же: с. 381].

Е.С.Кубряковой особо подчеркивается необходимость отграничения понятия концептуальной системы от других понятий, таких как память, ментальный лексикон, информационный тезаурус. При этом она отмечает и те черты, которые определяют сходства указанных понятий. Все они «реализуют в общем одну и ту же идею – идею того, чем владеет человек «внутри себя» [там же: с. 380], динамичны по своей природе, так как пополняются всю жизнь. При этом, по мнению Е.С. Кубряковой, тезаурус и ментальный лексикон более «стационарны», ибо то, что «содержится» в них, более устойчиво и стабильно.

В понимании Н.Н. Болдырева, концептуальная система представляет собой все многообразие концептов, «хранящихся в сознании говорящего и обеспечивающих обработку информации и взаимопонимание в процессах общения, а также механизмов их формирования, взаимодействия друг с другом и средств их ре-

презентации в языке» [Болдырев 2003: 189]. Иными словами, концептуальная система может рассматриваться как «система определенных представлений человека о мире» [Болдырев, Бабина 2001: 83].

Одним из важных свойств концептуальной системы является неоднородность. Она проявляется в том, что отдельные участки ее имеют различную значимость в общей структуре. В связи с этим принято считать, что одни участки концептуальной системы являются более фундаментальными, чем другие.

Идея о существовании фундаментальных единиц человеческого сознания возникала неоднократно, и не только в лингвистике, и получала различное толкование и обоснование. Первоначально она принадлежит Г.В. Лейбницу, который выдвинул теорию «алфавита человеческих мыслей», совершенно справедливо полагая, что человек концептуализирует мир. Однако сам Г.В. Лейбниц избегал вопроса относительно количества и типа фундаментальных концептов. Он определял алфавит человеческих мыслей как каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи [Leibniz 1981: 430]. Тем самым, по мнению А. Вежбицкой, Г.В. Лейбниц подчеркивал глубинное единство между языками и связанными с ними концептуальными системами, твердо веруя в «психическое единство человечества, основанное на универсальном «алфавите человеческих мыслей» [Вежбицкая 1999: 291]. Однако А. Вежбицкая считает выдвинутую Г.В. Лейбницем формулу ограниченной.

А.Я. Гуревич, например, выделяет «сетку координат», объединяющую категории, «при посредстве которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и строят его образ» [Гуревич 1969: 103]. К ним он относит время, пространство, причину, изменение, число, отношение чувственного и сверхчувственного мира, отношение индивидуального к общему и части к целому, судьбу, свободу и т.д. Автор подчеркивает, что невозможно мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, так как они занимают центральное место в «модели мира», которая характеризует ту или иную культуру. Именно эти категории, по мнению А.Я. Гуревича, образуют основной семантический «инвентарь» культуры [там же].

В современной лингвистике рассматриваемая идея находила свое применение в попытках выделить ряд универсалий в семантике, а именно, семантических элементов (примитивов), которые лежат в основе всех языков и могут быть обнаружены путем тщательного анализа любого естественного языка. Одна из таких попыток, облеченная в форму специальной теории, принадлежит А. Вежбицкой. Она разделяет идею концептуальных универсалий, подчеркивая, что они должны проверяться эмпирическими находками, являющимися результатом систематических межъязыковых сопоставлений. А. Вежбицкая одновременно делает весьма важное заключение о том, что «языки и отраженные в них способы мышления обнаруживают как глубокие различия, так и глубокие сходства» [Вежбицкая 1999: 292].

Гипотеза А. Вежбицкой строится на трех основных допущениях. Во-первых, у всех языков есть общее ядро (как в лексиконе, так и в грамматике). Во-вторых, это общее ядро является врожденным, сформированным доязыковой «готовностью к значению». В-третьих, это общее ядро может использоваться как своего рода мини-язык для того, чтобы сказать все, что мы пожелаем. А. Вежбицкая особо подчеркивает, что, «хотя это общее ядро может быть идентифицировано и понято только через язык, оно, в некотором важном смысле, не зависит от языка: оно определяется внутренней концептуальной системой и свободно от всего того, что идиосинкратично в структуре того или иного индивидуального языка» [там же: 294].

Таким образом, А. Вежбицкая постулирует существование врожденного и универсального «языка мысли». Она высказывает предположение о том, что врожденными являются не культуроспецифичные концепты, а те, которые обнаруживаются во всех языках. К ним она первоначально относил такие концепты, как лицо, вещь, делать, произойти, где, когда, хороший, плохой. В дальнейшем, набор «универсальных элементарных смыслов», представляющих собой «сетку категорий», был расширен до 60 смыслов. Выделенные А. Вежбицкой категории учитывают как естественные семантические группировки, так и комбинаторные свойства элементов. Это объясняется тем, что для того, чтобы «помыслить» что-то, нам нужны осмысленные комбинации концептов. Тем самым, автор обосновывает идею существования элементарных концептов, определяемых ею как компоненты,

«которые, для того, чтобы быть способными выражать значение, должны тем или иным образом комбинироваться» [там же: 299].

Попытку выделить общие смысловые категории для русского языка предпринимает Н.Ю. Шведова. По ее мнению, такие категории, как действие, состояние, предмет, мера, место, время и т.д. формируют смысловой каркас языка, который представляет собой наиболее абстрактный уровень языковой картины мира [Шведова 1998]. В.А. Плунгян говорит о существовании универсального грамматического набора, представляющего собой закрытый класс значений, на основе которых формируются грамматические категории в естественных языках [Плунгян 1998: 2].

Идея фундаментальных концептов получает поддержку и обоснование в когнитивно-ориентированных теориях языка: в теориях Дж. Лакоффа и Р. Джекендоффа. Так, Р. Джекендоффу принадлежит мысль об универсальной грамматике [Jackendoff 1999]. Он также высказал точку зрения о том, что основными конституентами концептуальной системы являются концепты, близкие «семантическим частям речи» (в терминах самого Р. Джекендоффа «онтологические категории»). К таковым, по мнению ученого, относятся концепты ОБЪЕКТА и его ЧАСТЕЙ, ДВИЖЕНИЯ, ДЕЙСТВИЯ, МЕСТА, или ПРОСТРАНСТВА, ВРЕМЕНИ, ПРИЗНАКА [Jackendoff 1984; 1990; 1996] (Ср. аналогичные идеи у [Levin, Pinker 1991]).

Дж. Лакофф, не уточняя окончательный перечень, выделяет ряд критериев для установления фундаментальных концептов. Фундаментальные концепты (в их число он включает, например, пространство и время) широко используются в других концептах системы. Напротив, нефундаментальные концепты локализованы в изолированных областях опыта и поэтому не влияют на другие концепты. В качестве важного критерия Дж. Лакофф выделяет тенденцию к грамматикализации у фундаментальных концептов, т.е. возможность становиться частью грамматики языка. В целом, грамматикализованные концепты рассматриваются как более фундаментальные, чем концепты, выражаемые единицами словаря (подр. см. [Лакофф 2004: 399]).

Положение о грамматикализации фундаментальных концептов, выдвинутое Дж. Лакоффом, представляется методологически важным для теории морфологической репрезентации, разрабатываемой в рамках настоящего исследования. Оно позволяет выска-

зять предположение о том, что морфология как раз и репрезентирует наиболее фундаментальные концепты концептуальной системы, наиболее существенные для ее построения, те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения, и в этом смысле относятся к универсальным. Роль же морфологии, по мнению В.З. Демьянкова, заключается в том, что она «дает параметризацию универсального каркаса. Этот каркас – универсальная морфология - «оболочка» нашей экспертной системы языковых (в частности, морфологических) знаний» [Демьянков 2003: 18].

Дж. Лакофф выделяет ряд «параметров грамматикализации», которые позволяют противопоставить грамматикализованные концепты неграмматикализованным. Грамматикализованные концепты характеризуются Дж. Лакоффом как «используемые объекты мысли», автоматические и бессознательные, не требующие усилий при использовании. Автор поясняет, что «автоматические и бессознательные концепты не просто представлены в уме как объекты мысли, но используются в процессах мышления и понимания. Концепты, используемые таким образом, фиксированы, укоренены в умах всех говорящих» [Лакофф 2004: 416]. Следовательно, грамматикализованные концепты оказываются фиксированными и конвенциональными.

Наряду с концептами как оперативными содержательными единицами мышления, концептуальная система включает также и концептуальные категории. Они представляют собой сущности более высокого порядка и строятся по принципу интеграции, «предполагающему слияние простых единств в более сложные структурные единства» [Моделирование... 2000: 7]. Необходимость особого выделения концептуальных категорий в рамках концептуальной системы объясняется тем, что именно в рамках последней осуществляется эмпирическая и вербальная категоризация событий и формируются категориальные значения и смыслы. Реализация же категориального значения знака осуществляется через посредство концептуальной категории, которая отражает связи между данным знаком и соответствующим событием.

Существенной характеристикой концептуальных категорий является то, что они «учитывают и онтологические свойства объектов, и грамматические признаки слов, их обозначающих, т.е. и «первичные» и «вторичные» категории в их взаимодействии,

обеспечивая тем самым концептуальные связи между событиями и их осмыслением в речи» [там же: с. 8]. Иными словами, концептуальные категории строятся на базе неязыковых и языковых знаний, что обеспечивает возможность их репрезентации на различных языковых уровнях. Сама система концептуальных категорий и связей динамична по своей природе и, как замечает Н.Н.Болдырев, «имеет подвижный характер и может меняться в процессе языкового функционирования» [там же: с. 9]. Концеп-

туальные категории, вследствие этого, не имеют жестких определенных границ, недискретны, образуют многомерный категориальный континуум. Их природа не является чем-то единым и монолитным. По мнению И.Г. Рузина, она представляет собой своеобразный континуум от признаков, составляющих сущность ее природы, до признаков, прямо этой природе противоречащих. Как следствие этого, концептуальные категории не однородны, а центрированы: «их природа ярко проявляется в прототипических единицах и может почти полностью нивелироваться в периферии» [Рузин 1996: 43]. Концептуальные категории особым образом проявляются в различном языковом материале. Это происходит, с точки зрения И.Г. Рузина, следующим образом. «С одной стороны, самый нижний, базисный уровень языковых единиц отражает основную природу категории и наоборот: основная природа категории проявляется на самом нижнем уровне, т.е. она как-бы «заложена» в элементарное (имеется в виду так называемая «концептуальная элементарность») значение единиц» [там же: с. 41].

В логике сказанного вполне обоснованным и закономерным представляется рассмотрение морфологических категорий в аспекте концептуализации мира. Такое рассмотрение направлено на то, чтобы объяснить особенности организации и использования морфологических категорий, а также выявить те концептуальные структуры, которые лежат в их основе и тем самым показать всю концептуальную систему языка, представленную морфологически, или, иными словами, концептуальное пространство морфологии. Именно в этом и состоит цель настоящего исследования.

3.4. Концептуальное пространство морфологии

Концептуальное пространство морфологии вплетено в качестве составляющей в многомерное концептуальное пространство языка и служит средством хранения и передачи языкового знания в широком смысле. Оно включает в себя собственно языковое знание, т.е. знание языковых значений, форм и категорий, и знание о мире как оно концептуализировано языком [Беседина 2005]. Это находит отражение в существовании особого типа грамматических значений, среди которых центральное место занимают морфологические значения. Важность последних опре-

деляется тем, что именно морфология отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы. Соответственно, морфологические категории и формы являются средством объективации и репрезентации особого уровня категориальных смыслов. Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстает в виде морфологически передаваемых концептов, которые в совокупности формируют концептуальное пространство морфологии и создают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке.

Прежде чем охарактеризовать морфологически передаваемые концепты, рассмотрим некоторые свойства концепта как единицы мыслительной деятельности, отражающей содержание полученных знаний.

Понимание концепта весьма вариативно в современной лингвистике, что уже само по себе служит подтверждением неоднократно высказывавшей лингвистами мысли о многоаспектности концепта. Существование обширной литературы, содержащей обстоятельные обзоры данного вопроса, освобождает нас от необходимости детального анализа всех имеющихся сегодня в науке точек зрения (подр. см.: [Кубрякова и др., 1996; Бабушкин 1996; Ляпин 1997; Попова, Стернин 1999, 2002; Болдырев 2000; 2004; Красавский 2001; Карасик 2002; 2004; Кубрякова 2002; 2004; Алефиренко 2003; 2005; Никитин 2004; Ольшанский 2004] и др.). Сосредоточим свое внимание лишь на наиболее важных, с точки зрения задач настоящего исследования, свойствах концепта.

С лингвокогнитивной точки зрения концепт представляет собой оперативную содержательную единицу концептуального уровня (концептуальной системы), или концептуальной картины мира, отраженной в человеческом сознании, или «квант структурированного знания» [Кубрякова и др. 1996: 90; Болдырев 2000: 29]. Так как концептуальный уровень аккумулирует информацию, полученную разными способами, то концепт как базовая единица этого уровня отражает содержание полученных знаний, результаты всей познавательной деятельности человека в виде определенных идеальных и абстрактных единиц. Это то, что «индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1983: 280].

Таким образом, концепты позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы.

Они обеспечивают процесс мыслительной деятельности человека, в ходе которой он анализирует, сравнивает и соединяет разные концепты, в результате чего формируются новые концепты.

Концепт по своей природе является невербальным образованием, базу для которого, по утверждению нейролога А. Дамасио, составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций [Damasio 1989]. Таким образом, само формирование и существование концептов не требует языка. При этом автором не исключается возможность вербального описания концепта. Как признается сегодня представителями практически всех наук, получить доступ к содержанию концепта возможно только посредством языка. Однако это не означает полной зависимости концептов от языка.

Концепты независимы от языка, что подтверждает невербальность мышления, и только часть из них находит свою языковую объективацию [Кубрякова и др. 1996; Попова, Стернин 1999, 2002]. При объективации в языке внимание акцентируется лишь на отдельных аспектах концептов и, как следствие, вербализуется не весь концепт целиком, а лишь какая-то его часть. Определенная часть концепта репрезентируется лексически через словарные толкования и речевые контексты употребления слов, другие части концепта могут быть репрезентированы фразеологически, грамматически (словосочетаниями, предложениями, грамматическими категориями и формами) или целыми текстами. Однако даже все многообразие языковых средств представления концепта в их совокупности не дает полной картины концепта. Следовательно, ни один концепт не может быть вербализован полностью.

Данная мысль представляется весьма существенной для настоящего исследования. Отмеченная особенность вербализации концепта позволяет сосредоточить внимание именно на тех концептах и на тех их характеристиках, которые получают представление в языке с помощью морфологических категорий и форм.

Другим важным свойством концептов, по нашему мнению, следует считать то, что они, с одной стороны, увязаны в единую глобальную сеть, а с другой – каждый из концептов сам представляет собой констелляцию элементов и процессов всех возможных видов: сенсорных, аффективных, ментальных [Hardy 1998]. Это позволяет выделить в единой глобальной сети (концептуальной системе – Н.Б.) особую область, репрезентируемую морфо-

логически и создающую концептуальное пространство морфологии. Однако выделенная область не может быть автономной и изолированной от других участков концептуальной системы в силу того, что содержание концепта не является однородным, и в объективации различных его частей редко участвуют средства одного какого-то уровня. Как правило, в этом задействованы средства нескольких уровней.

Концепт по природе своей динамичен и находится в постоянном развитии. Концепт рождается как образ, но образ, способный продвигаться по ступеням абстракции. По мере увеличения уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, единица универсального предметного кода в онтогенезе выступает как конкретное чувственное восприятие концепта, затем становится средством кодирования «нарастающего на нее объемного, многослойного концепта» [Попова, Стернин 1999: 6]. Сказанное подтверждается исследованиями физиологов. Так, известный отечественный физиолог И.М. Сеченов в статье «Элементы мысли» подробно прослеживает путь от первых чувственных впечатлений, из которых возникают «чувственные конкретные» к формированию «мысленных абстрактов» как продуктов длинной цепи превращений [Сеченов 1953: 225].

В результате такой динамики концепт получает нежесткую структуру, «слоистое строение» [Степанов 1997], что позволяет лингвистам сравнивать его с комом снега, который обволакивается новыми слоями [Болдырев 2000] или с образом облака [Попова, Стернин 1999].

Другим следствием динамичного формирования концепта оказывается то, что концептуальные характеристики отличаются по степени абстрактности. В структуре концепта принято выделять: конкретно-образные характеристики, представляющие результат чувственного восприятия мира, его обыденного познания; абстрактные характеристики как производные от конкретных, отражающие специальные знания об объектах и представляющие собой результат теоретического научного познания. Взаиморасположение конкретных и абстрактных характеристик в структуре концепта не обнаруживает строгой последовательности и носит индивидуальный характер у каждого человека, хотя иногда ис-

следователи отмечают, что именно конкретно-образные характеристики образуют ядро концепта (см., например, [Болдырев 2000]).

Динамичность природы концепта отражается не только в его структуре, но и в содержании. Оно не является постоянным. Содержание концепта непрерывно насыщается, а его объем увеличивается за счет приобретения новых концептуальных характеристик. Это определяется спецификой самого человеческого знания, которое подвижно, постоянно меняется. Единица хранения и передачи знания должна соответствовать этой специфике и также быть подвижной и гибкой (ср. мысль Н.А. Кобриной о динамичности и креативности понятийного аппарата языка [Кобрина 1989]).

Сказанное позволяет заключить, что моделировать концепт в принципе очень сложно, а в некоторых случаях просто невозможно. Поэтому любые попытки моделирования структуры концепта носят, скорее, чисто исследовательский и весьма условный характер.

Содержание концепта, по общему признанию, до конца практически неисчислимо. Оно включает в себя сведения о самых разных объектах, их свойствах, а также о том, что человек знает, думает, воображает об этих объектах. Это создает возможность интерпретировать различные концепты в разных отношениях. Язык, и прежде всего семантика языковых единиц, позволяет выделить концептуальные характеристики лишь частично. Как правило, общенациональные и групповые. Однако содержание концепта не исчерпывается только ими. Формирование концептов индивидуально, и немалая роль в структуре концепта принадлежит индивидуальным концептуальным признакам. Для их выявления требуется проведение психолингвистических экспериментов.

Концептуальная система представляет собой динамическую самоорганизующуюся систему. Для нее, по мнению А.А. Залевской, характерно исключительное многообразие оснований для связи, проистекающее из постоянного взаимодействия перцептивно-когнитивно-аффективных процессов, их промежуточных и конечных продуктов [Залевская 2001:43]. Это обеспечивает существование различных типов взаимоотношений между концептами внутри системы. Например, концепты испытывают влияние других концептов и сами видоизменяются, что приводит к даль-

нейшему уточнению и модификации концептов на основании концептуальной интеграции. Возможны связи по концептуальным признакам и т.д.

Все сказанное еще раз подтверждает положение о том, что концепт имеет две ипостаси существования: как единица знания и как структура знания, выраженная в языковых формах. Именно такое понимание концепта разрабатывается в когнитивно-дискурсивной парадигме отечественной лингвистики [Кубрякова 1997, 2004; Беляевская 2000; Болдырев 2000; Бабина 2003; Ириханова 2004; Фурс 2004 и др.]. Данный вывод принимается в качестве методологически важного и в настоящем исследовании.

Из положения о существовании концепта в двух ипостасях с необходимостью следует, что морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы категориальной части концептуального уровня (например, ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО), репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, это концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических категорий и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и т.д.).

Морфологически передаваемые концепты не только позволяют хранить знания о языке и знания о мире, как они представлены языком, но и обладают максимальной степенью значимости в формировании языкового знания. В этом смысле морфологически передаваемые концепты обнаруживают более тесную привязку к языку и могут быть определены как обязательно вербализуемые концепты. Хотя, обязательность эта, конечно же, относительная. Дело в том, что в разных языках набор морфологических категорий до конца не совпадает. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «у разных языков наблюдаются разные морфологические категории, и хотя список их для отдельных частей речи сегодня в целом может считаться известным, реализация категорий из этого списка для конкретных языков оказывается весьма индивидуальной» [Кубрякова 2004: 119]. Это свидетельствует о том, что и набор морфологически передаваемых концептов может быть различным в тех или иных языках. В отличие от лексически и фразеологически репрезентируемых концептов, морфологически передаваемые концепты ориентированы в большей степени не на внеш-

ний мир, а на внутренний строй языка, фиксируя то, как язык отражает мир (ср. мысль Л.Талми о грамматически выражаемых понятиях [Талми 1999]). Ориентированные на систему языка, морфологически передаваемые концепты соответственно могут быть определены как классификационные, т.е. созданные нашим сознанием с помощью языка. В качестве таковых они оказываются элементами, которые формируют концептуальное пространство морфологии и отражают наиболее существенные аспекты концептуальной картины мира, без которых невозможно мышление о мире и формирование самой картины мира.

Соответственно, их содержание характеризуется наибольшей абстрактностью, что подчеркивается практически во всех определениях морфологических категорий. В языке это проявляется в обобщенном характере соответствующих грамматических смыслов, передаваемых морфологическими формами. Иными словами, морфологически передаваемый концепт сам по себе представляет гештальт. Гештальтность состоит в том, что максимально обобщенные и абстрагированные концептуальные характеристики, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта, требуют дальнейшего уточнения и конкретизации. Последние возможны только при взаимодействии с другими факторами в процессе формирования конкретных лексико-грамматических смыслов. Сказанное дает основание утверждать, что сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что, передаваясь морфологически, его содержание раскрывается только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации.

Вследствие вышеназванной специфики, содержание морфологически передаваемых концептов оказывается более стабильным по сравнению, например, с лексически передаваемыми концептами, поскольку они ориентированы на систему языка и способности языкового представления знаний о мире. Соответственно, морфологически передаваемые концепты в наибольшей степени подвергаются стандартизации на общенациональном уровне, исключая групповые, региональные и индивидуальные смыслы. Определенная стабильность содержания морфологически передаваемых концептов объясняется и тем, что оно связано с категориальной частью концептуальной картины мира. Категориальные значения, как принято считать, составляют часть «жестко задан-

ной рамки», т.е. стабильного компонента концептуальной картины мира (подр. см. [Роль ... 1988]). Именно этим категориальным значениям, по мнению Б.А. Серебренникова, принадлежит важная роль в установлении обратных связей между языком и планом концептуального [там же: с. 86-87]. Сказанное позволяет заключить, что основополагающие стабильные значения (элементы смысла) составляют содержание морфологически передаваемых концептов и кодируются с помощью морфологических показателей. Однако совершенно очевидно, что только часть категориальных значений получает морфологическое выражение. В морфологически передаваемых концептах сосредоточены принципиальные категориальные смыслы, проникнуть в которые возможно только через содержание морфологических категорий. Именно такие категориальные смыслы и представляют интерес для настоящего исследования.

Иными словами, морфологически передаваемые концепты могут рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих созданию и обеспечению стабильности концептуальной системы (концептуальной картины мира). Стабильность эта имеет, в определенной степени, относительный характер, так как зависит от особенностей человеческого знания. Оно, как известно, находится в постоянном развитии, меняется, отражая все новые и новые сведения об окружающем мире и происходящих в нем процессах и изменениях. Что же касается морфологически передаваемых концептов, то их изменчивость и динамичность связаны с возможными изменениями в содержании морфологических форм, что обеспечивается условиями дискурса или некоторыми факторами исторического развития языка. Такая подвижность морфологически передаваемых концептов может приводить к неопределенности границ морфологических категорий.

Морфологически передаваемые концепты определяют семантику морфологических категорий, используемых для их выражения.

Все сказанное позволяет сформулировать общее определение морфологически передаваемого концепта, принимаемое в качестве основного в настоящем исследовании. Под **морфологически передаваемым концептом** понимается выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического.

Важным свойством концептов, с позиций настоящего исследования, представляется их способность служить основой формирования категорий и классов. Роль концептов в процессе категоризации состоит в том, что они подводят реально существующее разнообразие предметов и явлений окружающей действительности под единую рубрику, т.е. под те или иные категории и классы. Более того, концепты служат «эталоном сравнения» и категоризации вновь познаваемых явлений и предметов. Последние в результате такого сравнения идентифицируются как представители данной категории или как элементы другой категории или класса (подр. см. [Болдырев 2000]). В логике сказанного, возможно заключить, что морфологически передаваемые концепты служат основой формирования соответствующих морфологических категорий и подводят существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и классы. В основе данного процесса лежит тесное взаимодействие концептуализации с другим важным процессом познавательной деятельности человека – категоризацией. Поэтому следующим этапом нашего исследования становится выявление основных характеристик данного процесса.

3.5. Категоризация и ее основные характеристики

Способность к категоризации является основополагающей для мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека. Представителями практически всех наук, занимающихся проблемами категоризации, отмечается ее тесная связь с концептуализацией. Однако оба эти процесса, будучи тесно связанными, имеют ряд характеристик, отличающих их друг от друга. Учитывая то, что характеристики концептуализации были подробно рассмотрены выше, сформулируем эти различия в обобщенном виде. Наиболее удачно они выделены Е.С. Кубряковой. Она, в частности, пишет: «В отличие от процесса концептуализации, направленного в общем на выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, процесс категоризации направлен на объединение единиц, проявляющих сходство в том или ином отношении, но обязательно – при сличении этих

единиц с концептом, принятым за основание самой категории» [Кубрякова 2004: 319].

Иными словами, выделение оперативной единицы нашего сознания закрепляется созданием концепта. Возможность сгруппировать однородные в каком либо отношении концепты, объединить их в особый разряд закрепляется созданием категории.

Будучи сложным и многогранным процессом, категоризация находит разнообразные интерпретации у представителей различных наук (подр. см., например, [Болдырев 1994б: 60-61]). В частности, выделяется узкое и широкое понимание категоризации, статическое и динамическое ее представление и т. д. Рассмотрим эти толкования подробнее.

Статическое понимание категоризации подразумевает «членение на категории». Оно восходит к идее Б.Л. Уорфа о членении мира посредством языка. В частности, Б.Л. Уорф считал возможным говорить о выделении категории, если для именованного некоторого смысла в данном языке имеется слово-универб (подр. см.: [Фрумкина и др. 1991: 46-47; Фрумкина 1992: 5]). Аналогичное толкование категоризации обнаруживается и в исследованиях представителей когнитивной психологии. В них категоризация представляется как нечто преимущественно заданное человеку извне и это нечто человек усваивает по мере овладения языком в качестве единственной и статической системы категоризации. Данная система рассматривается в качестве основы языковой номинации как наиболее устойчивого элемента языковой системы.

Попытка процессуального осмысления категоризации характерна для лингвистических исследований. Некоторые предпосылки этого обнаруживаются уже в работах, выполненных в русле традиционного подхода. Однако особенно полно эта интерпретация разрабатывается в рамках когнитивного (Е.С. Кубрякова) и функционально-семиологического подходов (Н.Н. Болдырев). Учитывая методологическую важность основных теоретических положений этих подходов для данного исследования, рассмотрим подробнее, как в них разработана проблема категоризации.

Динамическое понимание категоризации с позиций когнитивного подхода связано с ее интерпретацией в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле категоризация представляет собой «подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию» [Кубрякова 2004: 307]. В широ-

ком смысле категоризация подразумевает не только подведение под категорию, а предстает как «сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных или аналогичных сущностных признаков или свойств» [там же]. Такое толкование позволяет рассматривать категоризацию как двусторонний динамический процесс.

С точки зрения функционально-семиологического подхода, категоризация представляется как динамическое процессуальное понятие, подразумевающее соотнесение слова (объекта) с более общим классом (категорией) слов (или объектов) на основе определенных представлений об их сущностных свойствах и в этом смысле противопоставленное статическому пониманию категоризации².

Дальнейшая конкретизация понятия «категоризация» зависит от того, какое содержание включается в само понятие «категория» и какой тип категорий имеется в виду. Вслед за Э. Рош, разграничивавшей «природные» и «семантические» категории, Н.Н. Болдырев выделяет два типа категорий, позволяющих определить два способа осмысления понятия «категоризация»: статический и динамический.

К первому типу автор относит перцептуальные естественные категории – категории природных объектов. Ко второму типу – концептуальные категории – категории понятий и языковых единиц [подр. см. Rosch 1973, 1978; Болдырев 1994б: 59-68]. Соответственно возникает возможность выделения первичной и вторичной категоризации как двух основных типов, соотносимых с двумя основными уровнями категоризации действительности³.

Первичная категоризация (лексическая) заключена в номинации и отражается в так называемых лексических категориях (лексико-семантических группах слов). Она соотносится с кон-

² Статическая (системная) категоризация отражает знания человека о категориальном членении мира и предполагает два уровня категоризации действительности: конкретно-предметный и абстрактно-системный (подр. см. [Кравченко 1996]). Соответственно, системная категоризация в морфологии отражает наши знания так, как они зафиксированы в значениях морфологических категорий и форм. Последние в этом случае рассматриваются как нечто, преимущественно заданное человеку извне, что человек усваивает по мере овладения языком. На таком понимании строится изучение морфологических категорий в традиционной лингвистике.

³ В более поздних работах Н.Н. Болдыревым дополнительно были выделены категории модусного типа (подр. см. [Болдырев 2005] и др.).

кретно-предметным уровнем категоризации действительности. Вторичная категоризация (грамматическая) состоит в грамматической классификации слов с учетом языкового функционирования и отражается в языковых грамматических категориях. Она соотносится с абстрактно-системным уровнем категоризации действительности. Грамматические категории, в отличие от лексикона, репрезентирующего окружающий мир, отражают видение человеком этого мира. Именно грамматическая категоризация создает возможность ее динамического, процессуального осмысления [Болдырев 1994б].

Таким образом, в рамках функционально-семиологического подхода категоризация понимается одновременно и как статическая система, которая отражает знания человека о категориальном членении мира, и как динамический процесс, устанавливающий определенную связь между предметом мысли и конкретной концептуальной категорией в речемыслительной деятельности [Болдырев 1995б: 3].

Для рассмотрения проблемы морфологической репрезентации в настоящем исследовании существенным оказывается наличие именно грамматической категоризации. Систематизируем ее основные характеристики, опираясь на работы Н.Н. Болдырева.

Цель грамматической категоризации состоит в определении общих принципов организации языка как функционально-ориентированной системы, принципов кодирования смысла в языке (в том числе, смыслов, выделяемых в рамках лексической категоризации) и его передачи с помощью языка. Она состоит в грамматической классификации слов с учетом языкового функционирования и отражается в языковых грамматических и лексико-грамматических категориях. Иными словами, речь идет о категоризации собственно языковых объектов, которая предполагает их именно грамматическую (включая область скрытой грамматики) категоризацию, т. е. категоризацию с точки зрения выделяемых в языке (а не в окружающем мире) категорий.

Грамматическая категоризация отражает онтологию самого языка, т.е. деление на категории, естественные для языка, позволяющие существовать языку как определенной семиологической системе. Категории языка раскрывают сущность его организации одновременно как системы и как деятельности. Тем самым грамматическая категоризация содержит в себе возможность динами-

ческого, процессуального осмысления. Она означает не просто отнесение какого-либо слова к той или иной языковой категории – определенному грамматическому или лексико-грамматическому классу или разряду слов, – но и приписывание конкретному слову определенной семиотической функции (функции передачи определенного смысла), общей для данной категории слов (подр. см.: [Моделирование...2000: 11-12; Болдырев 2005: 22-31]).

Таким образом, речь идет о функциональной категоризации. Под функциональной категоризацией Н.Н. Болдырев имеет в виду «реализацию категориального значения знака как концептуальное (через посредство концептуальной категории) отражение связи между данным знаком и соответствующим событием (предметом мысли)» [Болдырев 1995б: 4].

Такое понимание создает предпосылки для динамического представления о категоризации в морфологии. В соответствии с ним, функциональная категоризация в морфологии предполагает реализацию категориального значения морфологической формы как отражение связи между морфологической категорией и соответствующей концептуальной областью через посредство морфологически передаваемых концептов. Выделение грамматической категоризации как особой модели категориального видения мира и функциональное понимание категоризации в морфологии позволяет поставить в иной плоскости вопрос о строении морфологических категорий.

3.6. Строение морфологических категорий в свете когнитивного подхода

Традиционное понимание морфологических категорий основывается на рассмотрении их как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах одной части речи) с однородным содержанием. Данное определение содержит указание на два основных принципа в организации морфологических категорий: наличие противопоставленных друг другу форм и однородность содержания рядов морфологических форм, конституирующих морфологическую категорию.

Однородность подразумевает, что значения членов морфологической категории образуют оппозицию, обладая общим ос-

нованием для сравнения. Однородные значения выступают как видовые величины по отношению к родовой величине – значению данной морфологической категории в целом. Например, значения совершенного и несовершенного вида по отношению к значению вида, значения единственного и множественного числа по отношению к значению числа, значения прошедшего, настоящего, будущего по отношению к значению времени и т.д.

Таким образом, основным принципом построения морфологической категории при традиционном понимании считался принцип оппозитивных различий. На этом принципе строились как концепции, постулирующие существование лишь бинарных оппозиций, так и концепции, предполагающие возможность существования не только двучленных, но и многочленных грамматических оппозиций (см.: [Бондарко 1962; Головин 1962; Шендельс 1962; Докулил 1978]).

Функциональный подход позволил установить, что существенную роль в категориальной структуре может играть другой способ – отношение неопозитивного различия. Это привело к пересмотру статуса принципа оппозиции. Данный принцип в рамках функционального подхода трактуется не как всеобщий и универсальный, а как один из частных принципов системно-структурной организации грамматических категорий, подчиненных принципу объединения компонентов категории (см. [Бондарко 1981: 25]).

Отношения неопозитивного различия, по определению А.В. Бондарко, «связаны лишь с относительным единством содержания при отсутствии полной однородности значений членов категории» [Бондарко 1981:17]. При неопозитивных отношениях между компонентами грамматической категории значения компонентов не предполагают друг друга. Кроме того, эти значения не однородны в том смысле, в каком однородны значения членов грамматических оппозиций. Это объясняется тем, что отношение неопозитивного различия связано с принципом естественной классификации (см.: [Жирмунский 1968; Реферовская, Васильева 1973; Щерба 1974]).

Применительно к грамматическим категориям (и морфологическим, в частности) естественная классификация понимается как объективно существующее в данном языке членение, которое характеризуется следующими взаимосвязанными между собой

признаками: возможностью отклонения от полного единства основания данного членения, возможной неоднородностью признаков, присущей компонентам целого, возможностью пересечения классов (подр. см. [Бондарко 1981: 17]).

По мнению А.В. Бондарко, на отношениях неопозитивного различия строятся в ряде языков категории наклонения (в русском языке), вида (в английском языке), залога, числа (в тех языках, где существует двойственное число), категория падежа. В отдельных случаях трудно однозначно определить тип отношений между компонентами грамматической категории. В этом смысле возможно говорить о наличии переходных случаев, «когда в одном и том же отношении между компонентами категории можно констатировать признаки как оппозиции, так и неопозитивного различия» [Бондарко 1981: 19]. К таковым относится категория лица практически в большинстве языков.

А.В. Бондарко указывает на существование зависимости между отношениями оппозиции и неопозитивного различия, с одной стороны, и соотношением двучленных и многочленных категорий, с другой [там же: 20]. Она проявляется в том, что оппозитивность характерна для двучленных категорий, в то время как многочленные категории могут быть связаны как с оппозициями, так и с неопозитивными различиями. Кроме того, в пределах одной грамматической категории могут совмещаться отношения неопозитивного различия и оппозиции.

Разграничение отношений оппозиции и неопозитивного различия позволяет говорить о многообразии структуры грамматических категорий в языках разных типов. Это многообразие выявляется по разным признакам, в том числе, и в грамматических категориях, базирующихся на разных типах оппозиций. Признание отношений не только оппозиции, но и неопозитивного различия в структуре грамматических категорий следует рассматривать как важный шаг на пути к адекватному описанию грамматических категорий. Многообразие категориальных структур позволяет в большей степени учитывать специфику языковой системности и рассматривать грамматический строй как естественную систему, характеризующуюся многообразными отношениями ее компонентов. Положение о многообразии категориальных структур представляется методологически важным в рамках развиваемой концепции. Оно позволяет применить к морфологи-

ческим категориям основные положения, применяемые в естественной категоризации. Такая возможность подтверждается и тем, что грамматические категории, и морфологические категории в частности, отражая онтологию языка, выступают в качестве категорий естественных объектов, т.е. являются для языка естественными категориями (подробное обоснование см. [Болдырев 2005]).

Неоправданность применения оппозитивного подхода к языковым категориям в целом и к грамматическим, в частности, наиболее аргументированно обосновывается Н.Н. Болдыревым с позиций функционально-семиологического подхода. Автор формулирует три основных возражения.

Во-первых, оппозитивность в фонологии, в рамках которой был первоначально сформулирован данный принцип, задана самим строением речевого аппарата и дискретностью акустических характеристик фонем. Стало быть, и оппозитивность значимых языковых единиц должна основываться на градуальности и дискретности смыслов. Однако в семантике, как известно, господствующим является не дискретный, а континуальный способ организации пространства.

Во-вторых, морфология рассматривается как техника выражения многообразных связей между семантикой и синтаксисом, которые не поддаются точному исчислению. Следовательно, они вряд ли предполагают оппозитивность.

В-третьих, многообразие связей семантики и синтаксиса выражается не только морфологически, но и всем комплексом языковых средств, в том числе, структурных и интонационных. Таким образом, с точки зрения функционально-семиологического подхода, морфологические категории и формирующие их категориальные значения рассматриваются как неопозитивные сущности [Болдырев 1995a].

Гетерогенность морфологических категорий и отсутствие жестких границ между ними, выявленные при традиционном анализе (см. 2.1.3 и 2.1.4), определяют выбор основного методологического принципа исследования. В качестве такового в работе предлагается использовать прототипический подход к формированию языковых категорий [Rosch 1973; 1978 и др.].

Он основывается на понятии типичности некоторого сочетания признаков и степени значимости этих признаков для отнесения того или иного объекта к определенной категории. В соот-

ветствии с данным подходом, категории формируются по принципу не абсолютного тождества, а относительного сходства. Принадлежность элемента к той или иной категории определяется не обязательным набором категориальных характеристик, необходимых для членов данной категории, а наличием лишь некоторых из них. Все члены категории оцениваются по степени обладания прототипическими характеристиками.

Как следствие, внутри категориального пространства обнаруживается градация членов категории по количеству свойственных им характерных признаков. В свою очередь, категориальные признаки также обнаруживают градацию по значимости. Основанием для установления той или иной категории служит так называемая прототипическая «выделенность» элементов, формирующая прототип категории. В результате происходит членение смыслового пространства на категории, формирующиеся вокруг соответствующих прототипических элементов. Внутри категории все ее члены расположены на различном удалении от прототипического центра, что и создает категориальный континуум (подробнее см.: [Фрумкина 1991, 1992; Болдырев 1994б, 1995б; Моделирование ... 2000] и др.).

Выявленные особенности морфологически передаваемых концептов, а также категоризации в морфологии создают базу для рассмотрения морфологической репрезентации как особого категориального способа структурирования концептуального содержания. Этому посвящена следующая глава монографии. Однако прежде чем перейти к подробному анализу закономерностей, факторов и механизмов морфологической репрезентации, систематизируем основные положения, которые служат методологической базой для разработки теории морфологической репрезентации.

1. Концептуальный уровень и уровень языковой семантики (другими словами, концептуальное и языковое содержание) представляют собой два противопоставленных и одновременно взаимодействующих уровня. Противопоставление этих уровней находит отражение в независимости концепта от языка, что подтверждается невербальностью мышления и тем фактом, что только часть концептов находит языковую объективацию. Взаимодействие концептуального и семантического уровней проявляется в том, что, во-первых, язык отражает результаты процесса

концептуализации и, как следствие, концептуальное содержание выявляется посредством языка; во-вторых, сам язык играет значительную роль в процессе формирования, организации и структуризации знаний о мире (т.е. в процессе концептуализации) и в создании и расширении концептуальной системы.

2. Взаимодействие концептуального и семантического уровней определяет существование в концептуальной системе единиц, имеющих языковое происхождение, что, в свою очередь, обеспечивает неразрывную связь языковых единиц с концептуальной системой и образующими ее концептами. Иными словами, между языком и концептуальной системой наличествует двусторонняя связь.

3. Концептуальная система представляет собой систему смыслов, которыми человек оперирует и манипулирует в процессе речемыслительной деятельности. Концептуальная система неоднородна. В ней могут быть выделены разные по значимости концепты. Наиболее важные (фундаментальные) концепты подвергаются грамматикализации и служат основой грамматических категорий.

4. Когнитивные структуры необязательно привязаны к определенному языковому знаку, более того, когнитивная структура способна объединять несколько знаков, что свидетельствует о множественности воплощения когнитивных структур в языке.

5. При языковой репрезентации концепта в каждом конкретном случае активизируется не весь концепт целиком, а лишь определенная его часть. При этом ни один концепт не вербализуется полностью.

6. Концептуализация и категоризация как два основополагающих процесса мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека представляют собой одновременно и динамические процессы, и системы, фиксирующие их результаты.



**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СПОСОБ
СТРУКТУРИРОВАНИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ****4.1. Три уровня концептуализации в морфологии**

Как признается когнитивной лингвистикой, язык отражает концептуализацию человеком ситуаций реального мира в конкретных случаях наблюдения за ними. Это приводит к тому, что концептуальная система включает в себя все многообразие концептов и других структур знания, которыми человек оперирует как в процессе обработки поступающей к нему информации, так и в процессе речемыслительной деятельности. Соответственно, в нее входят как концепты естественных объектов, так и собственно языковые концепты.

Концептуализация в языке обнаруживает специфику на каждом из языковых уровней. Лексика непосредственно отражает картину мира и репрезентирует те ее элементы, которые практически познаны и усвоены определенным языковым коллективом, говорящим на том или ином языке. Познание картины мира с необходимостью предполагает познание не только отдельных ее составляющих (предметов, явлений и их свойств), но и связей и отношений между ними. Для этих целей служит синтаксис, который представляет, как составные элементы картины мира связаны между собой (подр. см.: [Серебренников 1988; Кубрякова 2004; Фурс 2004]). Концептуализации подвергается не только внеязыковая действительность, но и сам язык как один из объектов реального мира. Одним из способов концептуализации языковых знаний является морфология.

Своеобразие концептуализации на уровне морфологии проявляется в том, что она обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка, о которой неоднократно

упоминалось в лингвистике (например, в работах А.И. Смирницкого, Г.Н. Воронцовой, Н.А. Кобриной, Е.С. Кубряковой, В.Н. Ярцевой и др.). Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями, и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания.

Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Под уровнями концептуализации в морфологии понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии. Их выделение основывается на разграничении таких понятий, как предикативность, сказуемость и собственно семантика лексико-грамматических разрядов слов. Это разграничение обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Рассмотрим выделенные уровни концептуализации в морфологии подробнее.

Предикативность понимается как свойство всего предложения в целом, соотносящее содержание предложения-высказывания с действительностью, а точнее, выражающее актуализированную отнесенность к действительности. Ее выражение не ограничивается рамками формально-грамматического членения предложения и выходит за рамки собственно пропозиции. Сказуемость же связана с выражением пропозициональных, т.е. субъектно-предикатных отношений и ориентирована на отношения внутри пропозиции, т.е. выражается в рамках формально-грамматического членения предложения. Третий уровень концептуализации в морфологии – это уровень собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Этот уровень показывает, как репрезентирована и категориально организована в языке семантика, ориентированная на внешний мир (см.: [Виноградов 1954; Болдырев 1987, 1994б; Литвин 1987; Всеволодова 2000] и др.).

Весь репертуар морфологических категорий можно рассмотреть и распределить по ориентации на каждый из выделенных уровней концептуализации в морфологии. Иными словами, представляется возможным показать, что часть категорий связана с передачей концептуального содержания на уровне выражения

предикативных отношений. Это категории времени, лица и наклонения.

Данные категории, будучи связаны с выражением предикативности как признака всего предложения-высказывания, ориентированы на то, что выходит за рамки непосредственно пропозиции. По своему значению они соотносят сообщение с актом речи и связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Выделенные категории, показывая средствами языка связь человека с этими событиями, позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте реальности/ирреальности. Они имеют в определенной степени «глобальный, всеохватывающий характер, регулярное формальное выражение, системно-парадигматический уровень реализации и формально-грамматический статус [Моделирование... 2000: 16]. Такой всеохватывающий характер предикативных категорий, по мнению Н.Н.Болдырева, обусловлен «универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем» [там же]. В английском языке, например, сказанное в большей степени относится к категориям времени и наклонения, как характеризующим событие в его целостности. Любой глагол в предложении-высказывании, независимо от своей семантической принадлежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения. Категория же лица, в силу специфики строя современного английского языка, имеет «ограниченный» морфологический статус, сохранив только форму 3-его лица ед. числа, выражающую, скорее, грамматическую, согласовательную функцию. Другие значения этой категории реализуются на уровне синтаксиса с помощью дополнительных средств, в частности, с помощью соответствующих местоимений в функции подлежащего.

Вторую область категорий составляют те из них, которые представляют концептуальное содержание на уровне выражения субъектно-предикатных (пропозициональных) отношений. Сюда включаются глагольные категории числа, залога, аспекта (вида) и именные категории числа, падежа и рода, оформляющие субъектно-предикатные отношения. Они репрезентируют то, как связи между объектами реального мира отражаются в языке и, соответственно, ориентированы на собственно языковые знания.

Данные категории (в первую очередь, аспекта и залога) характеризуются определенной избирательностью в плане семанти-

ки глагольных лексем. Выражение соответствующих грамматических значений (аспектуальных и залоговых), отражающих фазовую и субъектно-объектную характеристики событий, непосредственно связано с дифференциацией лексико-грамматических классов глагольных лексем. Как известно, формы прогрессива и пассива возможны только у акциональных глаголов. Например, *Mary is speaking English now* и *English is spoken all over the world*. Ср. *The house belongs to Mr. White*. Но: **The house is belonging to Mr. White*; **The house was belonged to Mr. White*.

Третья категориальная область представлена именными морфологическими категориями числа и падежа, категорией степеней сравнения прилагательных и наречий, а также глагольной категорией аспекта и категорией детерминации, непосредственно связанными с категориями скрытой грамматики, такими как: конкретность / абстрактность, качественность / относительность, одушевленность / неодушевленность, предельность / неопределенность, определенность / неопределенность и т.д. Они репрезентируют концептуальное содержание на уровне собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов, семантики, ориентированной на внешний мир и его представление в языке. Данные категории направлены на отображение знаний о предметах и событиях мира, их взаимосвязях с точки зрения их влияния на использование языковых единиц и их систематизацию в языке.

Детальный анализ специфики каждой категориальной области как средства концептуализации и репрезентации в языке предполагает предварительное выявление общих закономерностей морфологической репрезентации.

4.2. Механизмы и факторы морфологической репрезентации

Морфологическая репрезентация представляет собой один из типов вербальных (языковых) репрезентаций, входящих в систему разделенных знаний, т.е. имеющих конвенциональный характер. Вследствие этого, она может рассматриваться как особый способ представления в языке концептуального содержания. Морфологическая репрезентация подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посред-

ством морфологических категорий и форм. Она обеспечивается благодаря существованию языковых знаний и направлена на их представление.

Процесс морфологической репрезентации достаточно сложен. Сложность связана, прежде всего, с тем, что в нем задействованы языковой и концептуальный уровни в их неоднозначном соотношении. Концептуальный уровень представлен морфологически передаваемыми концептами, которые создают когнитивную основу морфологической репрезентации. На языковом уровне задействованы морфологические категории и формы, которые репрезентируют определенные структуры знания, основанные на языковых знаниях и знаниях о том, как язык отражает мир.

Прежде чем показать специфику морфологической репрезентации, уточним общие закономерности представления в языке концептуального содержания. Первоначально любой концепт как единица знания представляет собой гештальт. Общее значение гештальтной структуры, как известно, не выводится из значений ее элементов, и составляющие ее элементы не существуют вне целого. Выделение конкретных характеристик концепта осуществляется при его активизации непосредственно в процессе речемыслительной деятельности. Концептуальное содержание различается по степени абстрактности и включает конкретно-образные и абстрактные характеристики. Концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц различных уровней (лексического, фразеологического, морфологического, синтаксического, текстового).

В соответствии с этим, когнитивная специфика морфологической репрезентации выглядит следующим образом. Первоначально представленные в форме гештальта концепты, в процессе активизации реализуются в виде множества своих характеристик, или смыслов различной степени абстрактности. Морфологические категории и формы, как известно, профилируют наиболее абстрактные концептуальные характеристики, которые активизируются через семантику данных категорий и форм. Другими словами, эти абстрактные характеристики и ложатся в основу формирования морфологически передаваемых концептов, представляющих собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания. Морфологически передаваемые концепты, в свою очередь, служат основой для формирова-

ния морфологических категорий как единства концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. Между составляющими содержание морфологически передаваемых концептов смыслами и конкретными значениями морфологических форм вследствие профилирования устанавливается отношение репрезентации, представленное по принципу «фон – фигура».

Значения языковых единиц, как известно, характеризуются относительно определенной когнитивной областью. Применительно к значениям морфологических форм в качестве такой когнитивной области и выступает морфологически передаваемый концепт, его содержательные и структурные характеристики. Общее содержание морфологически передаваемого концепта, таким образом, является фоном, а значение морфологической формы – фигурой. Фон устойчив и эта устойчивость создается за счет присутствия в содержании морфологически передаваемого концепта именно базовых, наиболее общих характеристик. Фигура подвижна, изменчива, подвержена переосмыслению. Иначе говоря, применительно к морфологической репрезентации фигура подразумевает конкретное содержание, передаваемое морфологическими формами в разных контекстах.

Поскольку содержание концепта обладает динамикой, то в речи он приобретает определенную конфигурацию, т.е. смысл. Через морфологические формы актуализируются основные смыслы, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта. Именно в результате актуализации и формируются грамматические (точнее, собственно морфологические) смыслы, которые имеют обобщенный характер и требуют дальнейшего уточнения и конкретизации.

Уточнение и конкретизация морфологических смыслов происходит на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов, что приводит к формированию различных лексико-грамматических смыслов. Необходимость привлечения дополнительных факторов связана с тем, что сам процесс формирования смысла, передаваемого любой языковой единицей в высказывании, оказывается интегративным и полифакторным. Это положение всесторонне аргументируется в рамках функционально-семиологического подхода (подр. см.: [Болдырев 1994б; 1995б]). К числу факторов, взаимодействующих с морфологическими формами и влияющих на формирова-

ние лексико-грамматических смыслов, относятся: лексическая семантика соответствующих языковых единиц (семантический фактор), структура предложения-высказывания (синтаксический фактор), ближайший лингвистический контекст, т.е. совокупность элементов предложения-высказывания, создающих условия для актуализации тех или иных лексико-грамматических смыслов и, тем самым, оказывающих влияние на их формирование (контекстуальный фактор). В процессе формирования лексико-грамматических смыслов под влиянием отмеченных факторов в основном концепте могут быть дополнительно активизированы характеристики, которые вместе с базовыми характеристиками морфологически передаваемого концепта ложатся в основу этих смыслов.

Из сказанного вытекает существенное для теории морфологической репрезентации положение о том, что морфология не просто и не столько передает собственные (морфологические) смыслы, но и, в первую очередь, служит базой для формирования широкого спектра других (в частности, лексико-грамматических) смыслов в рамках предложения-высказывания. Именно это положение предопределяет тот факт, что на уровне предложения (и на уровне языка в целом) морфология не существует изолированно, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности.

Другой причиной, объясняющей невозможность автономности морфологии, служит тот факт, что концептуальные характеристики, как правило, получают репрезентацию на различных языковых уровнях. При этом отсутствует жесткое однозначное соответствие, при котором бы та или иная концептуальная характеристика имела закрепленное в языке средство репрезентации (например, только лексическое или только фразеологическое и т.д.). Одна и та же характеристика может репрезентироваться на разных уровнях с помощью различных средств, и одно и то же языковое средство может репрезентировать одновременно несколько характеристик.

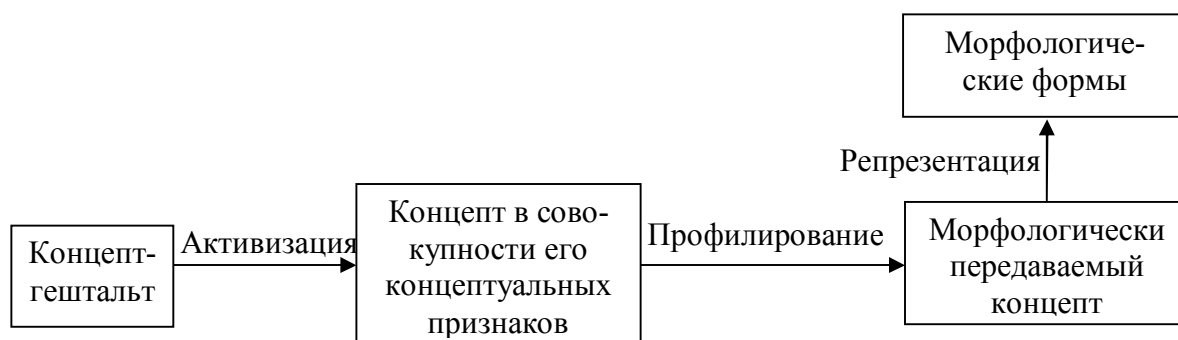
В содержании морфологически передаваемых концептов, как уже отмечалось, представлены в первую очередь, базовые концептуальные характеристики. Они активизируются соответствующими морфологическими формами (например, единственно-

го или множественного числа, настоящего, прошедшего, будущего времени, продолженного или непродолженного вида и т.д.), объединенными в рамках соответствующих морфологических категорий, при передаче конкретных грамматических смыслов.

Сказанное позволяет предположить, что характеристики морфологически передаваемых концептов имеют статус особых категориальных смыслов. Значимость данных категориальных смыслов объясняется следующими причинами. Во-первых, они служат основой для формирования грамматических (собственно морфологических) смыслов, составляющих содержание морфологических категорий, и в дальнейшем – лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации. Во-вторых, эти категориальные смыслы имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса.

Обобщая сказанное относительно морфологической репрезентации, можно сделать вывод, что: 1) морфологическая репрезентация осуществляется на основе когнитивных механизмов профилирования и абстрагирования; 2) в качестве ее языковых механизмов выступают морфологические формы, объединяемые в рамках морфологических категорий, на основе соответствующих морфологически передаваемых концептов; 3) морфологически передаваемые концепты, таким образом, создают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке. Наглядное представление о морфологической репрезентации дает схема 1.

Схема 1



На каждом из выделенных уровней концептуализации языковые средства репрезентации той или иной части концептуального содержания демонстрируют то, каким способом и в каких формах осмысливается мир человеком, а также то, какие характеристики окружающего мира фиксируются в тех или иных языковых фор-

мах. Тем самым, языковые средства различных уровней репрезентации раскрывают способы концептуализации мира в языке.

Между морфологическими категориями и концептами, которые они репрезентируют, также отсутствует одно-однозначное соответствие. В основе категории может лежать один концепт (категория числа), несколько концептов (категории вида, степеней сравнения), что может быть рассмотрено как следствие одной из общих тенденций, выделяемых Е.С.Кубряковой в развитии языковых категорий. Она называет это тенденцией к утере единого основания и дроблению ее «фокусов» или же переосмыслению [Кубрякова 1998: 10]. В то же время один и тот же концепт может репрезентироваться несколькими морфологическими категориями, что подтверждает идею о множественности воплощения когнитивных структур в языке. Так, например, концепт «КОЛИЧЕСТВО» передается категориями числа и степеней сравнения. Идея времени также, как отмечается большинством исследователей, находит языковую репрезентацию в двух морфологических категориях: времени и вида. Однако в каждой из этих категорий она преломляется по-разному. Более того, это дает основание утверждать, что время концептуализируется на разных уровнях: предикативности и сказуемости.

Сказанное позволяет сформулировать еще одно важное для теории морфологической репрезентации положение о том, что содержание концепта и содержание категории не совпадают (и не могут совпадать). В той или иной категории отображается только часть концепта. В частности, в морфологических категориях, как уже говорилось, репрезентируются устойчивые и регулярные характеристики, так называемые базовые характеристики концептов, существенные для всего строя языка. С другой стороны, морфологические категории репрезентируют именно базовые концепты концептуальной системы. Это приводит к тому, что такие значения, как временные, количественные имеют, как правило, обязательную морфологическую репрезентацию.

Иными словами, в морфологии выражено все, что значимо с точки зрения организации и функционирования языковой системы, то, что «обслуживает» ее существование и функционирование как средства репрезентации концептуальной картины мира. Поэтому активизация базовых характеристик происходит за счет морфологических форм без участия дополнительных средств.

Для активизации небазовых характеристик требуется участие других уровней языковой репрезентации. В этом плане морфологически передаваемые концепты имеют релятивный характер.

Отмеченные особенности отношений между морфологическими категориями и передаваемыми ими концептами, приводят к многообразию грамматических смыслов и форм их выражения (ср. в английском языке разнообразие форм передачи различных оттенков будущего и модальных значений), а также к «наслоению» категориальных смыслов (например, временных и аспектуальных) и возникновению сложных грамматических форм (в английском языке – система видовременных форм).

Все сказанное позволяет предположить, что концептуальная информация в языке структурируется по-разному, в зависимости от того, какое средство для этого используется. Так, лексика, скорее, расчленяет эту информацию. В отличие от лексики, морфология, в большей степени, представляет стандартизированное канонизированное языковое знание. Е.С.Кубрякова, в частности отмечает, что « в лексике язык предлагает достаточно большое количество средств языковой дискретизации материи и форм ее существования, грамматика обрабатывает конвенциональные формы описания положения дел или ситуаций с меньшим разбросом этих форм, зато во многих грамматических категориях отражаются, с одной стороны, **наиболее общие представления о членении мира** (выделено нами – Н.Б.), а, с другой – яснее всего сама альтернатива описания с небольшим числом возможных решений (ср. степени сравнения прилагательных или же категории вида или аспекта в глаголе)» [Кубрякова 2004: 486]. В этом плане морфология не выражает самостоятельного смысла, а участвует в его формировании как элемент конструкции и относит к соответствующей концептуальной области, и, тем самым, выполняет в отношении концептов релятивную функцию. Иными словами, морфологическая форма может рассматриваться как элемент внутри синтаксической конструкции, который вместе с ней формирует смысл. Представленные соображения согласуются с известной идеей о взаимодействии семантики и синтаксиса и морфологии в качестве техники их взаимодействия (подробнее см. 2.1.2).

Изучение любой лингвистической проблемы связано в первую очередь с теоретическим осмыслением и систематизацией

полученных данных. Для этого требуется применение соответствующих методов исследования. Поэтому дальнейшее наше изложение посвящено обоснованию того метода, который позволит выполнить одну из центральных задач исследования, а именно, теоретически осмыслить и систематизировать данные о способах и принципах концептуализации и репрезентации с помощью морфологических категорий и форм.

4.3. Метод исследования

Изучение морфологических категорий и форм с позиций когнитивного подхода предполагает использование методов, адекватных характеру предпринимаемого исследования, направленного на то, чтобы показать всю концептуальную систему языка, репрезентированную морфологически. Используемые сегодня в когнитивной лингвистике методы концептуального анализа, концептуального, или когнитивного моделирования, фреймового и прототипического анализа ориентированы в основном на работу с лексическим материалом. Они не позволяют в полной мере обеспечить решение поставленных в исследовании задач, что с необходимостью предполагает разработку специального метода.

В качестве такого метода предлагается применить **концептуально-репрезентативный метод**. Глубинным принципом данного метода является принцип причинно-следственного взаимодействия концептуализации и репрезентации в процессе функционирования языка как динамической системы, находящейся во взаимодействии с другими когнитивными структурами.

Концептуально-репрезентативный метод формулируется на основе синтеза методов, уже применявшихся в когнитивной и традиционной лингвистике: концептуального и репрезентативного. В этом смысле он не является абсолютно новым. По существу, он представляет собой дальнейшее развитие когнитивного направления применительно к изучению морфологических категорий и форм как средства объективирования и классификации знаний о мире в такой их разновидности как языковые знания. Однако синтез не предполагает механического (формального) объединения методов. Наоборот, в результате синтеза они сами получают несколько иную интерпретацию.

Как известно, в когнитивной лингвистике метод концептуального анализа, представляющий собой поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и обуславливают бытие знака как когнитивной структуры [Кубрякова 1991: 85], направлен на анализ структуры и содержания концептов. Анализ концептов подразумевает установление концептуальных характеристик через значения языковых единиц, репрезентирующих изучаемый концепт, их словарные толкования, речевые контексты [Болдырев 2000: 31]. Основное содержание концепта выявляется на основе сопоставления всех доступных средств его репрезентации как в самой системе языка, так и в речи. Неслучайно поэтому концептуальный анализ осуществляется в различных направлениях (подробно об этом см.: [Фрумкина 1992; Болдырев 2000; Попова, Стернин 2002; Гольдберг 2003]).

В рамках концептуально-репрезентативного метода концептуальный анализ представляет собой не просто анализ концептов и их концептуальных характеристик, а направлен на «выявление концептов в их двоякой функции – и как оперативных единиц сознания и как значений языковых знаков, т.е. как неких идеальных единиц, объективированных в языковых формах и категориях» [Кубрякова 1997: 24].

Репрезентативный метод также получает некоторое переосмысление в результате синтеза (взаимодействия) с концептуальным методом. В традиционной лингвистике под репрезентацией понималось отношение между двумя сторонами знака: означаемым и означающим. В семиологической грамматике с точки зрения репрезентации, осуществляемой языковыми элементами по отношению к объективной действительности, рассматривается содержательная структура языка (подробно см. [Степанов 2001; 2002]). Соответственно, репрезентативный метод в этих случаях оказывается элементарным семиотическим методом.

В отличие от традиционной лингвистики, в когнитивной лингвистике различаются и дифференцируются два типа репрезентаций: ментальные и языковые. Ментальные репрезентации устанавливают отношения между реальной действительностью и уровнем сознания, что служит образованию концептов и созданию концептуального уровня, который в свою очередь, оказывается основанием для языковой репрезентации уже отображенных в сознании явлений реальной действительности с помощью язы-

ковых форм и категорий. Таким образом, концептуально-репрезентативный метод – это не нечто среднее между концептуальным и репрезентативным методом, а соединение на новом уровне принципов двух методов, фактически приводящее к появлению самостоятельного метода.

Концептуально-репрезентативный метод понимается как такой способ теоретической систематизации языкового материала, при котором выявленные в системе языка морфологические категории и формы группируются в соответствии с их местом и ролью в репрезентации категориальной части концептуального содержания. В соответствии с таким пониманием, концептуально-репрезентативный анализ направлен, с одной стороны, на выявление концептуального содержания через значения языковых единиц (в частности, морфологических категорий и форм), а, с другой – на соотнесение выявленного концептуального содержания с различными уровнями его репрезентации и установление соответствий между концептуальными характеристиками и репрезентирующими их смыслами на разных языковых уровнях. Разработка предлагаемого метода в таком понимании применительно к морфологической репрезентации необходима, прежде всего потому, что морфология не представляет собой автономного языкового уровня, а обеспечивает технику языковой системы, неизбежно взаимодействуя с другими уровнями.

Таким образом, с учетом взаимодействия двух ключевых процессов – концептуализации и репрезентации – оказывается возможным более глубокий анализ и осмысление специфики языка как одной из когнитивных способностей человека и, прежде всего, его морфологии, фиксирующей наиболее существенные и важные когнитивные структуры, без которых человек не мог бы мыслить о мире и сформировать его определенный образ, или картину мира.

Метод концептуально-репрезентативного анализа представляет собой последовательное продолжение и углубление концептуального анализа с точки зрения выявления не только содержания концепта, но и того, как это содержание, формируемое совокупностью концептуальных характеристик, представлено в языке, какие уровни и как в каждом конкретном случае задействованы в его репрезентации. Предлагаемый метод оказывается тем самым механизмом, который позволяет установить, как соот-

носятся между собой языковая и ментальная репрезентации. Он дает возможность добиться не только достаточной полноты, но и в первую очередь – объяснительной силы описания. Продемонстрируем применение данного метода в дальнейшем анализе закономерностей морфологической репрезентации концептуального содержания.

4.4. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне выражения предикативных отношений

Как отмечалось выше, репрезентация концептуального содержания на уровне выражения предикативных отношений осуществляется с помощью глагольных морфологических категорий лица, времени и наклонения. Они репрезентируют концепты «ВРЕМЯ», «ОТНОШЕНИЕ». Рассмотрим особенности репрезентации концептуального содержания на уровне выражения предикативных отношений на примере категории времени.

Время оказывается одним из наиболее сложных концептов в концептуальной системе. Прежде чем перейти к анализу особенностей морфологической концептуализации и репрезентации времени в языке, рассмотрим некоторые характеристики времени как онтологической категории. Для этого попытаемся первоначально установить признаки, лежащие в основе онтологической категории времени. При определении признаков будем опираться на философскую и физическую трактовку времени.

4.4.1. Время как онтологическая категория

Реальное время имеет две группы физических характеристик: метрические и топологические. К метрическим характеристикам относятся протяженность и длительность [Физика ... 1998: 592]. Эти характеристики «выступают как предельно широкие категории, в которых отражаются общие связи и отношения объективного мира» [Любинская 1966: 8]. На метрические характеристики времени, в основном, влияют свойства пространства. Кроме того, они обнаруживают связь с событиями, так как любое событие предстает как нечто длительное, обладающее началом и концом [Lakoff, Johnson 1999].

К топологическим характеристикам времени относятся: размерность, непрерывность, связность, порядок и направленность [Физика ... 1998: 592]. Характеристики непрерывности и связности присущи времени как форме существования материи, так как неотъемлемым свойством материи является движение, которое определяется как непрерывное изменение. Размерность, порядок и направленность времени напрямую зависят от свойств событий. Более того, свойства событий связывают размерность времени с такой его философской характеристикой, как делимость, а направленность – с необратимостью.

Порядок и направленность характеризуют экстенсивную и интенсивную структуру времени как процесса. Говоря о порядке времени, имеют в виду распределение времени как процесса на отдельные элементы. Существенную роль в этом играют качественные отличия одного элемента процесса от других и лежащие в основе этих различий качественные сравнения элементов. При фиксации «порядка времени» эти два момента как бы соединяются: качественные различия дают возможность разделить отдельные элементы процесса, противопоставить их друг другу, а отвлечение от всех этих различий – связать друг с другом как элементы одного процесса на одной линии течения времени.

Именно порядок времени, т.е. выделение элементов процесса и связей между явлениями, существующими одновременно, характеризует экстенсивную структуру времени. Типичный пример экстенсивной структуры – время, взятое с определенной точки зрения. Ведь события не только приходят одно на смену другому, но и существуют одновременно.

Направленность времени является характеристикой отношения. Иногда ее образно называют «стрелой времени». Она характеризует интенсивную структуру времени, т.е. связи и отношения между элементами (событиями), последовательно сменяющимися друг друга. Именно в интенсивной структуре выделяются понятия прошлого, настоящего и будущего, которые указывают на последовательность меняющихся событий, смену их друг другом.

Таким образом, основными характеристиками времени как онтологической категории являются длительность, протяженность, размерность, порядок, направленность, непрерывность, связность. Реальное время, также как и действительность в це-

лом, не отражается напрямую в языке. Это подтверждается и фактами самого языка. В частности тем, что события, относящиеся к прошлому или будущему, не всегда обязательно выражаются формами прошедшего или будущего времени (ср. также [Штелинг 1996]). Отражением реального времени являются представления и понятия о нем, т.е. концептуализация времени человеком.

Сложность времени и его многоаспектность как онтологической категории обуславливают многоуровневость его концептуализации, а в дальнейшем, и различия в передаче временных отношений и значений в языке. Исследователи отмечают, что в разных языках по-разному выражается одно и то же время, более того, разные языки создают разные конструкции самого времени и по-разному представляют его (см.: [Теория... 1990]). Поэтому следующим этапом нашего анализа становится рассмотрение особенностей концептуализации времени. При их выявлении будем исходить из нетождественности онтологического и концептуального уровней и из того факта, что концептуальный уровень обусловлен онтологическим.

4.4.2. Особенности концептуализации времени

Процесс концептуализации времени и формирования соответствующего концепта представляется как сложный и многоуровневый. Первоначально «зарождение таких общих понятий как «время», «пространство», «природа» сопровождало процесс выделения объектов, осмысления их отношений к другим объектам и явлениям мира» [Любинская 1966: 25]. Поэтому, по мнению Л.О. Резникова, они остаются связанными с конкретными представлениями об окружающих вещах, лишь постепенно приобретая более отвлеченное значение [Резников 1946: 221-222]. Иными словами, абстрактное понятие времени оформлялось на базе конкретных представлений и первоначально осмыслялось в связи с конкретными событиями и процессами, качественно разнородными, дифференцированными.

В свою очередь, высокая степень абстрактности времени требует того, чтобы в процессе концептуализации в сознании человека представления о времени соотносились бы с другими, более наглядными понятиями. Иначе говоря, концептуализация времени первоначально осуществляется по традиционной схеме

от конкретного к абстрактному. Однако дальнейшее формирование характеристик в содержании концепта «ВРЕМЯ» происходит под влиянием конкретных сущностей. В соответствии с теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, время концептуализируется не непосредственно, а в основном, опосредованно в терминах событий, пространства и движения. При этом центральную роль в процессе концептуализации времени играет событие. Как отмечают авторы, у человека нет возможности наблюдать время как субстанцию, поэтому он познает время, наблюдая и сравнивая события [Lakoff, Johnson 1999: 137-139]. Однако это не означает, что у человека нет опыта реального времени как такового. Просто человеческий опыт реального времени всегда соотносится с опытом событий и основывается на нем. Иными словами, время как в сознании, так и в языке чаще всего воплощается в терминах событийности [там же]. Это обеспечивает осмысление ряда онтологических характеристик времени сквозь призму событий. Так, такая характеристика, как порядок времени осмысляется как различная соотнесенность событий между собой в терминах их одновременности, предшествования и следования. Другая онтологическая характеристика «направленность времени» создает основу для осмысления последовательности событий как настоящих, прошедших, будущих и формирования соответствующих концептуальных характеристик в содержании концепта «ВРЕМЯ», а также таких характеристик, как обратимость, разнонаправленность и (не)упорядоченность. Размерность времени под влиянием событий концептуализируется как многомерность (ср. [Тураева 1979: 13-30]).

Наряду с событием, при концептуализации времени важным оказывается взаимодействие его с пространством. Следует при этом напомнить, что трактовка пространственно-временных отношений до сих пор остается дискуссионной. Согласно одной из точек зрения, утверждается неразрывная связь пространственных и временных отношений и существование в прошлом нерасчлененных, единых пространственно-временных характеристик. В качестве доказательства исследователями приводится факт наличия в языке таких слов, как «далеко», «позади», «впереди», относящихся, строго говоря, к пространственным отношениям, и применяемых для характеристики временных отношений. Существует также точка зрения о том, что пространственные отноше-

ния были выделены раньше, чем временные. Основой для нее служат данные психолингвистов о том, что в онтогенезе человека первичным является умение ориентироваться в пространстве, а умение ориентироваться во времени развивается гораздо позже (подр. см. [Любинская 1966]). О пространственном происхождении времени в филогенетическом, онтогенетическом, а также синхронном плане говорит Б.Н. Телин (см. подробнее в [Телин 1998: 435]). В качестве существенного момента следует отметить, что концептуализация времени в терминах пространства происходит не изолированно, а на основе взаимодействия пространства и события. Именно под их влиянием формируется концептуальная характеристика «длительность» (Ср. [Lakoff, Johnson 1999]).

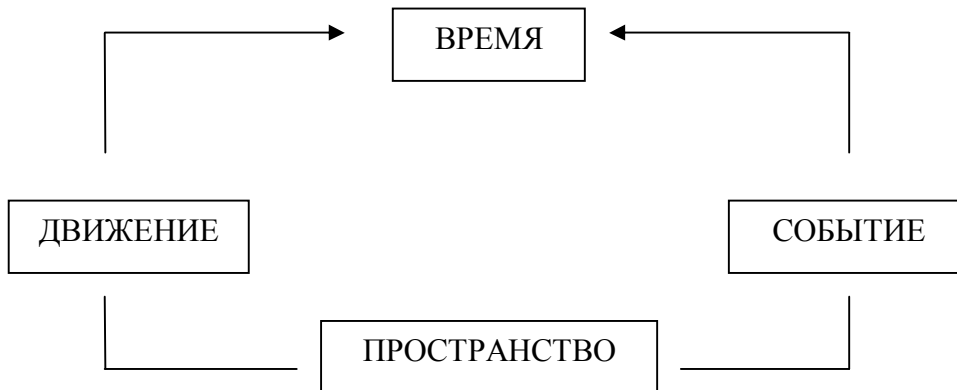
В концептуализации времени большую роль играет движение в пространстве. Еще Аристотель считал, что время органически связано с движением и представляет собой его количественную характеристику [Аристотель 1936: 75]. В концептуальной системе движение первично, и время понимается в терминах движения. По данным физиологов, в головном мозге человека существует область, которая отвечает за определение направления движения, но соответствующая область, которая бы отвечала за определение глобального времени, отсутствует [Любинская 2002]. Это означает, что движение воспринимается человеком непосредственно и может служить в качестве исходной, базовой области для концептуализации времени и временных отношений. В терминах движения осмысляются такие характеристики времени, как непрерывность и связность. Под влиянием движения онтологическая непрерывность времени на концептуальном уровне осмыляется как единство прерывности и непрерывности, что и формирует такую концептуальную характеристику, как непрерывность/прерывность.

Таким образом, только наименьшая часть представлений о времени является результатом чистого опыта реального времени. Как следствие этого, концепт «ВРЕМЯ» тесно связан с такими концептами, как «СОБЫТИЕ», «ДВИЖЕНИЕ», «ПРОСТРАНСТВО». При этом он сохраняет значительную роль в структурировании концептуальной системы. Иными словами, представления о событиях, пространстве и движении составляют исходную базу для формирования одного из фундаментальных концептов человеческого сознания – концепта «ВРЕМЯ». Как следствие,

время, будучи четвертым измерением, является обобщением характеристик других измерений.

Представление об иерархии этих понятий дает приводимая ниже схема 2, которая отражает определенную рядоположенность концептов «ПРОСТРАНСТВО», «ДВИЖЕНИЕ», «СОБЫТИЕ» и обобщающую роль по отношению к ним концепта «ВРЕМЯ».

Схема 2



Сказанное выше позволяет заключить, что время предстает как интегральный, синтетический феномен, концентрирующий в себе наиболее общие свойства и зависимости мира и нашего познания. В связи с этим Л.Н.Любинская определяет время как «отношение между многими особым образом взаимодействующими между собой системами» [Любинская 1966: 7]. Как следствие, по своей структуре и специфике содержания «ВРЕМЯ» относится к числу наиболее сложных концептов, существенных для организации концептуального пространства, выступающих как главные рубрики его членения. Именно поэтому средства его репрезентации занимают особое место среди языковых механизмов концептуализации знаний и способов представления этих знаний в речевой деятельности, а также как средство объяснения нашего познания и понимания мира при анализе самого концептуального содержания. Как справедливо замечает Л.Н. Любинская, «... исследование объективных процедур измерения времени в физике, анализ «биологических часов», предвосхищение и проектирование будущего, философский анализ категории времени – все это становится возможным потому, что время фиксируется и выражается в языке, в его лексике и грамматическом строе» [Любинская 1966: 24].

Представленные закономерности концептуализации времени и формирования соответствующего концепта позволяют выделить в его содержании следующие характеристики: настоящее, прошедшее, будущее, обратимость, разнонаправленность, упорядоченность, многомерность (размерность), длительность, непрерывность/прерывность, одновременность, предшествование, следование. Выделенный набор характеристик, конечно же, не является исчерпывающим и может быть дополнен в результате анализа семантики соответствующих языковых средств, так как известно, что именно язык дает доступ к концептуальному содержанию. Перейдем далее к более подробному изучению морфологической концептуализации времени в языке.

4.4.3. Концептуализация времени в языке и формирование морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ»

Концептуализация времени в языке тесно переплетена с различными компонентами когнитивной (познавательной) деятельности – восприятием, памятью, воображением. Само подразделение времени на «прошедшее», «настоящее», и «будущее» как высокое отвлечение, по мнению Л.П. Якубинского, есть относительно позднее явление истории мысли [Якубинский 1953]. Б.А. Серебренников даже высказывает предположение о том, что в архаических языках категория времени была развита слабо [Серебренников 1970: 46]. Более того, исследователи диахронических процессов в индоевропейских языках утверждают, что в какой-то период языкового развития в глаголе вообще не проводилось разграничение между настоящим и прошедшим временем. И.А. Перельмутер, в частности, пишет: «Хотя установление морфологических различий между формами настоящего и прошедшего времени относится, по видимому, к значительно более отдаленному периоду, в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие воссоздать такое языковое состояние, при котором этих различий вовсе не существовало» [Перельмутер 1969: 11].

При описании особенностей концептуализации времени дискуссионным остается, в частности, вопрос о том, какие связи получили свое выражение раньше: относящиеся к характеристике будущих или прошлых событий. По мнению Дж. Уитроу, сначала

в сознании фиксировались устремления в будущее и лишь затем стало выражаться прошлое и его порядок [Уитроу 1964: 73].

Согласно другой точке зрения, развиваемой в работах А. Спиркина, сначала нашли свое отражение события прошлого, а потом уже стало выражаться будущее. Он, в частности, пишет: «Можно думать, что вслед за осознанием момента действия в настоящее время происходил процесс осознания уже совершенных действий в прошлом, результаты которых неизбежно включались в действия в настоящее время. Ориентация сознания на будущее время оформилась позже, на более высоком уровне развития человека. Материалы по истории языков указывают на сравнительно позднее образование понятия о будущем времени» [Спиркин 1960: 419]. Данная точка зрения находит подтверждение в истории развития и древнегерманских, и древнерусского языка.

Аналогичной точки зрения на проблему будущего времени придерживается Б.А. Серебренников. По его мнению, объяснить более позднее происхождение форм будущего времени нетрудно, если учесть, что мышление древних людей было более конкретным. Действие, выражаемое формами настоящего времени, может быть непосредственно наблюдаемо, действие плана прошлого может быть лично пережито говорящим, составлять содержание его опыта. Будущее же действие предполагает действие планируемое, фактически еще неосуществившееся и нереальное, которое необходимо представить абстрактно. Вследствие этого, будущее время как более отвлеченное и абстрактное возникает значительно позднее по сравнению с настоящим и прошедшим временем. По утверждению индоевропейцев, например, индоевропейский праязык не имел специальной формы будущего времени (подр. см. [Серебренников 1970: 46-49]).

В языковом преломлении понятия «настоящего», «прошедшего» и «будущего» приобретают определенную специфику. Так, например, настоящее в физическом смысле представляет собой величину, лишенную измерений, мгновение, условно разделяющее прошедшее и будущее. Настоящее в языке употребляется в абстрагированном значении, как широкий временной синтез, поэтому грамматическое настоящее по своей семантике весьма обширно. Его формы передают как действия, совпадающие с моментом собственно настоящего (т.е. непосредственно с моментом речи), так и действия выходящие непосредственно за его пределы (подробнее об этом см. [Пособие ... 1974: 78]). В этой особенности отражает-

ся специфика восприятия настоящего. Как отмечают авторы пособия по морфологии современного английского языка, психологически настоящее осознается не только как момент, разделяющий прошедшее и будущее, но и как некоторая фаза, имеющая определенную протяженность, и практически захватывающая и часть областей прошедшего и будущего [там же]. Трудности при этом возникают, по мнению Л.Н.Любинской, из-за необходимости «соотнести ход событий, непосредственно происходящих в объективной действительности, во внешней по отношению к человеку среде, с внутренним миром человека, с последовательностью его переживаний, мыслей и чувств» [Любинская 1966: 29]. Иными словами, концептуализация настоящего связана с непосредственным соотнесением событий окружающей действительности с их восприятием человеком. В этом смысле у настоящего времени отсутствует дистанция между временем обозначаемой ситуации и моментом речи как центром временного дейксиса [Теория... 1990: 21].

Настоящее время не имеет на временной оси каких-либо пограничных точек, отделяющих его от прошедшего и будущего. Это дает основание некоторым авторам говорить, с одной стороны, о беспризнаковости и неопределенности настоящего времени (см.: [Виноградов 1947; Якобсон 1998а; Исаченко 1960]), а с другой – об одновременности настоящего времени с моментом речи (см., например, [Comrie 1986]). Разнообразие толкований связано с тем, что языковое настоящее время противоречиво по сути. По мнению Е.В. Петрухиной, противоречивость проявляется в том, что настоящее время является одновременно и наиболее широким временным планом, и актуальным настоящим, совпадающим с моментом речи, мигом, разделяющим прошлое и будущее (подр. см. [Петрухина 2005: 116 и след.]). Такая специфика настоящего находит свое проявление в передаваемых смыслах, анализ которых проводится в настоящей работе (см. 4.4.4).

В отличие от настоящего, прошлое – это то, что непосредственно не переживается. Но, несмотря на это, оно становится объектом нашей мысли и ее словесного выражения. Это происходит благодаря существованию памяти. События прошлого, отраженные в человеческой памяти, представляют собой сохраненную соответствующим образом и переработанную информацию, которая имеет значимость, ничуть не отличающуюся от значимости

информации, которую представляет непосредственная действительность. Таким образом, при рассмотрении концептуализации прошлого возникает необходимость разграничивать объективные характеристики самих процессов и характеристики наших знаний о них.

Наши представления о прошлом являются результатом синтетической познавательной деятельности, а их объективной основой – материальные следы процессов во «временном объеме». Эти следы служат знаками событий прошлого. Для того чтобы расшифровать заключенную в них информацию, необходимо знание причинно-следственных отношений между процессами и следами этих процессов. В ходе такой расшифровки исключительную роль играет человеческий фактор, а именно, наша логика и знание причинно-следственных отношений. Таким образом, концептуализация прошлого связана с воспроизведением событий, прошедших обработку и хранящихся в памяти человека.

При характеристике течения событий во времени существенное значение имеет понятие будущего. В понятии будущего также необходимо выделять объективную основу и наши представления о будущем, т.е. идеальную субъективную сторону. В качестве объективной основы будущего выступают те или иные тенденции в развитии материальных систем. В них, наряду с непрерывными качественными изменениями, всегда существует и может быть выделена устойчивая основа, относительно которой эти изменения имеют место. Такой основой может быть та или иная система, которая сохраняет свою сущность, но вместе с тем, эволюционирует. Иными словами, наличие прочных, устойчивых связей и отношений, наличие законов сохранения как бы «обеспечивает» существование будущего [Любинская 1966].

Рассмотрение проблемы представления времени в языке с позиций когнитивного подхода, позволяет предположить, что концептуализация времени в языке непосредственно связана с формированием классификационного, морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ». Основой для его формирования служит фундаментальный концепт «ВРЕМЯ». Последний, в свою очередь, возникает в результате осмысления знаний о мире, а именно знаний о времени как форме существования материи. Его содержание, соответственно, включает знание философских и

физических характеристик времени. Как было показано выше, этот концепт имеет зависимый, относительный характер, его содержание уточняется во взаимосвязи с другими концептами.

Выделение морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» происходит на основе действия когнитивного механизма профилирования. Морфологическая категория времени профилирует такие характеристики концепта «ВРЕМЯ», как «настоящее», «прошедшее», «будущее». Эти характеристики и ложатся в основу формирования морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ». Именно на их основе возникает морфологически передаваемый концепт «ВРЕМЯ», который, в свою очередь, выступает в качестве когнитивной основы одноименной морфологической категории.

Содержание морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» отражает то, каким образом время концептуализировано в языке. Язык, как известно, концептуализирует не реальное время совершения событий, а события прошлые, настоящие и будущие относительно момента речи. Следовательно, рассматриваемый концепт включает в себя знания о мире, как они отражены языком, а именно, знания о том, как время представлено в языке, и знания грамматических значений и форм, объединяющихся в рамках морфологической категории времени, т.е. собственно языковые знания. Морфологически передаваемый концепт «ВРЕМЯ», таким образом, представляет собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания о времени.

Сказанное позволяет заключить, что морфологически передаваемый концепт «ВРЕМЯ» – это одновременно и определенная единица концептуального уровня, репрезентируемая с помощью морфологической категории времени и ее форм, и концепт, лежащий в основе формирования этой категории и реализующийся в виде конкретных грамматических (а точнее, собственно морфологических) смыслов. Тем самым данный концепт обуславливает характеристики элементов, принадлежащих к категории времени.

Как классификационный по своей природе концепт, он ориентирован на говорящего субъекта и на систему языка. Это имеет своим следствием тот факт, что выбор той или иной временной формы позволяет говорящему по-разному представить и интер-

претировать одну и ту же ситуацию. Особенно это характерно для ситуаций, связанных с передачей будущих действий. Использование формы Future Simple в английском языке ориентировано на представление какого-либо события как гипотетически возможного, но уверенность в его совершении у говорящего минимальная (The train will arrive at 5). В том случае, когда говорящий располагает достоверной информацией о времени прибытия поезда (знает расписание движения) используется форма Present Simple (The train arrives at 5), что подчеркивает актуальность совершения действия и реальность его осуществления.

Аналогичным образом можно интерпретировать и следующую пару примеров: They will come tomorrow. / They are coming tomorrow. Если в первом случае приезд рассматривается как возможный, но не обязательно осуществимый, то во втором случае – использование формы настоящего представляет ситуацию как реальную, ибо о приезде имеется договоренность и говорящий располагает необходимой информацией о факте приезда. Иными словами, использование различных временных форм позволяет по-разному представить одну и ту же ситуацию и «высветить» разные ее аспекты. Приведенные языковые факты согласуются с принимаемой в когнитивной лингвистике идеей о способности человека представлять себе и описывать одну и ту же ситуацию с помощью разных языковых форм. Язык, в свою очередь, располагает средствами для интерпретации одной и той же ситуации множеством разнообразных способов, что и обеспечивает значительную роль языка в процессе концептуализации (ср. также: [Langacker 1987; Newmeyer 1992; Булыгина, Шмелев 1997, Кубрякова 2004]).

4.4.4. Морфологическая категория времени как средство репрезентации концептуального содержания

Как следует из сказанного выше, морфология представляет время как делимое на настоящее, прошедшее и будущее, что закреплено в существовании специальных морфологических форм. В английском языке они представлены как флективными, так и аналитическими формами. Между составляющими содержание

морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» смыслами и конкретными значениями морфологических форм настоящего, прошедшего и будущего вследствие профилирования устанавливается отношение репрезентации, представленное по принципу «фон-фигура». Морфологически передаваемый концепт «ВРЕМЯ» выступает в качестве когнитивной области применительно к значению морфологических форм времени. Его характеристики служат основой для формирования значений этих форм, т.е. фоном, а сами значения морфологических форм времени – фигурой. Именно через морфологические формы времени актуализируются основные смыслы, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ».

Процесс актуализации сопровождается преломлением общих концептуальных характеристик настоящего, прошедшего и будущего сквозь призму момента речи. Для говорящего настоящим будет являться время, каким либо образом совпадающее с моментом речи; прошедшее будет захватывать область до момента речи, а к будущему будут относиться события после него. Таким образом, момент речи является центральным понятием, от которого отталкивается говорящий при выборе средств репрезентации времени. Он рассматривается в качестве дейктического центра на индивидуальной временной оси. Иначе говоря, временные формы настоящего, прошедшего и будущего маркируют осмысление ситуации как одновременной, предшествующей или следующей за моментом речи. Тем самым момент речи выступает в роли естественной границы, определяя конечную точку прошедшего и начальную точку будущего (ср. определение категории времени, данное в [Телин 1998]). Таким образом, в качестве базовой характеристики морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» можно рассматривать релятивность.

В результате актуализации этой характеристики с помощью морфологических форм настоящего, прошедшего и будущего времени и возникают собственно морфологические смыслы одновременности, предшествования и следования, которые носят максимально обобщенный (абстрактный) характер. Например, форма *writes* (пишет) включает в себе отношение одновременности, *wrote* (писал) – предшествования, *will write* (напишет) – следования. Иначе говоря, формы настоящего, прошедшего и буду-

щего времени локализуют ситуацию либо как совпадающую с моментом речи, либо как предшествующую моменту речи, либо как следующую за моментом речи, актуализируя соответствующие морфологические смыслы. При этом они не указывают на то, что ситуация происходит в какой-либо конкретный момент, предшествующий моменту речи или следующий за ним, или в более длительный период времени или в течение неопределенного промежутка времени, предшествовавшего моменту речи или следовавшего за ним. Кроме того, форма прошедшего времени, локализуя ситуацию в прошлом, не указывает, продолжается ли она вплоть до настоящего момента или нет.

Однако полноценная коммуникация требует уточнения и конкретизации обобщенных морфологических смыслов. Их конкретизация происходит в предложении-высказывании под влиянием дополнительных лингвистических факторов, так как сами морфологические формы времени не несут в себе конкретного указания на разную степень соотнесенности с моментом речи и точную локализацию действия на временной оси. Из числа выделенных нами факторов (см. 4.2), в данном случае особую значимость приобретают синтаксический фактор (структура предложения), так как категория времени обладает синтаксической значимостью, и контекстуальный (ближайшее окружение). В меньшей степени свое влияние в этом случае оказывает семантический фактор. Это связано с тем, что, как уже отмечалось, реализация категории времени не имеет жесткой «привязки» к семантике глагола, и актуализация собственно морфологических смыслов никак не связана с лексической семантикой глагола. Под влиянием отмеченных факторов в общем концепте «ВРЕМЯ» актуализируются дополнительные характеристики, которые вместе с базовыми характеристиками ложатся уже в основу полноценных лексико-грамматических смыслов.

Формирующиеся на основе собственно морфологических лексико-грамматические смыслы указывают не просто на одновременность, предшествование и следование ситуации моменту речи, но и демонстрируют разную степень связи и соотношения ситуации с моментом речи. И это представляет одну из существенных характеристик при их анализе. В силу отмеченной специфики, особую роль приобретают аспектуальные свойства ситуации, т.е. те или иные характеристики протекания и распреде-

ления ее во времени. В частности, соотношение ситуации с моментом речи может принимать различную форму в зависимости от ограниченности или неограниченности ситуации каким-либо пределом, от степени конкретности/обобщенности ситуации и ее участников и т.д.

Эта закономерность наиболее четко прослеживается в английском языке, в котором, как известно, отсутствует система чисто временных форм как, например, в русском языке. В ходе исторического развития в английском языке сформировалась сложная система, традиционно называемая системой видо-временных форм, которая отражает специфику осмысления и языкового представления такой многомерной онтологической сущности как время. Как известно, в английском языке можно говорить о четырех формах настоящего (Present Simple, Present Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous), четырех формах прошедшего (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous) и четырех формах будущего (Future Simple, Future Continuous, Future Perfect, Future Perfect Continuous). Поэтому вычленение чисто временных смыслов в настоящей части работы связано с исключительно исследовательскими целями и носит в значительной степени условный характер. Как следствие в качестве дополнительного лингвистического фактора при формировании лексико-грамматических смыслов, наряду с уже выделенными, в данном случае выступают аспектуальные формы глагола. Продемонстрируем это на примере смыслов, передаваемых формами настоящего, прошедшего и будущего времени.

Формы настоящего времени направлены в первую очередь на актуализацию смыслов, передающих одновременность действий с моментом речи. Дальнейшее их уточнение происходит на базе форм настоящего времени под влиянием дополнительных лингвистических факторов. В результате формируются следующие смыслы, имеющие лексико-грамматический характер.

Моментальное настоящее предполагает непосредственное совпадение ситуации с моментом речи. Такие действия в настоящем передаются формами Present Simple, Present Continuous в различного рода репортажах, комментариях и демонстрациях, суть которых заключается как раз в озвучивании наблюдаемых или производимых действий.

Например: (комментарий во время скачек) Red Rover **crosses** the finishing line [Comrie 1986: 37].

MacFee **passes** to Franklyn. Franklyn **makes** a quick pass to Booth. Booth is away with the ball, but he **is loosing** his advantage [Alexander: 166].

(Ср. аналогичные случаи в русском языке. Он отбирает мяч и забивает гол [Князев 1997]).

Время в этом случае часто предстает как последовательность событий. Формирование данного смысла происходит под влиянием синтаксического фактора, так как форма Present Simple употребляется в определенной модели предложения, а именно, в предложении с однородными сказуемыми, а также при участии аспектуальных форм (Continuous, Simple). Например:

First I **put** a lump of butter into the frying pan and light the gas, then I **break** three eggs into a bowl [Swan 1997: 144].

При выражении непосредственного совпадения действия с моментом речи, т.е. при передаче смысла «моментальное настоящее» существенным в некоторых случаях оказывается и прагматический фактор, предполагающий учет прагматической направленности высказывания. Речь идет о так называемых перформативах и передаваемых в них (чаще всего глаголами говорения в Present Simple) действиях. Например:

And I **declare**, on my word of honour, that what I am now to write is, strictly and literally, the truth [Collins 1994: 11].

I **name** this ship the 'Titanic' [Comrie 1986: 37].

I **forgive** you [Fitzgerald: 31].

I **declare** this exhibition open [Alexander: 167].

Перечисленные случаи в наибольшей степени согласуются с собственно идеей одновременности действия с моментом речи, так как речь идет о действиях начало и конец которых полностью совпадают с моментом речи. Хотя само произнесение того или иного высказывания занимает некоторое время, данные ситуации концептуализируются в языке как моментальные и непосредственно совпадающие с моментом речи, что и находит отражение в использовании форм Present Simple. Анализируемые далее смыслы иллюстрируют относительность идеи одновременности, или более широкое ее толкование.

Продолженное настоящее подразумевает состояния и процессы, которые имеют место в момент речи, но которые начались

до момента речи и будут продолжаться после него. Иными словами, речь идет о событиях, занимающих более длительный промежуток времени, чем непосредственно момент речи. При этом сам момент речи включается в данный промежуток времени. Рассматриваемый смысл формируется на основе формы настоящего времени Present Continuous под влиянием контекстуального фактора. Последний предполагает наличие в предложении-высказывании обстоятельств времени, указывающих на продолжительность периода времени, в течение которого совершается действие, а также и общий контекст ситуации. Это связано с тем, что неограниченность ситуации моментом речи не может быть выражена собственно морфологически. Например:

You **are working** hard today [Murphy 1994: 2].

“You **are teasing** yourself, my dear” [Fitzgerald: 51].

The author **is working** on chapter two [Comrie 1986: 37].

“All right”, I said. “But don’t forget he’s **looking** for her and he’s a man who would bear down [Chandler: 42].

He killed a nigger over on Central this morning because he wouldn’t tell him where Velma was. Now he’s **looking** for the fink that turned him up eight years ago [Chandler: 36].

Важное место при формировании данного смысла занимают аспектуальные характеристики, что и объясняет использование форм Continuous. Определенную роль при этом играют также семантико-грамматические особенности глагола, так как в передаче рассматриваемого смысла задействованы только глаголы в неопределенных значениях. Важен в подобных случаях и учет знаний о мире (фоновых знаний), позволяющих определить, что данная ситуация относится к более широкому временному промежутку, включающему в себя и момент речи.

В качестве частного случая рассматриваемого смысла выступают повторяющиеся действия, воспринимаемые как целостная длительная ситуация. В этом употреблении акцентируется длительность процесса и его незавершенность, что достигается за счет использования глаголов соответствующей семантики (глаголов, передающих повторяющиеся действия), т.е. семантического фактора, а также контекстуального фактора (использование наречий, указывающих на продолжающееся действие, существительных во множественном числе в функции объекта). Например:

Why **are you jumping up and down**? [Hewings 2000: 2].

“Business **is still making efforts** to recover from the war years”, he said [McDermott: 123].

Действия, охватывающие период времени, начавшийся в прошлом и продолжающийся до момента речи, включая его, могут рассматриваться в качестве еще одного частного случая такого смысла как продолженность действия. В данном случае акцентируется длительность совершения действия, что достигается за счет употребления формы Present Perfect Continuous. На ее основе и под влиянием контекстуального фактора происходит формирование рассматриваемого смысла. Например:

I’ve been meaning to phone Jack since I heard he was back in the country [Hewings 2000: 14].

“**You’ve been making** this deal some time?” [Chandler: 55].

“**We’ve been negotiating** by telephone for several days --- through me” [Chandler: 59].

Обобщенное настоящее. Здесь речь идет о действиях в настоящем, происходящих безотносительно к моменту речи, а именно, привычных повторяющихся, узуальных действиях, констатации фактов, формулировках общеизвестных истин, законов природы и общества. Например:

Katherine **gets** butterflies every time he stops in for a cup of coffee [Girzone: 5].

I leave work at 5.30 most days [Hewings 2000: 2].

“You **have** a somewhat peculiar sense of humour”, he said [Chandler: 54].

Zurich **is** not unlike an American city [Fitzgerald: 7].

Water **boils** at 100 Celsius [Swan 1997].

Ultra-violet. It **makes** certain metallic inks glisten in the dark [Chandler: 59].

(Ср. анализ аналогичных случаев в русском языке в [Петрухина 2005: 117]).

Е.В. Петрухина объясняет возможность такого грамматического осмысления рассматриваемых действий тем, что «для говорящего они являются, вследствие их устойчивости и стабильности, актуальными характеристиками объектов, действительными и для момента речи» [Петрухина 2005:117].

Как видно из представленных примеров, формируются данные смыслы на базе форм настоящего времени, преимущественно

Present Simple, под влиянием контекстуального фактора. В предложении-высказывании присутствуют обстоятельства времени, частотности, указывающие на периодичность, повторяемость действий. Для констатации фактов используются глаголы to be, to have в соответствующей форме (Present Simple). Таким образом, можно говорить о существовании в английском языке морфологических средств, позволяющих отграничивать обобщенное настоящее. При этом концептуализируются какие либо свойства или качества кого-либо или чего-либо, сохраняющие свою актуальность в момент речи.

Форма настоящего времени (Present Perfect) служит основой для формирования такого смысла, как *результативное настоящее*. Речь идет о действиях совершившихся в прошлом и связанных с моментом речи через их результат, тем самым подчеркивается именно актуальность результата действия для момента речи. В данном случае морфологическая форма профилирует идею результативности с точки зрения временной характеристики. Например:

1801 – I **have just returned** from a visit to my landlord the solitary neighbour that I shall be troubled with [Bronte: 19].

Prices **have decreased** by 7 % [Hewings: 16].

You look hot. – Yes, I **’ve been running** [Swan: 159].

Формирование этого смысла происходит под действием контекстуального фактора. В предложении-высказывании присутствуют обстоятельства, указывающие на завершенность действия к моменту речи.

В качестве частного случая могут быть выделены действия, произошедшие в прошлом по отношению к моменту речи, но связанные с ним через общий период времени. Основу для формирования этого смысла также создает форма настоящего времени Present Perfect. Дополнительное влияние оказывает контекстуальный фактор (наличие указаний на период времени) Например:

I **’ve played** tennis three times this week [Swan: 160].

They’ve had a dozen chances to look you over since [Chandler: 61].

Футуральное настоящее обозначает события, следующие за моментом речи, но осмысливаемые и воспринимаемые говорящим(и) как актуальные для них. Тем самым говорящий акценти-

рует уверенность в их реализации. С помощью формы настоящего будущего события концептуализируются говорящим как актуальные, так или иначе имеющие непосредственное отношение к говорящим.

Данный смысл формируется на основе форм Present Simple и Present Continuous, которые актуализируют такую характеристику, как следование за моментом речи, под влиянием контекстуального и семантического факторов. Так, анализируемый смысл передается глаголами определенной семантики. Чаще всего, глаголами движения или глаголами, указывающими на различные фазы действия (например, его начало или завершение). В качестве типовых обычно в грамматиках приводятся примеры: *The train leaves at 5* и *We are leaving tomorrow*. К контекстуальному фактору следует отнести наличие в составе предложения высказывания обстоятельств времени, указывающих на выполнение действия в течение определенного времени (например, суток), на определенный день недели или месяц, на немедленное выполнение действия, на выполнение действия через длительный промежуток времени или не указывающих точно на время действия, но, тем не менее, относящие его в сферу будущего.

Рассматриваемый смысл формируется также под влиянием синтаксического фактора. Это закреплено употреблением форм настоящего времени в относящихся к будущему придаточных условия и времени, а также в придаточных дополнительных после глаголов ментальной деятельности, говорения, восприятия, а также выражающих обещание, веру, надежду. Использование форм настоящего времени в этих случаях профилирует идею актуальности событий для говорящих, а также реальное положение вещей в действительности.

Представленный анализ смыслов, формирующихся на базе форм настоящего времени, позволяет подтвердить их способность передавать смыслы различной степени обобщенности (см. об этом работы А.В. Бондарко, Ю.П. Князева, Е.В. Петрухиной и др.). Настоящее может быть концептуализировано в языке как какая-то точка, так и как период неопределенной протяженности. В результате формирования проанализированных смыслов под влиянием дополнительных факторов в содержании морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ» актуализируются такие

характеристики, как моментальность, продолженность, обобщенность, результативность, футуральность.

Формы прошедшего времени актуализируют собственно морфологический смысл «предшествование ситуации моменту речи», который, как уже отмечалось, требует уточнения и конкретизации. Соответственно, на его базе, а также форм прошедшего времени под влиянием дополнительных лингвистических факторов формируются следующие смыслы.

Дистантное прошедшее указывает на дистантность события от момента речи и отсутствие связи с ним. Основой для формирования этого смысла служат формы прошедшего времени Past Simple и Past Continuous, которые активизируют соответствующую характеристику морфологически передаваемого концепта «ВРЕМЯ». Само использование формы, которая локализует ситуацию в прошлом, предполагает, что ситуация не имеет связи с настоящим. В противном случае, была бы использована форма настоящего времени (см. выше анализ смыслов, формирующихся на базе формы Present Perfect). Дополнительную роль в формировании рассматриваемого смысла играет контекстуальный фактор. Например:

She **sat** by you, but you **didn't know** her. She was broken down [Hardy:198].

More and more people **were coming** to him with their problems [Girzone: 18].

In Zurich in September Doctor Diver **had** tea with Baby Warren [Fitzgerald: 59].

The Goths **invaded** Rome in A.D. 410 [Alexander: 168].

Передача этого смысла опирается также на семантико-грамматические особенности глагола. Как правило, в таких случаях используются глаголы в неопределенных значениях. Речь также может идти о повторяющихся действиях, последовательности действий, констатации фактов. Например:

We **travelled** a lot that year – from Woolloomooloo Bay to Biskra [Fitzgerald: 62].

I **cut** the noiseless motor, **dimmed** the lights and **sat** there, listening [Chandler :67].

I **saw** Dave, **stopped** and we **had** a chat [Murphy: 12].

Ближайшее прошедшее подразумевает прошлые действия, непосредственно предшествующие моменту речи. Основную роль при формировании данного смысла играет контекстуальный фактор (обстоятельства времени, указывающие на непосредственное предшествование ситуации моменту речи). Например:

Sam **phoned** a moment ago [Alexander: 168].

I **had** a word with Julian this morning [Alexander: 168].

Продолженное прошедшее предполагает, что некая ситуация происходила либо в определенный момент в прошлом либо в течение некоторого периода времени в прошлом. При этом ничего не сообщается о том, продолжается ли ситуация в данный момент. Данный смысл формируется на базе собственно морфологического смысла «предшествование моменту речи», актуализируемого формой Past Continuous, что имеет своим следствием использование глаголов в неопределенных значениях. В формировании этого смысла большую роль играет контекстуальный фактор, так как уточнение момента времени или периода совершения действия происходит за счет обстоятельств времени или придаточных предложений времени. Проиллюстрируем это на следующих примерах:

I **was working** in a car factory during the summer of 1976 [Hewings: 12].

At the beginning of 1917, when it **was becoming** difficult to find coal, Dick burned for fuel almost a hundred textbooks that he had accumulated... [Fitzgerald: 4].

When Carlo was in hospital we **were visiting** him twice a day [Hewings: 12].

Формы будущего времени актуализируют собственно морфологический смысл «следование ситуации за моментом речи». Данный смысл, будучи максимально абстрактным и обобщенным, как и другие временные морфологические смыслы, требует уточнения и конкретизации на уровне предложения-высказывания. Это происходит за счет дополнительных лингвистических факторов, прежде всего, синтаксического и контекстуального, а также предполагает учет аспектуальных характеристик анализируемых ситуаций. При этом возможны различные способы локализации ситуаций в будущем. В частности, они могут происходить после момента речи; их начало отсчитывается от

момента речи; или ситуации, начинаются до момента речи, продолжаются в момент речи и после него и т.д.

Соответственно, морфологические формы будущего создают основу для формирования следующих лексико-грамматических смыслов.

Дистантное будущее предполагает указание на факт совершения той или иной ситуации безотносительно конкретного момента или периода времени, следующего за моментом речи. Например:

You **will walk** differently alone, dear, through a thicker atmosphere, forcing your way through the shadows of chairs, through the dripping smoke of the funnels. You **will feel** your own reflection sliding along the eyes of those who look at you [Fitzgerald: 62].

‘Sit down,’ said the young man, gruffly. ‘He’ll **be** in soon’ [Bronte: 26].

В качестве частного смысла в этом случае выступает последовательность событий в будущем, неограниченных каким-либо временным промежутком или утверждения общего смысла, высказываемые как гипотеза или предположение. Например: You **will get to know** me more and more as the days go by and, in time, you **will come to understand** what you have seen [Girzone: 43].

People **will live** longer in future [Hewings: 24].

Как видно из приведенных примеров, основу для формирования рассматриваемого смысла составляет форма Future Simple. В качестве факторов, способствующих формированию этого смысла в различных его вариантах, следует выделить контекстуальный (наличие обстоятельств неопределенного времени (soon, in future, etc.) и синтаксический (предложения с однородными сказуемыми).

Результативное будущее указывает на ситуацию, которая будет завершена к определенному моменту, следующему за моментом речи. При этом начало ситуации может быть никак не связано с самим моментом речи. Как правило, данный смысл передается на основе формы Future Perfect под влиянием контекстуального (обстоятельства времени с предлогами by, till, until) или синтаксического фактора (сложноподчиненные предложения с придаточным времени, вводимые союзом by). Например:

They **will have completed** the new bridge by the end of the year [Alexander: 137].

By the time you get home I **will have cleaned** the house from bottom to top [Hewings: 30].

“It’s useless. By the time he gets the letter we’**ll have been married** [McDermott: 86].

The match **will have finished** by then [Murphy: 20].

The builder says he’**ll have finished** the roof by Saturday [Swan: 139].

Продолженное будущее выражает продолженную ситуацию, которая будет происходить в определенный момент или период времени, следующий за моментом речи. Например:

This time next week I’**ll be lying** in the sun of one of the most hot islands in the world [Hewings: 6].

This time next month the snow **will be melting** and skiing will be over [Thompson: 77].

We **shall be taking off** in a few minutes. Please fasten your seat belts [Thompson: 76].

I’**ll be seeing** you one of these days, I expect [Swan: 138].

В качестве частного смысла в рамках продолженного будущего могут быть выделены ситуации, начало которых совпадает с моментом речи, но основная фаза которых еще не реализовалась и будет продолжаться после момента речи. Например: That oak tree **will still be standing** there fifty years from now [Thompson: 77].

Следующим вариантом продолженного действия, которое будет происходить в будущем, являются действия, начало которых предшествует моменту речи, но сами действия будут продолжаться и после момента речи вплоть до определенного момента в будущем. Например:

They **will have been married** for thirty years in August [McDermott: 20].

Next Christmas I’**ll have been teaching** for twenty years [Swan: 139].

Представленный анализ позволяет заключить, что в качестве дополнительного лингвистического фактора при формиро-

вании рассматриваемого смысла выступает контекстуальный фактор (наличие в предложении-высказывании обстоятельств времени).

Таким образом, при формировании на базе форм будущего времени рассматриваемых смыслов в морфологически передаваемом концепте «ВРЕМЯ» под влиянием выявленных дополнительных факторов, актуализируются такие характеристики, как дистантность, результативность, продолженность.

Основные морфологические смыслы, передаваемые временными формами английского глагола, и служащие основой для формирования лексико-грамматических смыслов, а также факторы, влияющие на этот процесс, суммируются в таблице 1.

Таблица 1

Собственно морфологические смыслы	Лексико-грамматические смыслы	Факторы, влияющие на формирование лексико-грамматических смыслов		
		семантический	синтаксический	контекстуальный
Совпадение с моментом речи	Моментальное настоящее		+	+
	Продолженное настоящее	(+)		+
	Обобщенное настоящее			+
	Результативное настоящее			+
	Футуральное настоящее	+		+
Предшествование моменту речи	Дистантное прошедшее			+
	Продолженное прошедшее	+		+
	Ближайшее прошедшее			+
Следование за моментом речи	Дистантное будущее		+	+
	Результативное будущее		+	+
	Продолженное будущее			+

4.5. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне выражения субъектно-предикатных отношений

В число морфологических категорий, репрезентирующих концептуальное содержание на уровне выражения субъектно-предикатных (пропозициональных) отношений включаются глагольные категории числа, залога, аспекта (вида) и именные категории числа, падежа, рода. Рассмотрим особенности представления концептуального содержания на примере категории аспекта (вида).

4.5.1. Формирование морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)»

Категория аспекта (вида), как уже отмечалось выше, связана с репрезентацией в языке идеи времени. Поэтому в качестве исходного при формировании морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)» нами будет рассматриваться концепт «ВРЕМЯ» во всем многообразии его характеристик (смыслов) и сложности в организации содержания. Морфологическая категория аспекта (вида) профилирует в концепте «ВРЕМЯ» характеристики (смыслы), существенные с точки зрения характера протекания ситуации во времени (например, длительности, повторяемости, наличия результата и т.д.), или, иными словами, с точки зрения ее внутреннего устройства. Неслучайно поэтому многие исследователи, начиная с Г. Гийома, определяют вид как «внутреннее время глагола». Такой характеристикой, из выделенных нами в содержании концепта «ВРЕМЯ» (см. 4.4.2), оказывается длительность, которая, как отмечено выше, является результатом концептуализации времени в терминах пространства. Эта характеристика составляет основу для формирования морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)», который, в свою очередь, служит когнитивным основанием одноименной морфологической категории. По утверждению М.Ю. Чертковой, именно категория вида «концептуализирует единство пространственно-временного континуума объективной реальности, отражая одновременно и относительную самостоятельность, и диалектическую взаимосвязь столь разных, казалось бы, категорий» [Черткова 1998: 507].

Результаты такой концептуализации и фиксируются в содержании морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)». Выделение его происходит в результате действия когнитивного механизма профилирования. Рассматриваемый концепт представляет собой классификационный концепт, т.е. созданный нашим сознанием с помощью языка. Он ориентирован на собственно языковые знания о характере и способах протекания той или иной ситуации. Будучи классификационным, данный концепт ориентирован на говорящего и на систему языка, что позволяет говорящему с помощью той или иной аспектуальной (видовой) формы по-разному представлять способ восприятия ситуации и ее характеристик, акцентируя внимание на различных ее этапах, либо на факте ее длительности, результативности и т.д. Так, следующие примеры отражают различные характеристики одной и той же ситуации, представленные на языковом уровне с помощью разных аспектуальных (видовых) форм.

- (1) John **swam** in the river.
- (2) John **was swimming** in the river.
- (3) John **has swum** in the river.
- (4) John **has been swimming** in the river.

В примере (1) представлена вся ситуация в целостности, т.е. в обобщенном виде. В примере (2) представлена часть ситуации как длительная, ограниченная во времени. В примере (3) – часть ситуации, связанная с его завершением (результатом). В четвертом – ситуация представлена как развивающаяся во времени, т.е. имеющая начало, середину и конец.

Сказанное выше позволяет заключить, что морфологически передаваемый концепт «АСПЕКТ (ВИД)» - это определенная единица концептуального уровня, репрезентируемая с помощью морфологической категории аспекта (вида) и ее форм, и концепт, лежащий в основе этой категории и реализующийся в виде собственно-морфологических смыслов длительности и обобщенности. Рассмотрим далее роль морфологической категории аспекта (вида) в репрезентации содержания концепта, составляющего ее когнитивное основание.

4.5.2. Морфологическая категория аспекта (вида) как средство репрезентации концептуального содержания

Базовые смыслы, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)», актуализируются морфологическими формами продолженного (Continuous) и общего (Simple, Perfect) аспекта (вида), объединяющимися в рамках категории аспекта (вида). В результате актуализации возникают собственно морфологические смыслы. Так, формы продолженного аспекта (вида) Continuous актуализируют характеристику «длительность» в морфологически передаваемом концепте «АСПЕКТ (ВИД)» на основе чего и формируется собственно морфологический смысл длительность. Он связан с описанием ситуации в ее развитии во времени, т.е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз. Формы общего аспекта (вида) Simple, Perfect актуализируют характеристику обобщенность. В результате ее актуализации возникает собственно морфологический смысл обобщенность. Он связан с описанием ситуации изменения, что предполагает возникновение некоторого положения вещей, не имевшего места ранее. Таким образом, длительность и обобщенность следует рассматривать как базовые характеристики (смыслы) в содержании морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)». Эти смыслы, как и другие собственно морфологические смыслы, носят максимально обобщенный, абстрактный характер и поэтому требуют уточнения и конкретизации, которые происходят в предложении-высказывании под влиянием дополнительных лингвистических факторов.

Применительно к аспектуальным морфологическим смыслам это, прежде всего, семантический и контекстуальный факторы. Роль семантического фактора состоит в том, что реализация собственно морфологических аспектуальных смыслов, а также уточненных на их базе лексико-грамматических смыслов зависит от семантических характеристик глагола. В частности, они связаны с предельностью/непредельностью глагола, т.е. с присутствием в его семантике направленности/ненаправленности действия на достижение предела. Соответственно, форму продолженного аспекта (вида) принимают только глаголы в непредельных значениях, а форму общего аспекта (вида) – глаголы в предельных значениях. Важной при этом оказывается и дифференциация лекси-

ко-грамматических классов глагольных лексем на акциональные и неакциональные. Формы продолженного аспекта (вида), как известно, возможны только у акциональных глаголов, формы общего вида безразличны к этой характеристике.

Существенную роль играет и контекстуальный фактор, хотя его роль различна применительно к разным аспектуальным (видовым) формам. Так, применительно к формам продолженного аспекта (вида) контекстуальные средства только уточняют собственно морфологический аспектуальный смысл. Применительно же к формам общего аспекта (вида) контекстуальные средства выступают в качестве основного показателя аспектуальных характеристик ситуации.

Под влиянием дополнительных лингвистических факторов в содержании морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)» актуализируются следующие характеристики: конкретность, ограниченность / неограниченность во времени, завершенность / незавершенность, повторяемость, статичность / динамичность, достигнутость / недостигнутость предела, результативность, тем самым, формируются уточненные лексико-грамматические аспектуальные смыслы. Рассмотрим далее подробнее основные лексико-грамматические смыслы, формирующиеся на базе актуализируемых аспектуальными формами собственно морфологических смыслов.

На базе форм продолженного аспекта (вида) под влиянием семантического и контекстуального факторов формируются следующие лексико-грамматические смыслы.

Ограниченное во времени, незавершенное, длительное действие Например:

Philippa **was working** on her essay last night [Alexander II: 170].

I've **only been working** here for a couple of days [Hewings: 16].

When at seven o'clock that evening June arrived at 62 Montpellier Square, the maid Bilson told her Mr. Bossinney was in the drawingroom; she said – **was dressing** and would be down in a minute [Galsworthy: 154].

Этот смысл формируется на основе базовой характеристики длительности и дополнительных характеристик ограниченности во времени, незавершенности, которые актуализируются под влиянием контекстуального фактора. В рассматриваемых случаях на первый план выступает ограниченность действия во времени,

что обеспечивается наличием в составе предложения-высказывания обстоятельств времени (last night, for a couple of days, at seven o'clock).

Временное, преходящее действие/состояние

Например: “She **is telling** the truth now”, said Ross decidedly, “It’s a pity she didn’t before [Durbridge: 34].

The river **is flowing** very fast after last night’s rain [Alexander: 165].

Don’t take the ladder away. Your father’s **using** it [Alexander: 165].

При формировании данного смысла особую роль играет контекстуальный фактор, приводящий к актуализации таких дополнительных характеристик морфологически передаваемого концепта «АСПЕКТ (ВИД)», как однократность, временность.

Незавершенное, продолжающееся действие, ограниченное во времени, но более широким временным промежутком

Рассматриваемый смысл может быть проиллюстрирован следующими ситуациями:

What is your daughter doing these days? – She **is studying** English at Durham University [Alexander: 165].

She **is teaching** maths in a school at Bonn **at present** [Hewings: 2].

“I saw your Dad in Dublin. He **is working** there. Driving a Guinness truck” [McDermott: 231].

And there’s no real bathtub where I’**m living**, anyhow [Fitzgerald: 24].

В представленных примерах актуализация рассматриваемого смысла осуществляется за счет контекстуального фактора.

Повторяющееся, ограниченное во времени незавершенное действие Например:

She’s at her best when she’s **making** big decisions [Alexander: 165].

When he worked here, Roger **was** always **making** mistakes [Alexander: 165].

We’re usually **watching** the news on TV at 9 o’clock [Hewings: 4].

Повторяющееся, неограниченное во времени действие

Например: She **is** always **helping** people [Alexander: 166].

“My father”, she burst out suddenly “**is** always **scolding** me for my extravagance” [Hardy: 45].

Обязательным элементом контекста при актуализации данного смысла являются наречия типа always, constantly, continually, forever, perpetually, repeatedly.

Постоянное, неограниченное во времени незавершенное действие Например:

The earth spins so fast that the surface at its equator **is traveling** at more than a 1.000 miles an hour [Wells: 35].

Life **is getting** better with every new generation, isn't it [Girzone: 128].

Ограниченное во времени, завершенное действие

Например: This room stinks. Someone's **been smoking** in here [Alexander: 177].

Her eyes were red. It was obvious she **had been crying** [Alexander: 177].

На базе форм общего вида под влиянием контекстуального фактора формируются следующие лексико-грамматические СМЫСЛЫ.

Повторяющееся, завершенное, неограниченное во времени действие Например: I **smoked** forty cigarettes a day till I gave up [Alexander: 169].

Однократное, завершенное, неограниченное во времени действие Например: She's never eaten a mango before. **Have** you ever **eaten** a mango? [Hewings: 56].

Повторяющееся, завершенное, неограниченное во времени действие

Например: I've **watched** him on TV several times [Alexander: 173].

She's **attended** classes regularly. She's always worked hard [Hewings: 23].

Последовательные, завершенные, неограниченные во времени

Например: I **got** out of the taxi, **paid** the fare, **tipped** the driver and **dashed** into the station [Alexander: 175].

Обобщая процессы формирования рассмотренных аспектуальных смыслов, отметим, что в их основе лежат абстрагированные собственно морфологические смыслы «длительность» и «обобщенность», которые актуализируются морфологическими формами продолженного и общего вида. Они выступают в качестве

базовых смыслов, формирующих собственно морфологический концепт «АСПЕКТ (ВИД)». Уточнение и конкретизация собственно морфологических смыслов, приводящее к формированию полноценных лексико-грамматических смыслов, происходит под влиянием дополнительных лингвистических факторов: семантического и контекстуального. В результате действия этих факторов в морфологически передаваемом концепте актуализируются дополнительные характеристики, которые вместе с базовыми характеристиками и создают основу для лексико-грамматических аспектуальных смыслов.

4.6. Морфологические категории как средство репрезентации концептуального содержания на уровне семантики лексико-грамматических разрядов слов

Как отмечалось выше, к числу морфологических категорий, репрезентирующих концептуальное содержание на уровне семантики лексико-грамматических разрядов слов, относятся именные морфологические категории числа, падежа, степени сравнения прилагательных и наречий, глагольная категория аспекта, а также категория определенности/неопределенности. Они репрезентируют концепты «КОЛИЧЕСТВО», «ОТНОШЕНИЕ» «ДЕТЕРМИНАЦИЯ», «СРАВНЕНИЕ». Наибольшую представленность обнаруживает концепт «КОЛИЧЕСТВО». Репрезентация количества в языке осуществляется в системе различных лексико-грамматических классов слов. Оно репрезентируется в системе имени существительного, прилагательного и глагола (ср. у З.Я. Тураевой и Я.Г. Биренбаума [1985; 1986] выделение таких онтологических видов количества, как предмето-количество, процессо-количество, признако-количество).

Собственно морфологическую репрезентацию в английском языке этот концепт имеет только в системе имени существительного. Здесь он примарно выражается средствами категории числа, которая во флективных языках свойственна всем основным частям речи, а в английском языке сохранилась только у существительных. В этом случае выражается количество предмета. В системе прилагательного по способу представления концепт «КОЛИЧЕСТВО»

оказывается частично морфологическим (категория степеней сравнения) и отражает количество статического признака. Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей языковой концептуализации количества, проанализируем характеристики количества как онтологической категории.

4.6.1. Количество как онтологическая категория

Учитывая то, что процесс категоризации «сопровождается выделением существенных свойств явлений» [Кубрякова 1997], попытаемся первоначально установить признаки, лежащие в основе онтологической категории количества. При определении признаков будем опираться на философскую и математическую трактовку количества.

В философии количество рассматривается в качестве атрибута материального мира. Оно является всеобщим свойством, присущим всем материальным объектам. Категория количества возникает, как и другие философские категории, на основе отвлечения и обобщения от конкретных количественных особенностей единичных объектов.

Количество включается в число основных 10 категорий, выделенных Аристотелем. Он понимает количество как философскую категорию, отражающую соответствующую ей сторону объективного мира. «Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо. Множеством же называется то, что в возможности делимо на части непрерывные, величиною – на части непрерывные [Аристотель 1976: 164]. Исследуя этот же вопрос в «Категориях», он пишет: «Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое – из частей, не имеющих такого положения. Раздельны, например, число и слово, непрерывны – линия, поверхность, тело, а, кроме того, время и место» [Аристотель 1978:62].

Таким образом, содержание понятия количества раскрывается Аристотелем через взаимосвязанные понятия величины и числа. Аналогичным образом определяли содержание категории количе-

ства Р. Декарт, И. Кант и Г. Гегель. Число и величина рассматриваются как взаимосвязанные моменты количества и в математике. Поскольку число возникает как отношение величин, оно оказывается «внешним» моментом количества, в то время как величина, лежащая в основе числа, является «внутренним» его моментом.

Сказанное выше позволяет выделить в качестве основных признаков онтологической категории количества величину и число. Величина непрерывна, при ее изменении мы остаемся в «границах» данной величины, ее определенности. В отличие от величины, число дискретно, оно включает в себя наличие границы. Изменение того или иного конкретного числа означает выход за его «границу» и переход к другому числу. Сказанное позволяет заключить, что количество представляет собой диалектическое единство непрерывности и дискретности. Эта особенность количества отмечалась и Г. Гегелем, который утверждал, что количество может быть непрерывным и дискретным, и особо подчеркивал возможность взаимного проникновения непрерывности и дискретности [Гегель 1970].

Соответственно, можно говорить о существовании двух зон в категории количества. Первая зона представляет количество как проявление возможности расчленить некоторый предмет на составные однородные части. Вторая зона позволяет рассматривать количество как величину, размер предмета, с учетом возможного постепенного изменения величины и размера, приводящего в конечном итоге к переходу от старого качества к новому [Кондаков 1971]. На основании этого И.Б. Долинина выделяет два автономных и одновременно тесно взаимосвязанных содержательных аспекта категории количества: 1) количество как совокупность, множество некоторых объектов и 2) количество как показатель «величины» (качества) объекта и шкалы изменения (измерения) [Долинина 1996]. Первая содержательная область характеризует количество объектов как таковых, вторая – количество некоторого признака у одного и того же объекта или у разных объектов при их сопоставлении. Различие выделенных аспектов находит отражение и в способах их концептуализации в рамках языковой категоризации. Первый аспект концептуализируется с помощью категории числа существительного, второй – с помощью категории степеней сравнения.

Как известно, признаки онтологических категорий не репрезентируются в языке напрямую. Их репрезентация опосредована

концептуальным уровнем. Следовательно, в языке представлено количество, пропущенное через человеческое восприятие, т.е. концептуализированное человеком средствами того или иного языка.

4.6.2. Концептуализация количества и формирование морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО»

Концептуализация количества проходит 2 этапа и осуществляется на трех уровнях (подр. см.: [Сайфуллаев 1974, Лепская 1990; Иволгина 2001]). На первом этапе происходит отражение количественных характеристик на конкретно-чувственном уровне в совокупности всех параметров: качественных и количественных. В результате формируется количественное представление, которое и является первым уровнем концептуализации количества. На следующем этапе происходит формирование количественных понятий. Это связано с абстрактным формированием понятий, приводящим к выделению количественных параметров в отдельную категорию. В результате формируется представление об абстрактном количестве как о сращенном единстве, т.е. нерасчлененном, недискретном. Количественное понятие недискретности может рассматриваться как второй уровень концептуализации количества. На следующем этапе формируется «точное числовое выражение количества, определяющее количественную определенность дискретного множества». Таким образом, третьим уровнем концептуализации количества оказывается количественное понятие дискретности.

Таким образом, содержание концепта «КОЛИЧЕСТВО» включает в себя количественное представление и количественное понятие, которое объединяет в себе знание об абстрактном количестве как о недискретном и дискретном. Содержание концепта «КОЛИЧЕСТВО» по-разному репрезентируется в системе существительного, прилагательного и глагола. В системе морфологической категории числа имени существительного получает представление только количественное понятие. Это связано, по мнению В.З. Панфилова, с тем, что «этап непосредственно-чувственного восприятия количества не мог привести к возникновению каких бы то ни было числовых обозначений, а, следовательно, и категории числа» [Панфилов 1976: 34]. Следовательно, возникновение грамматической категории числа не является результатом непосредственно-чувственного восприятия количественных характеристик, а связа-

но, как впрочем и в случае с другими морфологическими категориями, с абстрагирующей деятельностью человеческого мышления. При обосновании данной точки зрения В.З. Панфилов исходит из положений о том, что: 1) чувственно-наглядные образы сами по себе не нуждаются в языковых средствах их становления и фиксации, 2) язык по своей природе возникает как средство осуществления абстрактного, обобщенного мышления, 3) отсутствие на этом этапе количественных понятий и соответствующих числовых обозначений лексического характера не позволяет говорить о возможности возникновения грамматических форм, которые бы фиксировали эти понятия в пределах грамматической категории числа [там же].

Таким образом, морфологическая категория числа имени существительного репрезентирует только второй и третий уровни концептуализации количества, т.е. концептуальные характеристики дискретности и недискретности. Применительно к языковой репрезентации количества разработанная нами схема морфологической репрезентации выглядит следующим образом.

В процессе речевой репрезентации в общем концепте «КОЛИЧЕСТВО» первоначально актуализируются количественное понятие и количественное представление, формирующие содержание рассматриваемого концепта. Категория числа имени существительного, в силу вышеназванных причин, профилирует наиболее абстрактную часть в содержании концепта «КОЛИЧЕСТВО», т.е. количественное понятие. Именно количественное понятие служит основой формирования морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» и выражается в конкретных характеристиках «множественность/немножественность», составляющих его содержание. Концепт «ЧИСЛО» ложится в основу морфологической категории числа и выступает в качестве когнитивной основы для формирования собственно морфологических смыслов, активизируемых морфологическими формами единственного и множественного числа, а также конкретных лексико-грамматических смыслов, передаваемых этими формами в предложении-высказывании при взаимодействии с другими лингвистическими факторами.

Рассмотрим далее роль морфологической категории числа английского существительного в репрезентации содержания концепта «КОЛИЧЕСТВО». Для этого выделим морфологические

смыслы, формирующиеся на основе базовых концептуальных характеристик, составляющих содержание морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» и проанализируем факторы, влияющие на этот процесс.

4.6.3. Морфологическая категория числа существительного как средство репрезентации концептуального содержания

В соответствии с выявленной ранее спецификой морфологической репрезентации, между морфологически передаваемым концептом «ЧИСЛО» и морфологическими формами единственного и множественного числа устанавливается отношение репрезентации.

Базовые характеристики (смыслы) «множественность / немножественность» рассматриваемого концепта, активизируемые формами единственного и множественного числа, создают основу для формирования собственно морфологических смыслов. Морфологические формы числа, в силу высокой степени абстрактности категории числа в выражении количественной характеристики, передают максимально абстрактные и обобщенные смыслы «множественность/немножественность (единичность)» безотносительно к характеру множества. Например, морфологические формы множественного числа *beds, trees, desks, folders, newspapers* и под. непосредственно не сообщают ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом.

Soldiers stood guard all over the mound [Wilson: 55].

The folders were not numbered [Wilson: 69].

The newspapers went insane [Wilson: 63].

Поэтому собственно морфологический смысл «множественность» требует дальнейшего уточнения и конкретизации на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных факторов: семантического, синтаксического, контекстуального. Под их влиянием дополнительно актуализируются и характеристики основного концепта «КОЛИЧЕСТВО», которые вместе с базовыми характеристиками «множественность / немножественность» служат основой формирования широкого спектра лексико-грамматических смыслов. В частности, на базе формы множественного числа, актуализирующей характеристику «множественность» морфологиче-

ски передаваемого концепта «ЧИСЛО», а также в результате активизации характеристики «дискретность» основного концепта «КОЛИЧЕСТВО» формируются следующие лексико-грамматические смыслы.

Дискретная множественность

Ведущим фактором в формировании данного смысла выступает семантический. Как правило, рассматриваемый смысл передается существительными предметной семантики. Например:

The orderly came down between the **beds** and stopped [Hemingway: 51].

Анализируемый тип множественности характеризуется однородностью своих членов, которые репрезентируют некоторое дискретное количество предметов, представляющее незавершенный ряд. В этом случае одно понятие относится к нескольким предметам и имеет место совпадение характерного признака членов множества с признаками самого множества. В основе данного смысла лежит, как правило, пространственная дискретность, передаваемая существительными, обозначающими материальные предметы реальной действительности, или временная дискретность, передаваемая существительными, обозначающими поступки, действия, высказывания. Например:

The old woman muttered something, as she spread **the plates** near the fire [Lawrence II: 77].

She watched him in **his actions** [Lawrence II: 181].

В рамках дискретной множественности выделяются также частные смыслы. К ним относятся: выражение повторяющихся действий, когда говорят о людях, выполняющих одно и то же, например:

Tell the kids to bring **raincoats** to school tomorrow [Swan: 531].

Six people lost their **lives** in the accident [Swan: 531].

выражение повторяющихся событий, например:

I often get **headaches** [Swan: 531].

She sometimes goes for **rides** over the hills [Swan: 531].

Выражение последнего смысла не ограничивается только формой множественного числа существительного, а может передаваться и формой единственного числа. В этом случае предполагается какая-либо детализация времени или ситуации, т.е. аналогичный смысл передается в результате дополнительной активизации харак-

теристики дискретности у основного концепта «КОЛИЧЕСТВО» под влиянием контекстуального фактора. Например:

I often get a **headache** when I've been working on the computer [Swan: 531].

She often goes for a **ride** over the hills before supper [Swan: 531].

В эту же группу смыслов входят также качественная множественность и репрезентативная множественность.

«Качественная множественность» (многосортность)

При формировании рассматриваемого смысла под влиянием семантического фактора актуализируется не только базовая характеристика «множественность», но и характеристика «дискретность» в содержании общего концепта «КОЛИЧЕСТВО». Рассматриваемый смысл передается именами существительными вещественной семантики типа: wine, tea, drink, oil, steel и др. Например:

The woman bustled about getting **the drinks** [Lawrence II: 140].

При реализации данного смысла профилируется тот факт, что вещество, предположительно однородное, может быть и различным по своему составу (или каким-то другим свойствам и качествам). Форма множественного числа указывает на разновидность вещества и служит выражению качественной неоднородности. Передача этого смысла связана с «конкретизацией и индивидуализацией предметов, которые в этом случае могут мыслиться не в сплошной массе, а выделяться в особые виды» [Шахматов 1952: 142-143].

Репрезентативная множественность

Рассматриваемый смысл передается существительными собственными или нарицательными существительными, обозначающими лиц. Форма множественного числа профилирует, то, что данное лицо находится в группе других лиц. Эта группа лиц получает определенную характеристику по данному лицу, это последнее как бы представляет и объединяет их. При передаче анализируемого смысла профилируется не столько количественная характеристика, а тот факт, что данная совокупность объектов с качественной стороны представляет собой одно целое и каждый из ее членов не имеет тех свойств, которые имеет все целое. Иначе говоря, формирование данного смысла основывается на актуализации базовой характеристики «множественность» морфологически передаваемого

концепта и характеристики «дискретность» основного концепта под влиянием семантического фактора. Например:

‘Do you mean I mustn’t know **the Eastwoods**?’ she said. –‘You can know them if you wish,’ he sneered [Lawrence II: 104].

There was a difference between **the Rowbothams** and the common collier folk [Lawrence II: 168].

По своему характеру репрезентативная множественность сближается с собирательной множественностью.

Двойственная множественность

Настоящий смысл формируется в результате взаимодействия базовой концептуальной характеристики множественности и характеристики дискретности под воздействием семантического фактора, оказывающегося ведущим в формировании данного смысла. Как правило, передача двойственной множественности ограничена существительными одной лексико-семантической группы (названиями парных органов человека или животных) и предполагает также опору на неязыковые знания из области анатомии человека и животных.

Соответственно, двойственная множественность передается формой множественного числа таких существительных, как hand, eye, foot, arm, wing, shoulder и т.д. Например:

She dropped **her eyes** [Maugham I: 55]

She clenched **her hands** and she felt herself grow pale [Maugham I: 52].

Kitty, unable to think of anything to answer, shrugged **her shoulders** [Maugham I: 69].

Charlie sat on the arm of the chair and put his arm round **Kitty’s shoulders** [Maugham I: 71].

Множественное число таких существительных профилирует идею два (оба) глаза, крыла, плеча, две (обе) ноги, руки и т.д., т.е. обозначает не класс «крыло», «рука», «глаз», представленный совокупностью соответствующих единичных предметов, а парный орган, выделяемый как особый класс – «крылья», «руки», «ноги», «глаза». В семантике рассматриваемых слов присутствует оттенок определенной «комплектности», так как когда говорят о руках, ногах, глазах имеют в виду тот количественно более или менее определенный комплект, который имеется у людей и животных. Например, когда говорят о ногах, руках, ушах, плечах подразумевают не

неопределенное количество ног, рук, плеч, а два уха, две руки, два плеча, две ноги человека.

Особое внимание на данный тип множества обращал А.И. Смирницкий. По его мнению, в подобных случаях момент числа как бы «внедряется», вращается в само понятие данного предмета и делается одним из конституирующих его моментов. А.И. Смирницкий считает, что это приводит к образованию особого, нового понятия, отличного от того, в состав которого этот момент числа не входит [Смирницкий 1959]. Крылья часто не есть просто множественное число от «крыло», т.е. в форме множественного числа здесь оформляется понятие пары крыльев как парного органа летания, а не просто выражается отнесение понятия «крыло» к двум или более предметам. Иначе говоря, «крылья» не равно «крыло + крыло + крыло» и т.д., в отличие от «стола», где можно говорить о подобном равенстве «стол + стол + стол ...». В случаях как «крылья», «руки», «ноги» и т.д. имеется более или менее четкое лексическое отличие от формы единственного числа «крыло», «рука», «нога». А.И. Смирницкий говорит о таких случаях как о лексикализованной форме числа [Смирницкий 1959].

С двойственной множественностью тесно связана так называемая *конкретная множественность* (более двух) (the dog's legs=4). Передача этого смысла основывается на актуализации базовой концептуальной характеристики «множественность» и характеристики «дискретность» основного концепта, активизирующейся под влиянием семантического фактора. В этом случае также учитываются неязыковые знания относительно анатомических особенностей человека и животных. Ибо, говоря о пальцах, зубах человека и животных имеют в виду не абстрактное количество пальцев, зубов, а конкретное их число (пять, тридцать два и т.д.). Например:

His teeth were chattering unheeded, as he gazed down at her, his black eyes still full of the fire of life and a certain vagabond calm of fatalistic resignation [Lawrence II: 126].

‘No’, he said, reaching and poking the bits of wood into the fire with **his fingers** [Lawrence II: 158].

Clenching **his teeth** again, fear mingling with resignation, or fatalism, in his soul, he went into the room and closed the door ... [Lawrence II: 126].

Пространственная множественность указывает на неопределенно большое количество массы. При формировании данного смысла актуализируются концептуальная характеристика «множественность» у морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» и под влиянием семантического фактора характеристика «недискретность» в содержании основного концепта «КОЛИЧЕСТВО». Для передачи смысла используется форма множественного числа вещественных существительных типа: waters, sands, snows, которые при таком употреблении уже не обозначают само вещество как таковое. В данном случае профилируется идея неопределенно большого количества массы. Например, snows предполагает огромные массы снега, т.е. снег во всех «направлениях» (ср. в русском языке – снега России, «полярные льды», подразумевающие массы снега, льда, а также «пески», в смысле пустыни). Например:

Then Aunt Cissie pitching her voice against **the waters**, called: 'I shan't be long. Don't forget Granny is alone!' [Lawrence II: 118].

Пространственная множественность может также передаваться существительными типа field, wood во множественном числе. Например:

Behind it rose purplish **woods** [Lawrence II: 28].

The fields were dreary and forsaken, and in the marshy strip that led to the whimsy, a reedy pit-pond, the fowls... [Lawrence II: 175].

The garden and **fields** beyond the brook were closed in uncertain darkness [Lawrence II: 180].

Партитивная множественность формируется в результате актуализации концептуальной характеристики «множественность» у морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО». В этом случае профилируется идея множества, содержащего один предмет, состоящий из нескольких частей или конкретной единичности «комплекта» или предмета парного состава. Поэтому в качестве дополнительной характеристики при передаче рассматриваемого смысла актуализируется характеристика «дискретность» у основного концепта. Это происходит под влиянием семантического фактора. Данный смысл передается специальной группой существительных, обозначающих названия так называемых парных предметов: binoculars, glasses, pants, pincers, pyjamas, scissors, spectacles, trousers и т.д. Например:

She was wearing a dressing gown and **pyjamas** [Masters: 67].

Can't see without my **glasses** on [BNC].

She refused to buy contact lenses, and hated wearing **her glasses** [BNC].

Her sweater and **jeans** were designer brands --; with the labels removed [Today].

Особый статус данной группы номинативной лексики определяется тем, что природа обозначаемых ими денотатов не предполагает существования единственного числа в принципе. И хотя в реальной действительности слова типа *scissors* или *trousers* обозначают один предмет, в них всегда присутствует значение множественности. Значение множественности, передаваемое рассматриваемыми существительными, конечно. Множественность в данном случае подразумевает не множественность предметов как в случае разделительной множественности, а множественность частей данного предмета. Множественность здесь как бы направлена во внутрь данного предмета – на отдельные его части. В обозначаемых предметах нельзя изменить число составляющих их деталей. Это множество задано как сумма слагаемых.

Значение множественности, характерное для этих существительных, подкрепляется и синтагматическими характеристиками слов рассматриваемого типа: сочетание с глаголами, указательными местоимениями во множественном числе. Например:

My **pyjamas** are fine, Mother [Binchy: 46].

And when I think back you know when I think about it and in the lower class of family even **pyjamas** were unknown [BNC].

These are the only **glasses** I can play in [BNC].

Now where **are the glasses**? [Bowring: 87]

Для рассматриваемых существительных характерен особый способ счета, требующий дополнительных лексических средств, что определяет влияние контекстуального фактора на формирование лексико-грамматического смысла. Например:

Automatically adjusting to changing light conditions they are stylish and, above all, quickly become part of your face which is what a **good pair of glasses** should do [BNC].

I'm wearing a perfectly respectable **pair of pyjamas**! [Howard: 94].

Right, **one pair of pyjamas** for you [BNC].

Shelley hastily pulled on a **pair of jeans** and a thin cotton sweater, and stuck her feet into sandals [Ashe: 32].

При формировании проанализированных смыслов ведущим, таким образом, оказывается семантический фактор. В других случаях при формировании лексико-грамматических смыслов, репрезентирующих множественность, актуализация дополнительной концептуальной характеристики в содержании общего концепта происходит под влиянием как семантического, так и синтаксического, и контекстуального факторов. Примером такого способа репрезентации служат случаи передачи следующих лексико-грамматических смыслов.

Совокупная множественность

При формировании данного смысла взаимодействуют базовая характеристика морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» «множественность», актуализируемая формой множественного числа, и характеристика основного концепта «дискретность», активизируемая под влиянием семантического и контекстуального факторов. Совокупная множественность передается, как правило, именами существительными предметной семантики в форме множественного числа и формируется из разделительной множественности благодаря действию контекстуального фактора.

К примерам такого рода могут быть отнесены примеры типа *my things, days of the week* и т.д. Качественное изменение характера множества совершается в результате уточнения референции имени и, прежде всего, ее объема. Например: «*My things = a bag, a box, a book, a coat*». Вследствие уточнения объема референции происходит и уточнение самого множества. Множество, имевшее неконечный характер, становится условно-конечным и его члены (хотя бы теоретически) могут быть заданы списком. Уточнение референции происходит за счет ближайшего контекста и осуществляется на синтагматическом уровне, т.е. непосредственно в предложении-высказывании. Для этих целей употребляются, как правило, пост-позитивные определения, выраженные сочетаниями с предлогами *of, from, during*, а также инфинитивом или придаточные определительные предложения. Например:

But he often told Kitty stories from the Chinese novels and from Chinese history... [Maugham I: 103].

He had many anecdotes of his adventures during twenty years in China... [Maugham I: 102].

She knew what love was now and she remembered **a thousand signs of his adoration** [Maugham I: 87].

Ebner was a music lover who knew **all the operas of Wagner** by heart [Wilson: 110].

Once he came to the house, with **things to sell** [Lawrence II: 110].

Oh, my dear, it's rather hard to take quite literally **the things a man says when he's in love with you** [Maugham I: 77].

Возможно употребление препозитивных определений, выраженных прилагательным, существительным. Например:

I suppose I needn't take more than **a few summer things** and a shroud, need I? [Maugham I: 85].

В некоторых случаях препозитивные определения указывают на функциональную принадлежность вещей, образующих данное множество.

Someone hung on the latch a moment, then a little girl entered and began pulling off **her outdoor things**, dragging a mass of curls, just ripening from gold to brown, over her eyes with her hat [Lawrence II: 181].

Таким образом, в данных случаях формы множественного числа во взаимодействии с контекстуальным фактором профилируют идею условно ограниченного множества предметов. Как следует из приведенных выше примеров, ограничение может быть связано с авторством, определенными ситуациями, в том числе, ограниченными какими-либо временными рамками.

Значение совокупной множественности охватывает также названия людей по национальности, профессии, роду занятий; названия овощей и фруктов, а также некоторые имена из группы *Pluralia Tantum*. Совокупная множественность, передаваемая именами *Pluralia Tantum*, различается по их определяющему качеству. Это может быть временная множественность *holidays, the Middle Ages*; предметная множественность *archives, arms, goods, minutes, quarters, stairs*; пространственная множественность *outskirts, surroundings, whereabouts*; качественная множественность *manners, suds, thanks*. В этом случае взаимодействие концептуальной характеристики дискретности, активизируемой преимущественно под влиянием семантического фактора, и базовой характеристики «множественность» фиксируется закрепленной в системе языка морфологической формой. Следующая группа смыслов формируется на основе формы единственного числа.

На базе формы единственного числа, активизирующей морфологически передаваемый концепт «ЧИСЛО», и на основе его характеристик под влиянием дополнительных лингвистических факторов происходит формирование следующих лексико-грамматических смыслов.

Собирательная множественность представлена в двух вариантах (как расчлененная и нерасчлененная). При формировании *расчлененной собирательной множественности* актуализируется базовая характеристика множественности и характеристика основного концепта «дискретность» под влиянием семантического и синтаксического факторов. Этот смысл передается существительными, выделяемыми в особую семантическую группу так называемых собирательных существительных типа *crowd, family, crew, team, majority* и т.д. В случае собирательной множественности профилируется некоторое количество объединенных предметов или лиц, которое воспринимается как расчлененное множество. В этом смысле она может быть сопоставима с простой разделительной множественностью. Однако в отличие от нее, собирательная множественность не предполагает однородности составляющих ее объектов. При передаче собирательной множественности профилируется также идея равноправия членов этого множества в отношении их участия в создании качественной определенности всего множества.

Важную роль в формировании этого смысла играет контекстуальный фактор: согласование с глаголом в форме множественного числа или уточнение с помощью личных местоимений во множественном числе, неопределенных местоимений, субстантивированных прилагательных, а также введение придаточных определительных союзом *who*. Например:

My **family have** decided to move to Nottingham. They think it's a better place to live [Swan: 526].

The 15-strong **crew are putting** on two shows tomorrow afternoon and Saturday evening [BNC].

The majority of these **were** members of the traditional working class, employed in the staple industries of mining, textiles, shipbuilding, iron and steel and engineering [Laybourn: 56].

When he reached the end and put the paper back in his pocket, **the audience** shifted and swayed slightly, making him realize just how raptly **they** had listened to him [Rayner: 86].

On the grass in the ruins of the historic priory, surrounded by parochial banners, Ramsey told **the crowd** that though **they** were outside the modern diocese of Durham, this was their true home [Chadwick: 47].

The crowd, who had paid between £15 and £25 for a ticket, loved it [BNC].

The government, who are hoping to ease export restrictions soon... [Swan: 526].

They wait hushed, like **the crowd** before the soldiers, **each** waiting to see what the **others** will do [Neale: 26].

Нерасчлененная собирательная множественность также формируется на основе базовой характеристики множественности. Однако в качестве дополнительной характеристики, актуализируемой в основном концепте «КОЛИЧЕСТВО» под влиянием семантического и синтаксического факторов, выступает характеристика «недискретность». Как правило, данный смысл передается существительными собирательной семантики. В отличие от расчлененной собирательной множественности, в случае нерасчлененной собирательной множественности профилируется неопределенное количество объединенных предметов или лиц, которые воспринимаются как единое целое. Важную роль в формировании этого смысла играет также контекстуальный фактор: согласование с глаголом в форме единственного числа, уточнение с помощью личных местоимений в единственном числе, возможность употребления собирательного существительного с неопределенным артиклем. Например:

The average British **family has** 3.6 members. It is smaller and richer than 50 years ago [Swan: 526].

In this room **the family was** assembled [Lawrence II: 17].

The government, which is selected by a simple majority ... [Swan: 526].

The audience was sitting waiting, about forty-five minutes before the start [Thomas: 163].

That's a different **gang** [James: 18].

Financial status ratios indicate the financial position of **the company** and distinguish between solvency (that is, the ability of a company

to meet its financial obligations as they become due) and liquidity (that is, the ability of a company to meet its short-term liabilities), and between long-term and short-term capacity to meet liabilities [Engineering ... : 275].

Вещественная множественность-континуум передается вещественными существительными типа: milk, sugar, water, gold, silver, oil, butter, sail и т. д. в форме единственного числа. В данном случае базовая характеристика множественности взаимодействует с характеристикой «недискретность» основного концепта, активизируемой под влиянием семантического фактора. Особенность этого смысла заключается в том, что объем множества, принимаемый в целом за единицу, не может измениться за счет прибавления или вычленения одного или нескольких членов, как это возможно для других типов множеств. Например:

Lilly poured us all a cup of tea and helped herself to **sugar** [Collins: 1463].

He only drinks **milk** in **tea** or **coffee** [Collins: 915].

Единица, к которой приравнивается объем данного множества, может дробиться на части или куски, обладающие той же качественной определенностью, что и само множество. Количественная определенность этих частей выражается лексически. Например, a lump of sugar, a glass of water и т.д. (ср. в русском языке – стакан/ литр/ ведро воды; куча/ машина песку).

Абстрактная множественность-континуум также формируется в результате взаимодействия концептуальной характеристики «множественность» морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» и концептуальной характеристики «недискретность» основного концепта, активизируемой под влиянием семантического фактора, и оформляется только абстрактными существительными в форме единственного числа. Данные множества представляют собой целостную единицу, не меняющую своего объема без разрушения своего качества, что определяется лексической семантикой этой группы существительных. В этом случае профилируется сигнификативный аспект значения, что достигается значимым отсутствием артикля. Например:

They give us **courage** to try again and to succeed [Carmichael: 25].

He had carried out a deliberate act causing unnecessary suffering and **cruelty** [BNC].

Allow yourself opportunities to express **anger, frustration, and sadness** [Enright: 86].

There was neither **joy** nor **peace** in the house and she found herself wishing the time away until it should be March [Rhodes: 73].

'Fed up', she repeated aloud, trembling with **anger** [Maugham I: 50].

She stared at him in **astonishment** [Maugham I: 62].

Абстрактные понятия могут быть расчленены в результате «квантования» – «особой речемыслительной комбинации, когда нечленимое явление или действие абстрактно членится на части, т.е. выделяется один его квант» [Букреева 1990: 60]. Например, a piece of information. В языковой репрезентации такое выделение достигается за счет лексических средств. Например:

The Home Secretary rejected any suggestion that the methods authorized for interrogation contained **any element of cruelty** but he appointed three Privy Councillors to consider those methods [Griffith: 23].

It is necessary to understand and master **every pleasure and every pain, every cruelty and every kindness.**'[BNC];

If in Holy Scripture there are found some injunctions forbidding the infliction of **some cruelty** towards brute animals... this is either for removing a man's mind from exercising cruelty towards other men... or because the injury inflicted on animals turns to a temporal loss for some man...[Animal ...: 18]

Anthony Caddy told the inquest that the police had been unable to find any independent witnesses who had seen **any act of cruelty** on Kim by her parents [BNC].

He felt a **hard lump of anger** in him [Hassall: 40].

Обобщенная (обобщающая) множественность

Формирование данного смысла происходит в результате взаимодействия концептуальной характеристики морфологически передаваемого концепта «множественность» и характеристики основного концепта «недискретность», актуализируемой под влиянием семантического фактора. Рассматриваемый смысл передается существительными как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Форма единственного числа передает значение мно-

жественности, поскольку профилируется идея вида как такового. Например, *to shoot duck, to keep chick* (в русском языке – ходить на медведя, охотиться на кита, морж во множестве появился в проливе и т. д.). В других случаях форма единственного числа не передает собственно количественных характеристик, она отчасти профилирует некоторую «обобщающую» множественность, когда подразумеваются все представители данного класса. Например:

The elephant likes peanuts.

The lion is a beast of prey.

This is the eternal question which confronts **the artist and the thinker** [Galsworthy: 69].

При передаче данного смысла конкретные существительные в единственном числе могут обозначать предметы и субстанции, вообще лишенные значения числа и не поддающиеся исчислению, и обозначают весь класс предметов или лиц, называемых данным существительным.

Абстрактные и вещественные существительные обозначают определенные вещества, явления и абстрактные понятия, также не поддающиеся исчислению. Например:

The dinner is the supreme meal of the day [Christie: 24].

The view was pleasant to **the eye**.

I can't tell you over **the telephone** [Maugham I: 53].

В качестве дополнительного фактора при передаче обобщенной множественности выступает грамматический, предполагающий, в частности, употребление существительных с определенным артиклем, что и иллюстрируют приводимые выше примеры.

Рассматриваемый смысл может быть передан и формой множественного числа. Например:

If something doesn't happen soon we shall all be murdered in **our beds** [Maugham I: 91].

В этом случае в результате взаимодействия характеристики «множественность» морфологически передаваемого концепта и характеристики «недискретность» основного концепта профилируется сигнификативный аспект значения существительного.

Единичное множество (множество с числом членов, равным единице; одноместное закрытое множество). Рассматриваемый лексико-грамматический смысл формируется в результате активизации характеристики «немножественность» в содержании морфологиче-

ски передаваемого концепта и характеристики «недискретность» основного концепта. Важную роль в формировании этого смысла играет семантический фактор, т.е. лексическая семантика существительных. Данный смысл передается существительными антропонимами, топонимами, а также так называемыми уникальными существительными, которые называют предметы, фактически не существующие в количестве больше одного, единственные в своем роде. Например, *the sun, the moon, the globe, the sky*. Возможность выражения данного смысла указанной группой существительных объясняется тем, что их денотаты не существуют в количестве более одного. Отсюда, невозможность их противопоставления классу однородных предметов или явлений. «Запрет» на формы множественного числа налагается, таким образом, экстралингвистическими факторами, реальной действительностью. Например: **The sun was yellowing to decline** [Lawrence II: 118].

Этот же смысл в определенных контекстах передается существительными типа: *the press, the radio, the post, the telegraph*. В этих случаях профилируется само понятие, социальное учреждение или нечто, каким либо образом ограниченное местностью, социальной группой и т.п.

Конкретная единичность также формируется под влиянием семантического фактора, активизирующего характеристику основного концепта «недискретность». Анализируемый смысл передается существительными предметной семантики в единственном числе. Форма единственного числа актуализирует базовую характеристику «немножественность» в содержании морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО». В случае конкретной единичности профилируется обозначение действительно одного отдельного материального предмета или понятия, акта, явления, которые можно выделить из ряда других таких же предметов, понятий, актов, явлений. Например:

The only furniture consisted of **a large desk, a revolving chair** for Townsend to sit in and **a leather armchair** for visitors [Maugham I: 71].

She was holding **an open book** as though she had been reading [Maugham I: 50].

She lay again on the sofa and took **her book** [Maugham I: 52].

Дополнительную роль при передаче рассматриваемого смысла играет грамматический фактор. Как правило, существительные в

этом случае употребляются с неопределенным артиклем или притяжательными местоимениями. Например:

As he spoke he rose from the bed and came and sat down beside her on **the** sandalwood **box** [Maugham I: 57].

She stood up and returned to **his own chair** [Maugham I: 76].

She set down **the candle** and looked round [Lawrence II: 196].

The landlady sat behind the bar fidgeting spasmodically with **the newspaper** [Lawrence II: 196].

Обобщая процессы формирования рассмотренных смыслов, отметим, что в их основе лежат максимально абстрагированные собственно морфологические смыслы «множественность / немножественность», активизируемые морфологическими формами единственного и множественного числа. Данные смыслы получают конкретизацию в предложении-высказывании под влиянием ряда дополнительных лингвистических факторов. Ведущим фактором во всех случаях является семантический. Это объясняется как раз тем, что категория числа репрезентирует концептуальное содержание на уровне собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Передача того или иного лексико-грамматического смысла во всех случаях напрямую связана с семантикой существительных. Например, качественная множественность передается существительными вещественной семантики, разделительная и совокупная множественность – существительными предметной семантики, двойственная множественность – существительными, обозначающими парные части тела человека или животных, расчлененная и нерасчлененная собирательная множественность – собирательными существительными, пространственная и абстрактная множественность – соответствующими вещественными и абстрактными существительными, партитивная множественность – существительными, обозначающими парные предметы.

В качестве дополнительных факторов, конкретизирующих собственно морфологические смыслы, при формировании лексико-грамматических смыслов выступают синтаксический (при передаче расчлененной и нерасчлененной собирательной множественности) и контекстуальный (при передаче разделительной, совокупной, нерасчлененной собирательной, обобщенной, партитивной множественности и конкретной единичности). Под влиянием этих факторов в содержании основного концепта «КОЛИЧЕСТВО» дополнитель-

но активизируются характеристики, такие как дискретность и недискретность. Именно на основе их взаимодействия с базовыми характеристиками морфологически передаваемого концепта «ЧИСЛО» и возникают разнообразные лексико-грамматические смыслы.

Основные морфологические смыслы, передаваемые формами числа английского существительного, и служащие основой для формирования лексико-грамматических смыслов, а также факторы, влияющие на их формирование, суммируются в таблице 2.

Таблица 2

Собственно морфологические смыслы	Лексико-грамматические смыслы	Факторы, влияющие на формирование смыслов		
		семантический	синтаксический	контекстуальный
Множественность	Разделительная множественность	+		(+)
	Качественная множественность	+		
	Репрезентативная множественность	+		
	Двойственная множественность	+		
	Конкретная множественность	+		
	Совокупная множественность	+		+
	Пространственная множественность	+		
	Партитивная множественность	+		+
	Расчлененная собирательная множественность	+		+
	Нерасчлененная собирательная множественность	+	+	+
	Вещественная множественность-континуум	+		
	Абстрактная множественность-континуум	+		
	Обобщенная множественность	+		

Немножественность (единичность)	Единичное множество	+		
	Конкретная единичность	+		+



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что изучение морфологии в различных аспектах имеет давние корни, проблема морфологических категорий, в силу глубины и многогранности, не потеряла своей актуальности. В данной монографии представлены аргументы в пользу того, что одним из наиболее перспективных путей анализа проблем морфологии является когнитивный подход. Подытожим, в чем состоит суть разработанной в монографии когнитивной трактовки морфологии.

В работе предложен один из вариантов исследования проблемы морфологических категорий и форм, связанный с рассмотрением их как средства репрезентации в языке концептуального содержания.

Морфология, как и другие уровни языка, задействована в процессе представления знаний, который осуществляется в этом случае за счет морфологических категорий и форм. Они репрезентируют языковое знание как особый тип знания о мире, включающий в себя знание языковых значений, форм и категорий и знание о мире в том виде, как оно концептуализировано языком. Таким образом, речь идет о выделении морфологической репрезентации как особого категориального способа структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм.

Анализ морфологических категорий и форм в более широком научном ракурсе, в привязке к основным познавательным процессам человека - концептуализации и категоризации, а также к знаниям о мире и языке, которыми располагает человек, позволяет рассматривать морфологические категории как единство концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. В основе морфологических категорий лежат морфологически передаваемые концепты, представляющие собой соединение языковых форм как способа представления знания и самого языкового знания, и реализующиеся в виде конкретных морфологических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект и др.).

Концептуализация в морфологии осуществляется на трех уровнях: предикативности, сказуемости и собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Весь репертуар морфоло-

гических категорий в языке можно рассмотреть и распределить по ориентации на каждый из выделенных уровней. В соответствии с этим в работе выделено три категориальных области. Глагольные категории лица, времени и наклонения ориентированы на уровень предикативности; глагольные категории числа, аспекта, залога и именные категории числа, падежа и рода – на уровень сказуемости; именные категории числа и падежа, степени сравнения прилагательных и наречий, глагольная категория аспекта, а также категория определенности/неопределенности – на уровень собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов.

В морфологии репрезентируются фундаментальные концепты, наиболее важные для построения самой концептуальной системы, например, «КОЛИЧЕСТВО», «ВРЕМЯ», «ОТНОШЕНИЕ». Основными когнитивными механизмами морфологической репрезентации являются профилирование и абстрагирование. Морфологическая категория профилирует в содержании общего концепта наиболее значимые характеристики, которые и составляют основу для формирования морфологически передаваемого концепта. В свою очередь, характеристики морфологически передаваемого концепта, формирующиеся на этой базе, активизируясь через морфологические формы, создают базу для собственно морфологических смыслов.

Между смыслами, формирующими содержание морфологически передаваемого концепта, и значениями морфологических форм, вследствие профилирования, устанавливается отношение репрезентации, представленное по принципу «фон-фигура». В качестве фона выступает общее содержание морфологически передаваемого концепта, в качестве фигуры – значение морфологической формы. Морфологические формы передают максимально обобщенные смыслы (например, множественность, релятивность, длительность и др.), которые служат основой для формирования полноценных лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации. Это происходит в предложении-высказывании под влиянием дополнительных факторов. К их числу относятся: семантический, синтаксический и контекстуальный.

В процессе формирования лексико-грамматических смыслов под влиянием выделенных факторов актуализируются не только базовые характеристики морфологически передаваемого концепта,

но и характеристики основного концепта. Именно сочетание характеристик морфологически передаваемого концепта и характеристик основного концепта способствует возникновению самого широкого спектра лексико-грамматических смыслов. Эта особенность морфологической репрезентации предопределяет тот факт, что морфология, будучи особым языковым уровнем, не существует изолированно, а органично вплетена в ткань языка, являясь необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности и шире, техникой обеспечивающей взаимодействие семантики и синтаксиса.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова, Т.Г.* Семантические признаки в сфере качественной аспектуальности и функционирование видо-временных форм английского глагола / Акимова Т.Г. // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 71-90.
2. *Акуленко, В.В.* О выражении количественности в семантике языка / Акуленко В.В. // Категория количества в современных европейских языках. – Киев: Наукова Думка, 1990. – С. 7-40.
3. *Алефиренко, Н.Ф.* Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Алефиренко Н.Ф. // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума. 22-24 мая 2003 г. Науч. статьи. – Волгоград, 2003. – Ч. I. – С. 3-13.
4. *Алефиренко, Н.Ф.* Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
5. *Алпатов, В.М.* История лингвистических учений: Учебное пособие / В.М. Алпатов. – М., 1998. – 368 с.
6. *Андерсон, Дж. Р.* Когнитивная психология / Дж. Р. Андерсон. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
7. Античные теории языка и стиля (Антология текстов) / Под общ. ред. О.М. Фрейденберга. – СПб., 1996. – 362 с.
8. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Апресян Ю.Д. // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
9. *Аристотель* Физика / Аристотель. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 188 с.
10. *Аристотель* Сочинения: В 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. Метафизика. – 550 с.
11. *Аристотель* Сочинения: В 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.
12. *Арно, А.* Всеобщая рациональная грамматика (грамматика Пор-Рояля) / А. Арно, К. Лансло. – Л., 1991. – 128 с.
13. *Арутюнова, Н.Д.* Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов / Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С. // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 191-237.
14. *Афанасьева, О.В.* Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка / О.В. Афанасьева. – М.: Прометей, 1992. – 95 с.
15. *Ахманова, О.С.* Фонология, морфонология, морфология / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 108 с.
16. *Бабина, Л.В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи / Л.В. Бабина. – Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 264 с.

17. **Бабушкин, А.П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

Список источников фактического материала

- Animal* - Animal welfare and the environment. London: Gerald Duckworth & Company Ltd, 1992.
- Ashe* - Ashe J. Sweet deceiver. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
- Barnes* - Barnes M. Engineering management: Financial control. UK: Thomas Telford Ltd, 1990.
- Binchy* - Binchy M. Circle of friends. London: Coronet Books, 1991.
- BNC* – The British National Corpus // <http://thetis.bl.uk/lookup.htm/>
- Bowring* - Bowring M. Vets in opposition. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
- Bronte* - Bronte E. Wuthering Heights. M.: Foreign Language Publishing House, 1963.
- Carmichael* - Carmichael K. Ceremony of innocence. Basingstoke: Macmillan Publishers Ltd, 1991.
- Chandler* – Chandler R. Farewell, My Lovely. M.: Менеджер, 2000.
- Chadwick* - Chadwick O. Michael Ramsey: a life. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Christie* - Christie A. The Adventure of the Egyptian Tomb // English Story. – M.: Менеджер, 1995. – P. 43-61.
- Collins* – Collins W. The Moonstone. London: Penguin Popular Classics, 1997.
- Enright* - Enright S., Powell T. Anxiety and stress management. London: Routledge & Kegan Paul, 1990.
- Fitzgerald* – Fitzgerald F.S. Tender is the Night. London: Penguin Popular Classics, 1997.
- Galsworthy* – Galsworthy J. The Apple Tree // English Story. – M.: Менеджер, 1996. – P. 3-81.
- Girson* - Girson J. F. Joshua. A Parable for Today. – N.Y.: Macmillan Publishing Company, 1987.
- Griffith* - Griffith J. A. G. The politics of the judiciary. London: Fontana Press, 1991.
- Hardy* - Hardy T. The Well-Beloved. – N.Y.: Macmillan Publishing Company, 1987.
- Hassall* - Hassall A. Jubilee wood. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Howard* - Howard S. Battle for love. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1991.
- James* - James R. Underground. London: Victor Gollancz Ltd, 1989.
- Joyce* – Joyce J. The Boarding House // English Story. – M.: Менеджер, 1996. – P. 128-209.
- Kipling* – Kipling R. Wee Willie Winkie // English Story. – M.: Менеджер, 1996. P. 82-96.
- Lawrence I* – Lawrence D.H. The Plumed Serpent. - Wordsworth Editions Limited, 1995.

- Lawrence II* – Lawrence D.H. Selected Prose. - М.: Менеджер, 2000.
- Laybourn* - Laybourn K. Britain on the breadline. Gloucester: Alan Sutton Publishing Ltd, 1990.
- Mansfield I* – Mansfield K. Honeymoon // English Story. – М.: Менеджер, 1996. – P. 242-287.
- Mansfield II* – Mansfield K. A Cup of Tea // English Story. – М.: Менеджер, 1995. – P. 35-42.
- Masters* - Masters A. Traffic. Hemel Hempstead: Simon & Schuster Young Books, 1991.
- Maugham I* – Maugham W.S. The Painted Veil. N.Y.: Penguin Books, 1998.
- Maugham II* – Maugham W.S. Selected Short Stories. М.: Менеджер, 1996.
- McDermott* – McDermott A. Charming Billy. N.Y.: Dell Publishing, 1999.
- Mortimore* - Mortimore J., Lane, A. Lucifer rising. London: Doctor who books, 1993.
- Neale* - Neale J. The Laughter of Heroes. London: Serpent's Tail, 1993.
- Rayner* - Rayner C. The meddlers. London: Michael Joseph Ltd, 1991.
- Rhodes* - Rhodes E. Ruth Appleby. London: Corgi Books, 1992.
- Thomas* - Thomas H., Gill L. Making an impact. Newton Abbot, Devon: David & Charles Publishers plc, 1989.
- Today* - Today. London: News Group Newspapers Ltd, 1992.
- Wells* – Wells H.G. The Treasure in the Forest // English Story. – М.: Менеджер, 1996. – P. 82-96.
- Wilson* – Wilson C. The Mind Parasites. М.: Raduga Publishers, 1986.